ШЛА ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Россійская Соціалистическая Фед

Смотри, Товарищ!

ВОТ

КРАСНАЯ ЗВѢЗДА

Почему Красная Армія носит

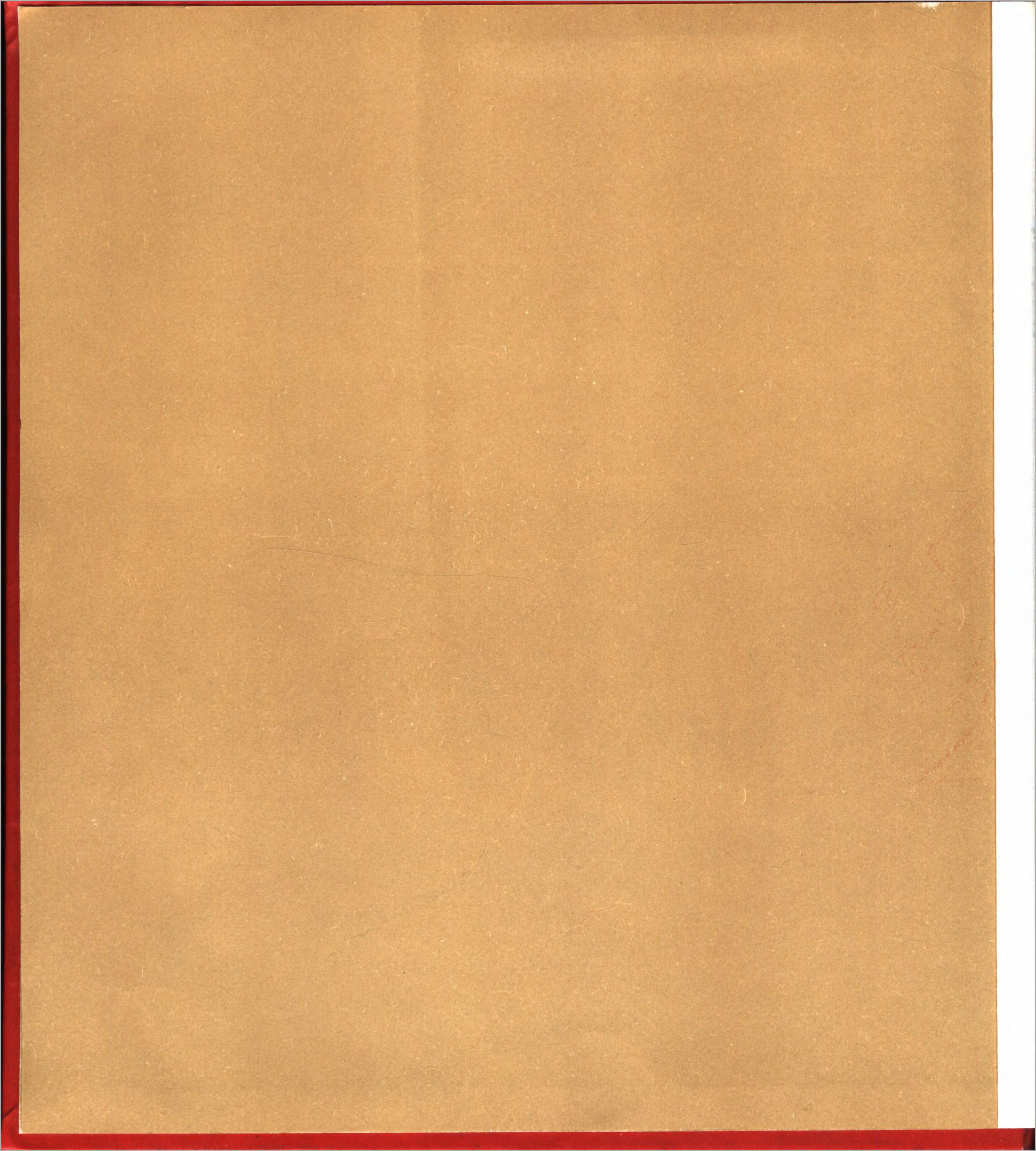
КРАСНУЮ ЗВѢЗДУ?

ративна … Республика.

„Пролета … единяйтесь!"

Ее носят красно-армейцы
на фуражках.
Она — отличительный знак
красно-армейца.

КРАСНАЯ ЗВѢЗДА —
знак Красной Арміи.

ВОЛЬТ СУСЛОВ

ШЛА ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ
РАССКАЗЫ
И СТИХИ

ЛЕНИНГРАД
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1987

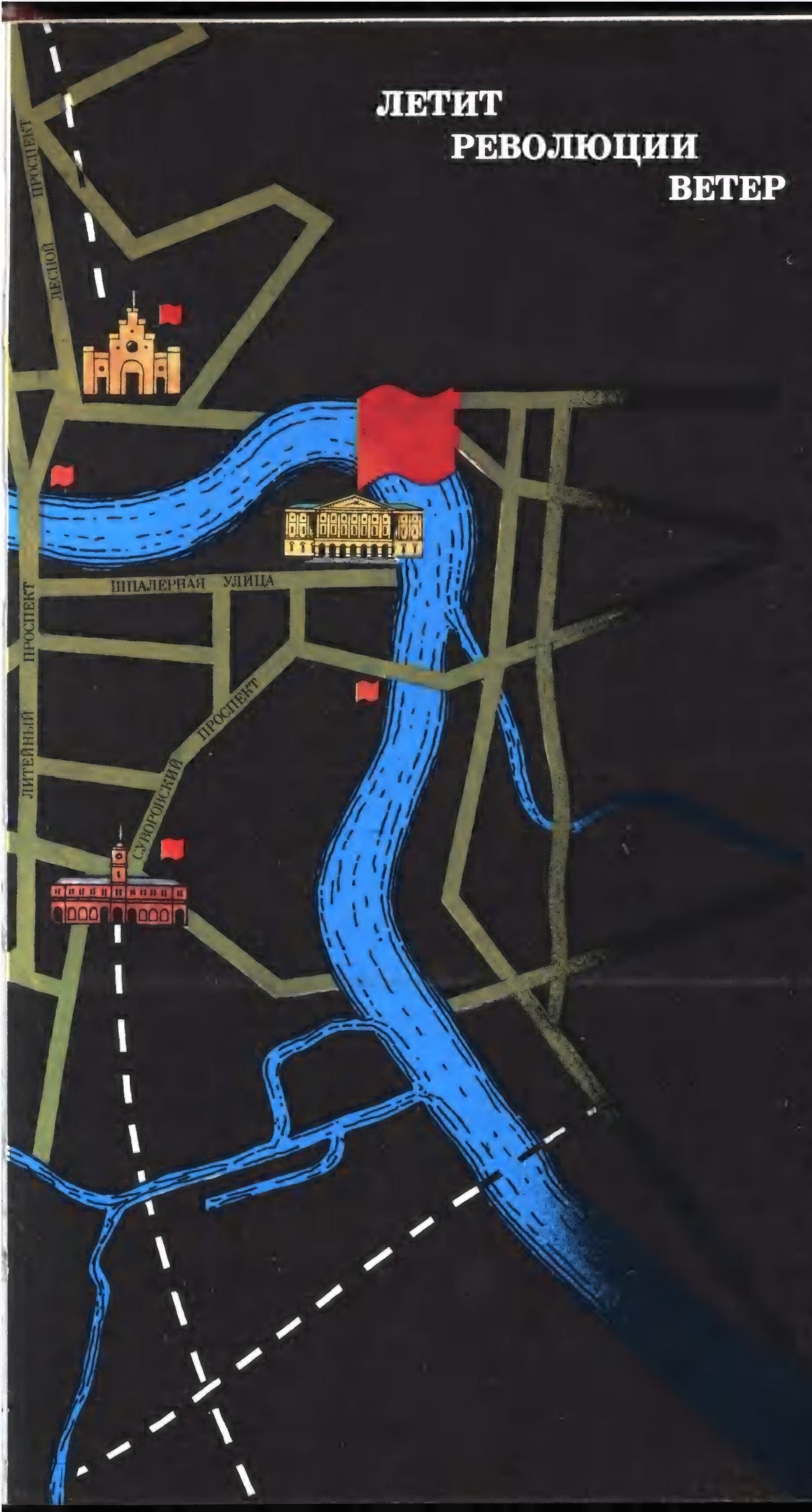
1917

Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов.

КАМЕННООСТРОВСКИЙ ПРОСПЕКТ
САМПСОНИЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ
БОЛЬШОЙ ПРОСПЕКТ
МАЛЫЙ ПРОСПЕКТ
СРЕДНИЙ ПРОСПЕКТ
БОЛЬШОЙ ПРОСПЕКТ
НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ
САДОВАЯ УЛИЦА
ИЗМАЙЛОВСКИЙ ПРОСПЕКТ
ЗАБАЛКАНСКИЙ ПРОСПЕКТ

ЛЕТИТ РЕВОЛЮЦИИ ВЕТЕР

Окно распахни на рассвете,
Прислушайся!
Слышишь?..
Трубит!
Летит
революции
ветер —
Гудит,
в барабаны гремит!
Осеннею ночью седою
Ушел он в нелегкий полет.
Бурлил, клокотал над Невою
Восставший семнадцатый год.
И ветер рванулся в просторы,
Рассеял дождливую тьму.
Орудия гордой «Авроры»
«Вперед!» прогремели ему.
И он закружил над домами,
Ударил в причалы волной:
«Борцы за свободу, я с вами!
Смелее в решительный бой!»
Тот ветер, огнем опаленный,
Отважно сражался в бою,
С Котовским и с Первою Конной
Был первым в солдатском строю.
Летел над донскими степями,
Ходил над Амуром в штыки,
Распахивал алое знамя,
На штурм поднимая полки!
Трубил с трубачами:
«По коням!
Эй, кто там не слышит?
Подъем!
Мы белую свору разгоним
И всех интервентов сметем!»
Далёко былые походы,
Но ветер — тот ветер! — в пути.
Сквозь тучи,
сквозь грозы,
сквозь годы
Он так же упрямо
летит.
Гремит революции ветер:
«Борцы за свободу, вперед!
Сметем мы и цепи, и плети!
Смелее! Победа придет!
Ее непременно мы встретим!
Кто прав, тот всегда победит!»
Летит
революции ветер!
Над всею планетой
летит!

МАЛЬЧИШКА С ПУТИЛОВСКОГО

Октябрь 1917 года выдался сырым, холодым и ветреным. Но Володька ничего этого не замечал. Стоило ли обращать внимание на какие-то дожди, слякоть, когда прямо в заводском дворе строились красногвардейские сотни, распределялись новенькие брезентовые патронташи, подсумки, пулеметные ленты, а с Охтинских складов даже привезли винтовки и штыки к ним!

К сожалению, все это было не для Володьки...

Ведь это же надо, как не повезло человеку: двенадцать красногвардейских сотен сформировали путиловцы и ни в одну из них Володьку не взяли!

«Не вышел», — говорят. И не поспоришь. Вправду «не вышел». Годов еще маловато. И росту, как назло, метр с кепкой!.. А то, что он сознательный, сочувствующий и хоть сейчас готов идти скидывать Временное правительство,— так на Путиловском заводе все такие! Все только и спрашивают: «Когда пойдем? Когда выступаем?»

Володька с заводского двора — ни на шаг! Уйдешь — как раз и прозеваешь. Без тебя приказ выступать придет.

Володька это хорошо понимал и для себя решил держаться поближе к сотням Григория Самодеда и машиниста Суркова. Сотни их носили номера «первая» и «вторая», — стало быть, им и выступать первыми. Если же они вместе пойдут, Володька для себя вторую сотню выбрал. Самодед его и так уже раза четыре прочь гонял, а в сотне Суркова есть дядя Порфирий — сосед.

После полудня разнеслось по двору:

— Становись!

Как раз те первые сотни и построились. За ворота вышли. «Смело, товарищи, в ногу» запели.

Не было в их строю Володьки, только он все равно был! Сотня по мостовой, по булыжнику шагает, а он по дощатым тротуарам возле самых домов рядом идет. Дядя Порфирий рукой ему машет: дескать, хватит, проводил уже, домой ступай. Как бы не так! Володька нарочно вперед сотни забежал, поджидает ее, по сторонам смотрит.

Ничего особенного по сторонам не видно. Город как город. День как день. Лавки открыты. Извозчики лениво своих лошадок погоняют. Возле круглых тумб с афишами люди толпятся, разные воззвания и приказы читают, спорят. Кто зонтиком размахивает, кто просто руками. Вроде и не догадывается никто, что не куда-нибудь идут красногвардейские сотни, а Зимний дворец брать!

На Садовой сотня остановилась. Сурков перекур объявил. Потом снова построил всех, говорит:

— Товарищи, кто в себе не уверен или самочувствие плохое, разрешаю возвратиться домой.

Никто не ушел.

От Сенной площади влево свернули, на Морскую улицу. По ней уже вышли прямо к высоченному желтому зданию с огромной аркой. Возле арки солдат полно, матросов. Артиллеристы пушку катят. Кто-то высокий, в кожанке и с трубкой в зубах, к путиловцам вышел, руку поднял, скомандовал:

— Стой!

С Сурковым за руку поздоровался, посоветовал:

— Располагайтесь поближе к стенам. Под арку не суйтесь: постреливают.

Сурков головой кивнул, спросил на всякий случай:

— А когда вперед?

— Когда прикажут. Пока переговоры ведем. Товарищ Чудновский во дворец пошел с ультиматумом.

Володька к дяде Порфирию протиснулся.

— Кто это? — на человека в кожанке показал.

— Товарищ Еремеев, Константин Сергеевич. Газету «Правда» знаешь? Так ее редактор. А сейчас — член Военно-революционного комитета. С ним, видать, и пойдем на Зимний.

Володька головой кивнул, назад за чьи-то спины подался. Среди шинелей, курток, пальтушек протиснулся на площадь взглянуть. Вон он, дворец! Окна, окна, окна!.. Колонны белые. На крыше какие-то фигуры стоят. Каменные, наверное. Перед дворцом — поленницы дров. С бревен огоньки вспыхивают. Стреляют.

Если бы Володька не из-под арки смотрел, а на нее на самую крышу забрался, увидел бы он картину пошире. Увидел бы, что дворец со всех сторон окружен. В полукольцо взят. Полукольцо это концами своими в Неву упирается. На Адмиралтейской набережной с матросами вместе отряд Петергофского района позиции занял. Дальше в Александровском саду солдаты-кексгольмцы расположились, броневой дивизион, красногвардейцы. Пулеметчики с их Путиловского тоже там. А сотня Самодеда с другой стороны к Зимнему подходит: по Миллионной улице вместе с солдатами Павловского полка идет. У Певческого моста — отряды Выборгской стороны. На Полицейском мосту их путиловские трехдюймовки стоят. Никуда теперь «временным» не вырваться!

Минута за минутой тянутся, в часы сплетаются. Судя по всему, «временные» ультиматум отвергли, не хотят добром сдаваться.

Темнеть уже начало. Дождик хотя и маленький, но идет все. Словно из лейки сыплет.

— Путиловцы, в цепь! — донесся до Володьки голос Суркова.

Мимо дядя Порфирий пробежал, за ним другие. Прямо на открытую площадь. Пробежали и тут же залегли. За первой вторая цепь рванулась. Тоже залегла. Пушкари свое орудие прямо в середину арки выкатили.

— Товарищ Еремеев, — спрашивают, — разрешите по юнкерам пальнуть?

— Еще в колонну угадаете, красоту такую попортите...

— Ни в жисть! Прямехонько поленницу раскидаем. Могем и ворота дворцу снести.

— Без приказа не стрелять! — сурово отвечает Еремеев.

— Так сколько ж без дела-то сидеть?

Володька спор не дослушал. Отклеился от стены, пригнулся, побежал свою сотню догонять.

Чем больше темнело, тем сильнее становился огонь. У юнкеров — от страха, наверное, у красногвардейцев — от нетерпения.

— Эй, малец! — тронул Володьку за плечо матрос в распахнутом бушлате. — На колонну держи! За нее прячься. Ни вправо, ни влево чтоб!

Володька послушался, чуть наискосок побежал. Шлеп в лужу! Лежит. Все лежат, и он лежит. Со всеми вместе приказа ждет. Матрос тоже рядом лежит.

— Пожевать бы чего... — шепчет.

Тут только Володька вспомнил, что и у него с утра маковой росинки во рту не было. Сглотнул слюну. Хотел дальше бежать, да в это время ка-ак грохнет!

— «Аврора»! — крикнул матрос, вскакивая на ноги.

Не он один — вся площадь поднялась.

— Ура-а-а!

Через площадь!

Через поленницы!

Во двор!

В подъезд какой-то!

Володька своих путиловцев вмиг потерял. Бежит — только спину в бушлате да ленточки от бескозырки впереди видит.

С первого этажа на второй!

Со второго на третий!

1917

Матрос тоже потерялся. Наверное, за юнкерами на чердак подался. Володьку людской волной в какой-то другой коридор вынесло. А там — Сурков!.. Увидел Володьку:

— Ты зачем здесь?!

И рукой махнул:

— Ищи, где тут юнкера попрятались.

А они везде! За шторами. За кроватями. В шкафах. Трясутся, руки вверх тянут.

Сколько комнат пробежали, Володька не помнит. Последней оказалась дворцовая кухня. Котлы в ней — ого! В любом каши можно наварить столько, что на весь цех хватит!

Поднял Володька крышку, что котел прикрывала, а там дядька сидит!.. Не военный. Высунул голову из котла и лепечет:

— Повар я, господа почтенные, повар...

— Ну, коли повар, — говорит Сурков, — тогда давай корми!

Дядька из котла выкарабкался.

— Сейчас, сейчас, — шепчет. — Хлеба нет, а колбаса вот...

Открыл шкаф какой-то, а там и впрямь колбаса! Словно дрова в поленницы сложены.

Никогда Володька такой вкусной колбасы не ел. Так увлекся, что и не заметил, как Сурков с отрядом из кухни исчезли. Побежал догонять. А куда? В какую дверь они нырнули?

Бежит Володька по коридорам, по залам, по бывшим царским покоям. За окнами ночь уже. Тяжело бежит Володька. Устал. Наверное, от колбасы. «А что, — думает, — бежать-то? Дворец теперь наш. Отдохну и пойду домой».

Сел Володька в какое-то кресло раззолоченное. Хорошее кресло, мягкое. И то ли уснул, то ли еще только собирался, слышит вдруг:

— Ай да малец! Ишь стульчик выбрал!

Глядит Володька — матрос. Тот самый. С ним еще двое. Стоят и смеются.

— Ты где сидишь-то? — спрашивают.

— В кресле...

— В кресле?!

Матросы еще пуще развеселились. Потом один говорит:

— Не в кресле ты, малец, — на царском троне сидишь! Да оно и верно: сиди! Ты теперь тут хозяин.

Матроса того Володька на всю жизнь запомнил. Правильно он тогда сказал: «Ты тут хозяин».

Вырос Володька и стал настоящим хозяином своей страны, своего бывшего Путиловского завода, ставшего Кировским.

Родина присвоила Владимиру Якумовичу Карасеву высокое звание Героя Социалистического Труда. Товарищи по работе послали его в Москву — делегатом XX съезда партии. Избрали его там кандидатом в члены Центрального Комитета КПСС.

Про ту октябрьскую ночь любил он пионерам рассказывать.

Я и сам его слышал. В редакции газеты «Ленинские искры».

ГОЛОС РЕВОЛЮЦИИ

Корабль по морю идет — следа не оставляет. Радиограмма над волнами летит — тоже ее не видно. А жаль... Если бы в те октябрьские дни засверкали, засветились точки и тире, то-то была бы искрометная метель над Петроградом! Кружилась бы она над крышами его домов, разлеталась во все концы необъятной страны.

Первым ключ радиотелеграфа застучал на «Авроре»:

«Все гарнизоны, охраняющие подступы к Петрограду, должны быть в полной боевой готовности. — Федор Алонцев передавал предписание № 1 Военно-революционного комитета. — Не пропускать в Петроград ни одной военной части, которая неизвестна заранее преданностью революции...»

В наши дни каждому из нас доводилось, наверное, слышать: «Работают все радиостанции Советского Союза и Центральное телевидение». Тогда, в 1917-м, радиостанции революции можно было по пальцам пересчитать. Кроме «Авроры» воззвания молодого Советского государства, приказы его Военно-револю-

ционного комитета передавали еще радиостанция, находящаяся на маленьком островке Новая Голландия, радиостанции Офицерской электротехнической школы, Петроградского радиотелеграфа, Таврического дворца да еще кораблей Балтики, вошедших в Неву.

Самой мощной была радиостанция в Царском Селе. В час ночи 26 октября, заглушая писк иностранных передатчиков, полетели громкоголосые сигналы:

«Всем армейским комитетам действующей армии, всем Советам солдатских депутатов...

Петроградский гарнизон и пролетариат низверг правительство Керенского... Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов торжественно приветствовал совершившийся переворот и признал, впредь до создания правительства Советов, власть Военно-революционного комитета...

Солдаты! За мир, за хлеб, за землю, за народную власть!»

Знаете, сколько времени передавали эту радиограмму? Больше суток. Совсем не потому, что она была очень длинной, — наоборот, радиограмма была короткой и четкой, но где бы ее ни принимали, едва успев записать, радиотелеграфисты снова брались за ключ и снова передавали ее — дальше, дальше! В Москву. В Севастополь. В Киев. Вахтенный радист морской станции в Ревеле (так тогда назывался нынешний Таллин) принял ее в 1 час 20 минут 27 октября.

А следом летели другие точки и тире, несли слова ленинского воззвания «Рабочим, солдатам и крестьянам!»:

«Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки... Съезд постановляет: вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок».

Разумеется, «на местах», то есть в других городах России, власть находилась еще в руках помещиков и капиталистов и посылать туда телеграммы надо было с хитрецой. Но большевики-ленинцы уже знали условный язык Питера и понимали, что следует делать. О победе пролетарской революции в город Козлов (ныне Мичуринск) пошла телеграмма: «Поторопитесь высылкой отчислений». Во Владимир: «Докладчик будет». В Иваново-Вознесенск: «Высылаем сегодня». В Смоленск: «Литературу присылаем». В город Тверь (сегодняшний город Калинин): «Газеты высылаем».

«На местах» все было понято как нужно. Уже на следующее утро, 27 октября 1917 года, красные знамена развевались над зданиями Советов в Рязани, Уфе, Казани, Екатеринбурге (нынешнем Свердловске)...

МАТРОСЫ И КАЗАКИ

В один и тот же день, в один и тот же час к Петрограду шли два поезда. Один — с севера, из столицы Финляндии Гельсингфорса, где стояли корабли Балтийского флота, другой — с запада, со стороны города Пскова. В одном ехали матросы, в другом — казаки.

В том поезде, что шел с севера, ехал матрос Павел Дыбенко. Впрочем, в те дни он был уже не матросом линкора «Император Павел I», а председателем Центробалта — Центрального Комитета Балтийского флота. Это ему три дня назад, 24 октября 1917 года, поступила телеграмма секретаря Петроградского Военно-революционного комитета товарища Антонова-Овсеенко: «Высылай устав».

Что за «устав» выслать, Дыбенко сразу понял: заблаговременно все условлено было.

И в Петроград пошли эскадренные миноносцы «Самсон», «Забияка», «Меткий», «Деятельный», минный заградитель «Амур», посыльное судно

«Ястреб», учебное — «Верный». Рядом с «Авророй» целая эскадра революции в Неве стала.

Теперь Петроград срочно вызывал самого товарища Дыбенко.

В поезде же, шедшем с запада, ехал царский генерал Краснов с казаками 9-го Донского полка.

Казаки уже было по своим домам собрались. С бывшего германского фронта к родному Дону. Да встретили их в городе Острове генерал Краснов с удравшим из Зимнего дворца премьером Временного правительства Керенским. Наговорили всякого!..

И не поймешь, что вокруг делается. Потом велели всем немедленно в эшелоны грузиться и катить к Петрограду. Освобождать его от большевиков, которые, по их словам, все «сплошь немецкие шпионы».

Примерно в одно и то же время прибыли поезда к платформам. Северный, что с моряками, — на Финляндский вокзал. Западный, казачий, — в город Гатчину. Дальше ему было не проехать. Красный Петроград, узнав, что идут на него походом Керенский с Красновым, встал на защиту завоеванной свободы. К Пулковским высотам зашагали отряды красногвардейцев.

Павел Дыбенко с вокзала — прямо в Смольный, в комнату № 85, к председателю Военно-революционного комитета товарищу Подвойскому.

— Приехали? — встретил он Дыбенко. — Очень хорошо. А матросы? Артиллерия? Где? Сколько?

— Кроме тех трех тысяч, что уже здесь, еще полторы тысячи едут. С ними две батареи.

— Это уже полегче... Наши части оставили Гатчину. Керенский движется на Царское Село.

Бои между тем шли уже за Царским Селом — у Пулковских высот. Грохотали пушки. Над необстрелянными, впервые попавшими под огонь красногвардейцами свистели разрывы шрапнели, разлетались железные осколки с острыми рваными краями. Красногвардейцы падали, стараясь вдавиться в колючую осеннюю траву. Но едва замолкали пушки, и сразу следом за обстрелом на цепи наших бойцов скакали, размахивая шашками, казаки — их встречали ружейные залпы. Падали лошади. Валились из седел казаки.

Ни генерала Краснова, ни Керенского на поле боя не было. Генерал сидел в Гатчине, а бывший премьер метался по комнатам бывшего царского дворца в Царском Селе или с пулеметной скоростью диктовал телеграммы:

«Объявляю, что я — министр-председатель Временного правительства и верховный главнокомандующий всеми вооруженными силами... прибыл сегодня во главе войск фронта... Предлагаю всем частям Петроградского военного округа... вернуться немедля... к исполнению своего долга. Керенский».

«Приказываю принять немедленные меры к пропуску через Оршу всех батальонов волонтеров в направлении Гатчина — Царское Село в мое распоряжение. Керенский».

«Приказываю командирам подводных лодок топить суда, не повинующиеся Временному правительству. Керенский».

«В Ставку. Прошу сделать распоряжение о посылке ударных частей и кавалерии... Напрягите всю энергию к скорейшему продвижению войск. Керенский».

ДЫБЕНКО
Павел Ефимович

Балтийский матрос. Член Коммунистической партии с 1912 года.
В 1917 году — председатель Центробалта, член Петроградского Военно-революционного комитета. Командовал войсками при подавлении мятежа Керенского — Краснова. В годы гражданской войны — командир полка, начдив, командарм, командующий группой войск на Украине.

АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО
Владимир Александрович

Участник революционного движения с 1901 года. Член Коммунистической партии с 1917 года. Один из руководителей штурма Зимнего дворца. В ноябре—декабре 1917 года — командующий войсками Петроградского военного округа, в марте—мае 1918 года—Верховный главнокомандующий советскими войсками Юга России. Позднее — командующий Украинским фронтом.

Дыбенко телеграфом почти не пользовался. А вот «скорейшее продвижение войск» организовал. Своих войск. Привел под Пулково отряды моряков Николая Ховрина, Ивана Сладкова, сводный красный отряд товарища Сиверса. И защитники Петрограда поднялись во весь рост, пошли в наступление и вышвырнули казаков из Царского Села.

В Гатчину.

А дальше произошло вот что...

Не успели красногвардейцы разместиться по казармам, чтобы хоть от дождя где-то спрятаться, прибежал к Дыбенко матрос Трушин.

— Там это... как их... парламентеры, — докладывает. — На переговоры, стало быть. От казаков.

— Веди.

Вошли офицер и два казака. Оглядел их Дыбенко с ног до головы — бравого вида не приметил.

— От Керенского? — спросил.

— Нет, — ответил офицер. — Ни генерал, ни премьер-министр о нашей делегации не знают.

— Донцы нас послали, — уточнил высокий бородатый казак. — Нам все толкуют, что мы против немецких шпионов воюем, а у нас сумнение... Откуда столько шпионов могет быть?

— Я на шпиона похож? — спрашивает Дыбенко.

— Не... На моряка похож.

— Н-да... — говорит Дыбенко. — Крепко вам Керенский головы задурил. Нашли кому верить.

— Да мы-то и не верим, — откликнулся тот же бородатый. — К вам пока шли, видели: вроде все наши, простые, обыкновенные. Сумневаемся мы... Вот ежели б вы нашим казакам все в точности обсказали...

— А что, и обскажу, — улыбнулся Дыбенко. — Трушин, машину!

— Есть!

И покатил Дыбенко в Гатчину. Вдвоем. Кроме матроса Трушина, не взял с собой никого. В автомобиле как раз все пятеро поместились: двое матросов да трое казаков.

Прямо к гатчинскому дворцу приехали. Дежурный офицер выскочил:

— Кто такие? Сдать оружие! Арестовать!

Дыбенко с Трушиным без боязни на офицера смотрят.

— Это как же так — арестовать? — вступился за моряков бородатый. — Они нас добром приняли, с миром отпустили, а мы их, значит, арестовать! Нет, пущай сначала всем казакам обскажут, что в Петрограде деется. Созывай митинг!

Повели Дыбенко с Трушиным в казарму: не под дождем же митинговать! В казарме деревянные нары двухэтажные понаделаны. Казаки — кто лежит, кто сидит. Офицеры тут же. Презрительные улыбочки корчат, глазами так и сверлят.

Только матроса Дыбенко на испуг не возьмешь. Про Питер он еще и слова не сказал — прежде всего спрашивает:

— Керенский здесь?

— Да.

ПОДВОЙСКИЙ
Николай Ильич

Революционер с 1898 года. Член Коммунистической партии с 1901 года. Руководитель военной организации при Петербургском комитете партии большевиков, председатель Военно-революционного комитета, руководивший штурмом Зимнего дворца. Один из создателей Красной Армии.

— Требую приставить к нему надежный караул. Убежит — отвечать будете.

Только после этого поднялся на нижние нары, чтобы все казаки его видели, начал говорить о том, что если уж они немецких шпионов ищут, то искать их надо было во Временном правительстве. Те с самого февраля пытались сдать Петроград немцам. Чтобы задушить революцию. А вот кончать войну — это как раз требование большевиков.

Понятное дело, не понравились офицерам такие речи, закричали:

— Станичники, что уши развесили!

— Это же предатель!

— Не верьте ему!

Дыбенко будто и не слышит их, продолжает:

— В Петрограде состоялся Второй съезд Советов. Приняты декреты о немедленном заключении мира, о передаче земли крестьянам, об отмене смертной казни на фронте.

Слушают казаки. Махрой дымят. За сизым дымом уже и лиц никаких не разглядеть.

— Не немецкие шпионы взяли власть в свои руки, — продолжает Дыбенко, — а рабочие, крестьяне, солдаты и матросы, такие же, как и вы, казаки-труженики. Флот первый доказал свою преданность революции и готовность к защите страны в моодзундских боях, где в борьбе с немцами он дрался до последней капли крови, он же первый выступил и на защиту Советской власти.

— Правильно! — донеслось из облака табачного дыма. — Матросы — наши братья, мы с ними пойдем!

— Вон их отсюда! — завизжал какой-то офицерик. — К стенке!

В ответ:

— Погодь к стенке-то. Осмыслить надо... Все одно нам, одним казакам, против всей России не устоять. Если вся Россия с ними, что же нам делать?..

Видит Дыбенко, казаки уже своих офицеров не слушают, сами пытаются во всем разобраться. Вопросы сыплют. Ежели они, к примеру, сложат оружие, отпустят их на Дон да на Кубань или нет? А ежели они Керенского, что за той вон стенкой сидит, арестуют, потом не накажут?

И тут как раз:

— Убег! Бежал, стерва!

— Кто?!

— Да Керенский!

— Из Зимнего на американской машине утек, а тут и вовсе в бабье платье обрядился!..

Тут уж не только рядовые казаки, но даже офицеры возмутились:

— Предатель! Бросил! Бегите на телеграф! Пусть задержат!

И полетела вслед бывшему премьеру телеграмма:

«Всем, всем. Керенский позорно бежал, бросил нас на произвол судьбы. Каждый, кто встретит его, где бы он ни появился, должен его арестовать, как труса и предателя. Казачий совет 3-го корпуса».

К казармам тем временем подходили отряд балтийских моряков, красногвардейцы Сиверса и верный революции Финляндский полк.

Казаки сложили оружие. А в половине седьмого вечера был арестован и генерал Краснов.

— Вы меня расстреляете? — спросил он Дыбенко.

— Нет. Мы вас немедленно отправим в Петроград.

Там генерал дал слово, что никогда не будет воевать против Советской власти. Краснова отпустили. Только не сдержал он своего генеральского слова...

Над Гатчиной между тем нависла новая угроза.

— Вы не очень-то радуйтесь, господин победитель, — процедил сквозь зубы казачий вахмистр, проходя мимо Дыбенко. — Скоро вас отсюда вышвырнут. В Гатчину идет эшелон с ударниками. Слышали про таких? Ударные батальоны русской армии! Три тысячи штыков! А вас — курам на смех...

Дыбенко об этом знал.

— Что будем делать? — спросил Сиверса. — Ударников в шесть раз больше нас..

— Применим революционную смекалку, — отозвался Сиверс.

На путях гатчинского железнодорожного узла было немало разбросанных пустых вагонов. Прибежал маневровый паровозик, и вагоны задвигались, начали выстраиваться друг за другом...

Когда в Гатчину прибыл эшелон с ударниками, то солдаты увидели: напротив них, на соседних путях, стоит другой длиннущий эшелон. Из окон некоторых вагонов стволы пулеметов торчат, винтовки выглядывают. За закрытыми дверями не видно, сколько там солдат. Может, сотни. Может, нет никого. Только вон еще у железнодорожного полотна пушки стоят...

К эшелону матрос идет.

— Я, — говорит, — член Военно-революционного комитета Дыбенко. Предлагаю сдаться. В противном случае откроем артогонь.

Кому из солдат попусту умирать охота? Никому. Решили сложить оружие. Офицеры бежать кинулись. Отстреливаются. Ну да их сами же ударники и угостили из пулеметов.

Пулеметы и винтовки сдали потом матросам. Мирным строем по гатчинским улицам промаршировали: в пополнение к уже разоруженным казакам.

СИВЕРС
Рудольф Фердинандович

Командир Красной Армии. Член Коммунистической партии с 1917 года. Один из создателей и редактор большевистской газеты «Окопная правда». Член военной организации при ЦК РСДРП(б). Командир отряда красногвардейцев при подавлении мятежа Керенского — Краснова. Командир Северного летучего отряда на Украине. Командарм, комбриг. Умер от ран в 1918 году.

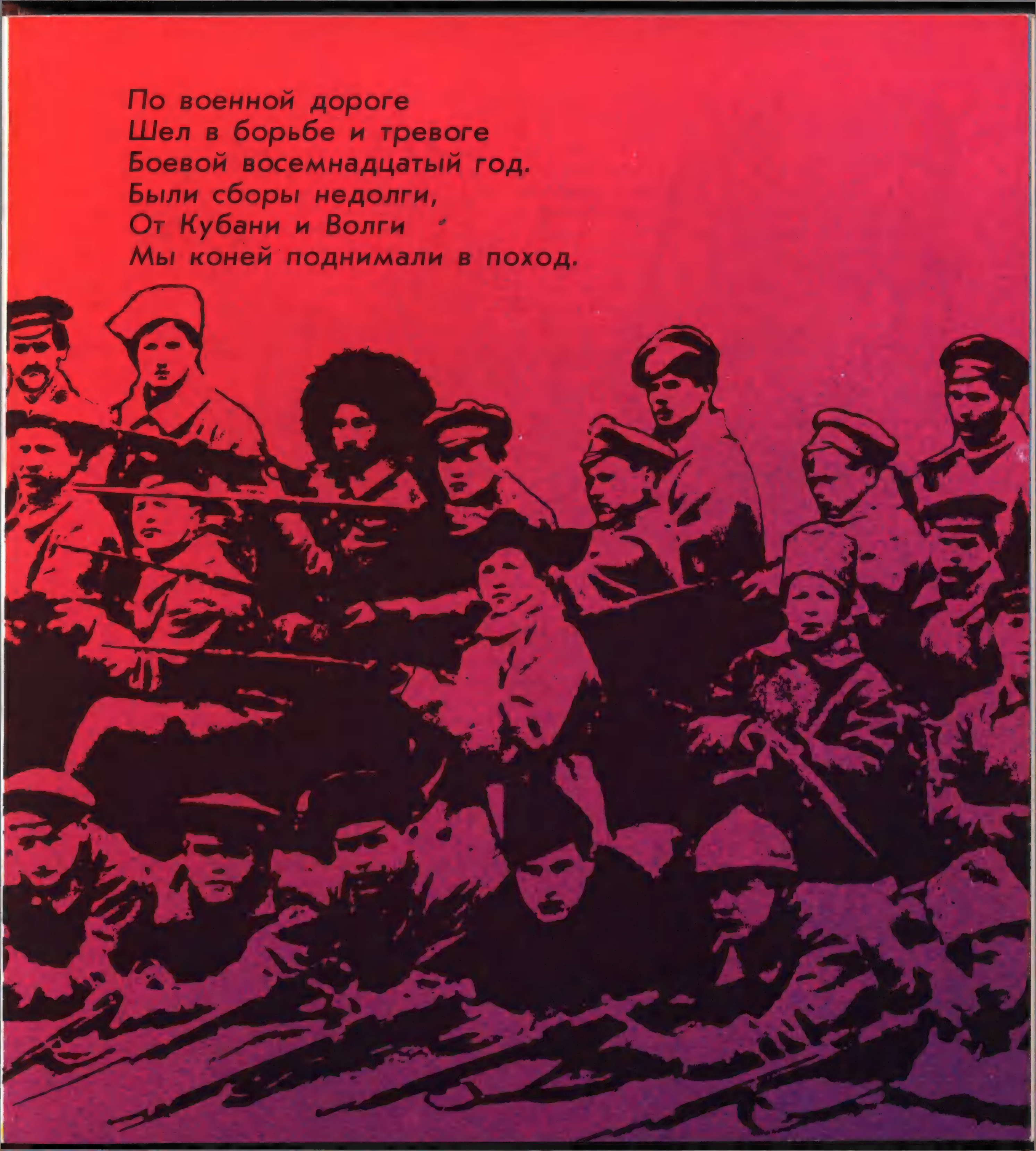
И тут как тут — кинематографщик! Из Питера приехал. Думал, бой снимать будет, а в Гатчине вместо пальбы смех да шутки кругом.

— Товарищ Дыбенко, — кричит Трушин. — Пусть снимет, как казаки с ударниками удирают, а мы их преследуем. Сивков, слышь, ты Керенского изображать будешь: тебе женское платье к лицу!..

— Ладно шутковать, — откликнулся Дыбенко. — Строй всех! Промаршируем для истории. И казаки с ударниками пусть строятся. Гражданская война окончилась.

Ошибся он, Павел Ефимович Дыбенко: гражданская война только еще начиналась...

1918

По военной дороге
Шел в борьбе и тревоге
Боевой восемнадцатый год.
Были сборы недолги,
От Кубани и Волги
Мы коней поднимали в поход.

ПЕРВЫЙ БОЙ ПЕРВОГО ПОЛКА

Не много было бойцов у Яна Фабрициуса в первом бою. Совсем не много. Всего сорок три рабочих-путиловца.

Сам он ездил к ним на завод, выступал на митинге, рассказывал о нависшей над Петроградом опасности.

Тогда, в феврале восемнадцатого, германские войска двинулись на молодую Республику Советов по всему фронту — от Украины до Прибалтики. Их сомкнутые полки в железных касках приближались к Пскову и Нарве. Еще два-три перехода — и они могли оказаться у стен Петрограда.

Ян Фабрициус ехал им навстречу.

В своей полевой сумке он хранил газету «Правда» с крупным заголовком: «Социалистическое отечество в опасности!». Снова и снова читал он затертые уже шеренги строк. Отрываясь от них, смотрел в окно. Там было все знакомо. Всего лишь три месяца назад ехал он по этой дороге. Только не из Петрограда,

а в Петроград. Стрелки Латышской дивизии избрали его делегатом на III Всероссийский съезд Советов. На нем он впервые увидел Ленина. А самого Фабрициуса избрали тогда членом правительства — в военную секцию Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета — ВЦИК.

И когда пришло сообщение о начавшемся наступлении кайзеровских войск, он первым попросил слова на заседании ВЦИК. Кто-то из противников Владимира Ильича, какой-то из «левых коммунистов», помнится, тогда прошептал довольно громко: «Тоже специалист нашелся!» Фабрициуса это не смутило. Он встал и ответил: «Здесь кто-то хихикает, выражая сомнение в моей военной подготовке. Я сын батрака и, к сожалению, военной академии не кончал. Но я прошел фронтовую трехгодичную школу и по опыту знаю, что, отсиживаясь в обороне, врага не победишь. Надо идти в поле. Революция должна сохранить за собой боевую инициативу. Здесь кое-кто предлагает готовить к обороне Таврический дворец, прятаться в закоулках. Это удел трусов и предателей. К массам, в поле, в открытый бой — вот наша тактика».

ФАБРИЦИУС
Ян Фрицевич

Участник революционного движения с 1891 года. Член Коммунистической партии с 1903 года. Один из первых командиров Красной Армии. Комиссар, начдив, комбриг. Участник боев с войсками немецких захватчиков, с армиями генералов Деникина, Мамонтова, Шкуро, с белополяками, участник подавления Кронштадтского мятежа.

Теперь он ехал с путиловцами в это поле... Не в хлебное поле, не в клевера — ехал к полю боя.

Все бы ничего — солдат маловато!.. В двух теплушках поместились.

В Нарве соскочил на платформу — походить, поразмяться немного. И сразу же услышал:

— Ян!

Перескакивая через рельсы, к нему бежал Анс Дауман, старый фронтовой друг.

— Анс! Откуда ты? — удивился Фабрициус. — Каким тебя ветром сюда занесло?

— Ох, нехорошим ветром, Ян. Драпаю. Из самого Гдова бегу. Ноги по колени сносил.

— Что случилось?

— Разве сам не знаешь? Бывшая армия царя-батюшки приказала долго жить. Новой нету. Вот немцы и прут. А тут еще свои, в спину!.. Прапорщик Белов. Слыхал про такого вояку? Нет пока? А он, гидра буржуйская, в Гдове исполком захватил. Кого — в тюрьму, кого — к стенке.

Фабрициус слушал молча. Дауман продолжал:

— В тюрьме-то, знаешь, Ян, наши ребята. Из Латышского полка, из Новоладожского. Как помочь?

— Со мной сорок три человека. Пойдешь с нами — будет сорок четыре. Сейчас перецепим теплушки — и на Гдов.

Снова застучали под полом колеса, замелькали сосны, деревеньки. У станции Третий разъезд эшелон остановился. Дауман отодвинул тяжелую дверь, увидел солдат, крикнул:

— Братцы, чьи будете?

— Четвертого Копорского пехотного полка.

— И куда путь держите?

— Известное дело — по домам!

— А революцию кто защищать будет? — спрыгнул на снег Фабрициус. — Старший у вас есть кто?

— Вона — Блинов.

— Слушай, друг-товарищ, — подошел Ян к Блинову. — Дай команду собраться, два слова скажу.

— А вы откуда? — спросил в свою очередь Блинов.

— Из Питера.

— Коли из Питера, команду дам.

О чем говорить, Ян и сам не знал толком. Понимал одно: этот неплохой батальон, не бросивший ни одной винтовки, надо забрать с собой! Достав из сумки газету, начал читать:

— «Выполняя поручение капиталистов всех стран, германский милитаризм хочет задушить русских и украинских рабочих и крестьян, вернуть земли помещикам, фабрики и заводы — банкирам, власть — монархии. Германские генералы хотят установить свой «порядок» в Петрограде и в Киеве.

Социалистическая Республика Советов находится в величайшей опасности».

— Кто писал? — крикнули из рядов.

— Ленин, — ответил Ян и стал читать дальше: — «Священным долгом рабочих и крестьян России является беззаветная защита Республики Советов против полчищ буржуазно-империалистической Германии».

Копорцы больше не перебивали, и, дочитав до конца, Фабрициус сказал уже от себя:

— Я понимаю, устали вы воевать. Три года в окопах сидите. Дома детишки заждались вас. Ну, а коли и до ваших деревень немцы дойдут, что тогда? Рано еще нам винтовки бросать. Я тоже сражался под Ригой, о копорцах там добрая слава шла. За Советы никто вас голосовать не заставлял, сами выбрали свою власть. А сейчас в Гдове эта власть Советов в тюрьме сидит. Белогвардейский прапорщик Белов поднял контрреволюционное восстание. И еще. В стране создается новая Рабоче-Крестьянская Красная Армия. Кто хочет вступить в ее ряды, прошу поднять руки.

— Голосовать не будем, — вышел вперед Блинов. — Все согласны. Копорцы — народ дружный. Веди на Гдов.

Пополнился отряд Фабрициуса. К путиловцам прибавилось сразу пятьсот пятьдесят солдат и тридцать пять конников.

Вечером того же дня Фабрициус отправил телеграмму в газету «Правда»: «Гдов освобожден от белогвардейцев. Бывший городской голова, руководитель местной буржуазии, арестован... К нашему отряду изъявила желание присоединиться еще одна рота из оставшихся войсковых частей».

Уже после отправки телеграммы удалось сколотить еще конный отряд. Командовать им доверили путиловцам братьям Новиковым.

Два дня промелькнули в непрерывных заботах.

На третий прискакал на взмыленном коне молодой парень в армяке и рваном треухе.

— Немцы! — объявил он, соскакивая с коня. — Промеж Чудским и Псковским озерами идут. Видимо-невидимо! Вот пакет вам...

Пакет был от командира партизанского отряда: «Имею в строю 50 сабель. Сдержать неприятеля не в силах. Срочно шлите подкрепление». «Срочно» было три раза подчеркнуто.

Фабрициус и сам понимал, что здесь медлить нельзя. А до этой деревни Самолвы, откуда прискакал парень, не близко... Пехота дойти туда не успеет.

Придется выступать только с конницей. Взять конную разведку копорцев, кавалеристов отряда Новиковых... Всего выходит около полутораста сабель.

«Видимо-невидимо», конечно, преувеличение. У страха глаза велики. Но все равно сил у германцев значительно больше. Выход один: опередить их. Ударить внезапно и наверняка.

Конники собрались быстро. На легкие сани поставили пулеметы и — рысью!

Дорога была сильно заметена снегом, кони в нем вязли. Но все равно скакали без остановок. Надо было успеть войти в Самолву раньше противника.

И успели. Прискакали к вечеру. Первыми. Огляделись. Облюбовали большой каменный дом на пригорке. «Начинили» его пулеметами. Половину конников Фабрициус спéшил, приказал укрыться в огородах за грядами. Другую половину послал в рощу за деревней. Задачу поставил: ни одного немца из деревни не выпустить.

— Встретим их тихо, без звука, — объяснял Фабрициус задачу. — Пусть втянутся в деревню. Развернуться им здесь негде. Как втянутся — откроем пулеметный и ружейный огонь.

В утренней рассветной дымке показалась вражеская колонна. Немцы ехали на своих лошадях спокойно, ничего не подозревая.

Вглядываясь в серую хмарь, Фабрициус прикинул, что у противника, пожалуй, тройное превосходство в силах. Ну, да не беда! Больше паники будет. Позади колонны обозы тянутся... Тоже неплохо: дорогу назад перекроют, запрут ее телегами. А по снежной целине не больно-то поскачешь! Завязнут кони в глубоком снегу.

Все вроде бы верно — пусть входит в деревню.

Во всю улицу растянулась колонна...

И тогда ударили пулеметы!

Защелкали винтовки из заснеженных огородов.

Загремели разрывы гранат.

Никому тогда не удалось вырваться из Самолвы. А если кто и вырвался, их конники перехватили.

В армии германского кайзера стало на пятьсот сабель меньше.

А у молодой Красной Армии родился в бою первый полк.

В годы гражданской войны за героизм своих бойцов этот полк четыре раза был награжден революционными знаменами.

В годы Великой Отечественной войны полк стал гвардейским и на его знамени засверкали два боевых ордена.

Он и сейчас находится в ордена Ленина Ленинградском военном округе, этот полк. Возле его клуба, словно в почетном карауле, стоят двенадцать бюстов Героев Советского Союза. А в расположении самого полка установлен обелиск из серого гранита. Смотрит с него волевое лицо длинноусого красного командира. Высечены на граните четыре ордена Красного Знамени, которыми он был награжден. Под ними — короткая надпись:

ОСНОВАТЕЛЮ ПОЛКА Я. Ф. ФАБРИЦИУСУ

ПЕТРОГРАД

23 ФЕВРАЛЯ

Красной Армии
день рождения
Был под Нарвою
в день сражения.
Наши прадеды,
наши деды
Отмечали его
победой,
Отмечали штыком,
прикладом
В чистом поле
под снегопадом.
Шли германцы —
шинели серы,
Каски
с пиками на макушке!
Подгоняли их
офицеры.
За полками
катились пушки.
А за ними
везли снаряды —
То-то грохнут
по Петрограду!
Лезла к Питеру
злая сила,
Пулеметным огнем
косила,
Не жалела свинца,
шрапнели!..
Цепи красных бойцов
редели...
Но, не дрогнув,
они стояли,
К Петрограду
не отступали.
В рукопашной
германцев били,
В снежном поле
остановили.
Захлебнулось
их наступленье.
Стих под Нарвою
гром орудий.
С той поры
отмечают люди
Красной Армии
день рожденья.

Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться.

В. И. Ленин

ФОРМУЛА ТОРЖЕСТВЕННОГО ОБЕЩАНИЯ КРАСНОАРМЕЙЦА

1. Я, сын трудового народа, гражданин Советской Республики, принимаю на себя звание воина Рабочей и Крестьянской Армии.

2. Перед лицом трудящихся классов России и всего мира я обязуюсь носить это звание с честью, добросовестно изучать военное дело и, как зеницу ока, охранять народное и военное имущество от порчи и расхищения.

3. Я обязуюсь строго и неуклонно соблюдать революционную дисциплину и беспрекословно выполнять все приказы командиров, поставленных властью Рабочего и Крестьянского Правительства.

4. Я обязуюсь воздерживаться сам и удерживать товарищей от всяких поступков, порочащих и унижающих достоинство гражданина Советской Республики, и все свои действия и мысли направлять к великой цели освобождения всех трудящихся.

5. Я обязуюсь по первому зову Рабочего и Крестьянского Правительства выступить на защиту Советской Республики от всяких опасностей и покушений со стороны всех ее врагов и в борьбе за Российскую Советскую Республику, за дело социализма и братства народов не щадить ни сил своих, ни самой жизни.

6. Если по злому умыслу отступлю от этого моего торжественного обещания, то да будет моим уделом всеобщее презрение и да покарает меня суровая рука революционного закона.

22 апреля 1918 года

ТОВАРИЩ, БОЕЦ, КОМАНДИР

Много лет жила в нашей стране песня о первом Маршале Советского Союза Клименте Ефремовиче Ворошилове.

Идет по улице строй красноармейцев, затянет запевала — весь строй подхватывает:

Нас в бой поведет Ворошилов —
Товарищ, боец, командир.

Наш первый маршал был тогда народным комиссаром обороны СССР. Каждый красноармеец стремился получить значок «Ворошиловский стрелок», а каждый мальчишка мечтал о значке ЮВС — «Юный ворошиловский стрелок». Стрелять по-ворошиловски — значило без промаха.

Вот только когда сам Климент Ефремович впервые стал бойцом и командиром, он и не подозревал даже, что умеет метко стрелять. В царской армии служить ему не довелось. Военному делу никто его не обучал. Разве что старый солдат Авдеич показал ему однажды, как нужно держать при стрельбе винтовку.

Не сразу это умение Ворошилову пригодилось. Другие умения осваивал он в юные годы — бороться с фабрикантами, полицией, организовывать стачки, забастовки, бежать из ссылок. А командовать... Было один раз... Скомандовал он солдатам.

В дни Февральской революции это было. В Петрограде, возле Нарвских ворот. Пробирался он тогда к солдатам Измайловского полка — объяснить им обстановку, повести на царя. Продирался сквозь толпы народа на улицах, юлил между проносившимися грузовиками, переполненными то солдатами, то рабочими.

У Нарвских ворот с измайловцами и встретился. Те путь демонстрации преградили. Стоят — винтовки наперевес держат. Командир их ротный кричит демонстрантам:

— Раз-зойтись! Десять минут даю! Иначе открою огонь!

Ряды демонстрантов невольно назад подались. Ворошилов же, наоборот, сквозь их ряды вперед протиснулся, прямо к строю солдат вышел — и громко так:

— Товарищи солдаты! В кого вас стрелять заставляют? В братьев ваших, в сестер? Не в них стрелять надо — вон в кого! — И пальцем на ротного указывает.

Ротный от такой дерзости онемел словно, потом опомнился.

— Прямо по бунтовщикам, — кричит, — пальба ротой!..

Закончить не успел: кто-то из измайловцев прикладом его «угостил». Солдаты к Ворошилову подступили.

— Веди куда надо, — говорят.

КРЫЛЕНКО
Николай Васильевич

Член Коммунистической партии с 1904 года. Участник революции 1905—1907 годов. В октябре 1917 года — член Петроградского ВРК. Первый нарком по военным и морским делам и Верховный главнокомандующий вооруженными силами молодой Республики Советов. Один из создателей Красной Армии. Руководитель ликвидации Ставки старой армии.

Вот тогда и стал он командиром. На час-другой.

В декабре 1917 года Ворошилов стал даже председателем комитета по охране Петрограда. Опять не надолго. В феврале двинулись в наступление австро-немецкие войска. Прибалтику захватили, Белоруссию, по украинским дорогам зашагали к Донбассу. Владимир Ильич Ленин бросил тогда клич: «Социалистическое отечество в опасности!». Ворошилова направили в Донбасс организовывать сопротивление наступающим колоннам оккупантов.

В феврале же 1918 года добрался до Луганска. До города своей юности. Здесь пятнадцать лет назад работал он слесарем на паровозостроительном заводе Гартмана. И уже тогда был революционером, членом партии большевиков. Когда на заводе вспыхнула стачка, полиция сразу разобралась, чьих рук это дело. Ворошилова арестовали прямо на митинге. Схватили, поволокли, замолотили кулаками и сапогами. Очнулся он уже в тюрьме, в карцере.

Впервые оказался он тогда взаперти. В тесной холодной камере. Только кусочек неба за толстыми прутьями оконной решетки виден.

Особенно обидным было то, что рабочий, шахтерский Донбасс бурлил, не сдавался, а он из этой борьбы вырван, ничем товарищам помочь не может.

Вести с воли приходили хорошие. В Луганске идет демонстрация за демонстрацией; в Горловке, Авдеевке рабочие взяли в руки винтовки, ведут бои с полицией; все железные дороги Донбасса в руках бастующих.

В декабре услышал — тысячная толпа у тюремных ворот гудит:

— Свободу политзаключенным!

— Освободить Клима!

И освободили.

Прямо на митинг привезли:

— Говори!

А что говорить? Ведь из тюрьмы только... Что вокруг происходит — и не знает толком. Разве что — о самом главном. О нем и сказал. Призвал рабочих вооружиться и гнать царя в шею.

С того 1905 года не так уж много и лет пролетело, но довелось Ворошилову немало других тюрем узнать, два раза побывать в ссылке, бежать. В 1906 году на IV съезде партии в Стокгольме впервые встретился с Лениным.

Теперь вот — снова Луганск. Клима Ворошилова помнили здесь хорошо. В здание Совета, где он вел запись добровольцев, валом валили. На другой день уже приказал Ворошилов закончить запись.

И тут как раз целый отряд пришел — человек тридцать. Впереди какой-то чубатый стоит в промасленной куртке. Лицо вроде знакомое. Пригляделся Клим — да ведь Шурка это! Шурка-масленка, как его в цеху звали. Ишь вымахал! С винтовкой за спиной. Раздобыл где-то. Не просит, а требует:

— Не дело, Клим, своих забывать. Мы к тебе, а перед нами дверьми хлопают: дескать, все билеты проданы!..

— И верно проданы, — улыбнулся Ворошилов. — Куда я вас возьму? Мы же не пехом по степи пойдем — в теплушках покатим. Не резиновые они...

— А бронепоезд наш? Мы ж его сами делали?

— И там команда с запасом. Да ты не горячись, Шурка!

— Не берешь, значит?

— Надо будет — вызовем.

Еле выпроводил тогда Ворошилов Шуркин отряд. Побежал на станцию теплушки проверять.

Нет, не был тогда Ворошилов человеком военным. Не знал даже толком, сколько бойцов должно быть в роте, сколько в полку. Воинское свое соединение добровольцы называли 1-м Луганским социалистическим партизанским отрядом. Было в нем шестьсот сорок бойцов.

Погрузились в теплушки. Впереди бронепоезд пустили. Слово «бронепоезд», конечно, грозное. Было на нем две пушки, пулеметы — тоже неплохо. Вот только брони на нем не было... Обыкновенные железные вагоны гартмановцы сами обили изнутри досками, между железными и деревянными стенами песку насыпали — вот и вся «броня»!..

С пушками все вроде бы в порядке было. Только артиллериста ни одного! В пути подобрали где-то старика фейерверкера — его и назначили начальником артиллерии. Еще повезло: матрос Львов к луганцам прибился — ему доверили всеми пулеметами командовать.

13 марта прибыли в Харьков. На вокзале толчея невообразимая. Эшелоны! Эшелоны! В каждом — свой партизанский отряд, со своим командиром. Каждый рвется в бой. Самостоятельно!

А тут еще — здравствуйте! — своих обнаружили. Шуркин отряд.

— Вы тут как?

— По долгу революционной совести! — зубы скалит. — На вагонных крышах доехали. Вас еще обогнали.

— А что теперь с вами делать?

Шурка улыбочку рукавом с лица смыл, посерьезнел:

— Клим, возьми в отряд!.. Не подведем...

Махнул рукой Клим: ладно, дескать. И то: не отсылать же их обратно!..

Сам в город отправился разыскивать главнокомандующего вооруженными силами Украины Антонова-Овсеенко. Хотел попросить его прислать в отряд десяток солдат, поучить луганцев стрельбе, штыковому бою.

«Когда тут учиться, Клим! — тяжело вздохнул Антонов-Овсеенко. — Немцев знаешь сколько идет? Триста тысяч. А у нас, если все отряды собрать, едва ли тысяч пятнадцать наберется. Со всех сторон жмут! Только один товарищ Сиверс их еще и держит. Давай-ка ты со своими луганцами двигай под Конотоп, помоги Сиверсу».

И пришел день 27 марта 1918 года — день боевого крещения Ворошилова. Первый его бой. На разъезде Дубовязовка, не доезжая пятнадцати верст до Конотопа.

Остановились на минутку воды в паровоз набрать да и застряли. Дед в рваном треухе на Ворошилова напустился:

— Куда вы прете-то? Немцы ж там!

Ворошилов деду поверил. Пехоте приказал сгружаться да в цепь по степи. Сам на бронепоезде в разведку отправился.

Бронепоезд, как ему велено было, не спеша пополз. Впереди себя открытую платформу толкает. На платформе Ворошилов стоит, в бинокль смотрит. Несколько верст проехали — руку поднял. Стало быть, стоп, машина! Бинокль Ивану Межлауку передал:

— Гляди!

ВОРОШИЛОВ
Климент Ефремович

Участник трех революций. Член Коммунистической партии с 1903 года. Комиссар Петроградского ВРК. Организатор и командир 1-го Луганского социалистического отряда в 1918 году. Участник героической обороны Царицына. Член Реввоенсовета 1-й Конной армии.
Позднее — нарком обороны, Маршал Советского Союза. Дважды Герой Советского Союза и Герой Социалистического Труда.

Да и без бинокля уже видно: притаился под голыми ветками придорожных лип другой бронепоезд, немецкий. Настоящий! Весь в броню одетый. Сверкнула на нем яркая вспышка — и сразу же рядом с платформой взлетел черный фонтан земли, ударило громом.

— Задний ход! — Это Ворошилов машинисту. — Огонь! — Это фейерверкеру.

А тот и впрямь молодцом оказался: со второго выстрела угодил в паровоз немецкого бронепоезда. Лишил его движения. Пушек, к сожалению, не лишил... Ох и загомонили они! Снаряд за снарядом! Снаряд за снарядом! Один из пулеметов накрыли. В вагон с боеприпасами угадали. Так грохнуло, что, поди, в Харькове слышно было!

А по снежному полю цепь за цепью черные фигурки задвигались — немцы, ландштурмисты.

Бронепоезд немецкий свой огонь на луганцев перенес — на нашу жиденькую цепочку. Дрогнула она, стала пятиться.

Ворошилов на землю спрыгнул, побежал, проваливаясь в снегу:

— Стой! Кто побежит — застрелю! Ложись и стреляй!

Сам первым в снег лег. Ловит на мушку черные фигурки. В голове слова Авдеича проносятся: «Дыши ровно, спокойно. Локти упри как следует. Спусковой крючок не дергай, нажимай плавно...»

Щелк! Упала фигурка, в которую целился.

Другая на мушке запрыгала.

Щелк! И этой не стало.

Стреляет Ворошилов. Про все на свете забыл.

Шлеп! Кто-то рядом в снег плюхнулся. Глаз скосил — Шурка.

— Ты чего?

— Беда, Клим! Гад тот немецкий нашему паровозу на бронепоезде прямо в котел всадил.

— А пушки?

— Пушки целы.

— Ладно. Покуда стреляй давай. Там видно будет... Да целься! Патроны-то денег стоят.

Минут через сорок перестрелка затихать стала. То ли огонь луганцев остановил ландштурмистов, то ли сделал это спустившийся вечер. Попритихла степь у Дубовязовки. Дал Ворошилов команду к железнодорожной насыпи отходить. По всему было видно: отступать придется. Спокойно. Без паники.

И без бронепоезда своего самодельного...

Жалко бросать — да что поделаешь? Может, паровоз от эшелона взять, скатать туда?..

— Надо броневик наш выручать, — заметил вслух. — Кто пойдет?

Шурка первым вызвался. Еще десяток молча вперед шагнули.

Подогнали паровоз. Ворошилов в будку к машинисту сел, остальные в тендере на угле устроились. Потихоньку поехали.

Как тихо ни подбирались, как ни осторожничали, услышали их немцы. Загрохотали вокруг снаряды.

— Вперед! Вперед давай! — успокаивает Ворошилов машиниста.

Тот скорости прибавил.

— На ходу им не попасть, — говорит. — Вот ежели станем, то могут и накрыть.

Пришлось стать. Впритык к своему бронепоезду. Клим к его паровозу сбегал. Весь разворочен. Машинист у рычагов убитый лежит. Фейерверкер тоже убит. У пушек своих приткнулся. Матрос Львов в крови весь, но дышит, постанывает.

На беду, еще задняя платформа накренилась: колесо у нее отскочило. Не дернешь!.. Придется бронепоезд оставлять. Самим убираться в самую пору: хотя в темноте-то немцы и не так метко стреляют, да все-таки снаряды все ближе ложатся, свистят осколки, разлетаясь веерами.

— Все на платформы! — командует Ворошилов. — Снимать пулеметы! Раненых всех — на паровоз.

Сам к пушке поднялся.

— Шурка! — кричит. — Снимай борта. По ним спустим.

Те, что раненых выносили, тоже помочь прибежали. Обе пушки скатили, обе в тендер подняли.

— Раненых всех подобрали? — спросил Клим.

— Всех.

— Тогда поехали.

Дал паровоз задний ход, выскочил из-под немецких снарядов. Потеряли его в темноте артиллеристы противника.

Вот и весь первый бой будущего Маршала Советского Союза.

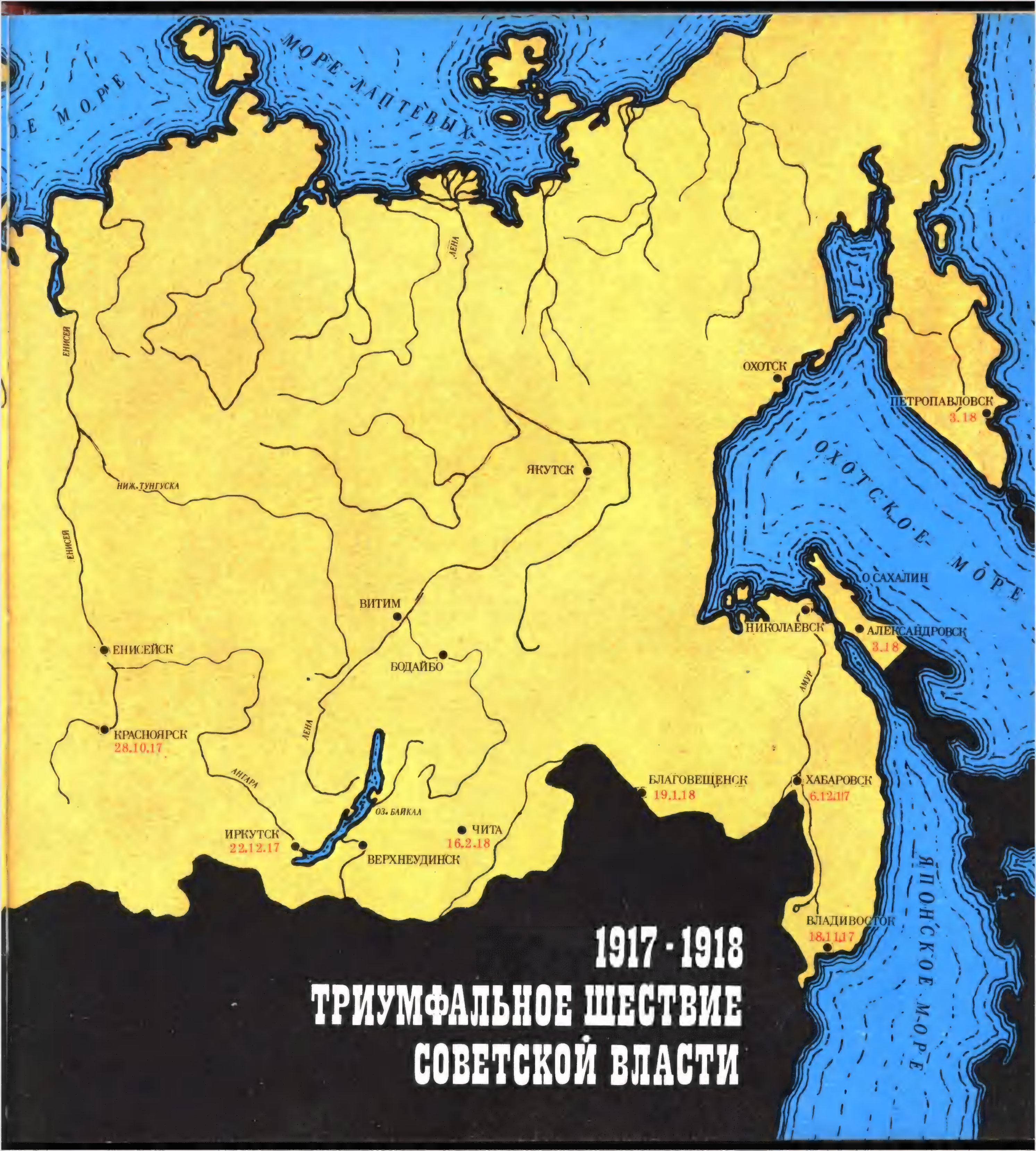
Впереди их у него еще ох как много было! Под Царицыном. На Дону, на Кубани, на польском фронте в рядах 1-й Конной. На кронштадтском льду... И наступать он научился, и преследовать врага, и громить его нещадно. Будет он еще за храбрость награжден двумя орденами Красного Знамени, Почетным революционным оружием.

Только все это будет потом. Пока лишь всего-навсего первый бой за его спиною остался. Невелик бой. Местного значения. В газетах о нем не напишут. Лишь командарм-5 Рудольф Фердинандович Сиверс сообщит в Харьков: «На Конотопском направлении противник наступал в течение вчерашнего дня на Грузское. Наши немногочисленные части стойко сопротивлялись... Отмечаю мужественное поведение Луганского отряда, сражающегося на передовой линии...»

ТАЛЛИН
26.10.17
ЛАДОЖСКОЕ ОЗ.
ПЕТРОГРАД
25.10.17
ПЕТРОЗАВОДСК
4.1.18
ПСКОВ
12.11.17
ОНЕЖСКОЕ ОЗ.
ОСТРОВ
НОВГОРОД
14.11.17
АРХАНГЕЛЬСК
17.2.18
МЕЗЕНЬ
БЕЛОЕ МОРЕ
КАРСК
МИНСК
25.10.17
ВИТЕБСК
27-28.10.17
МОГИЛЕВ
18.11.17
СМОЛЕНСК
31.10.17
ЧЕРЕПОВЕЦ
28.10.17
ПЕЧОРА
ЖИТОМИР
9.1.18
РОГАЧЕВ
ЧЕРНИГОВ
19.1.18
ТВЕРЬ
28.10.17
ВОЛОГДА
12.12.17
ВИННИЦА
2.11.17
УСТЬ-ЦИЛЬМА
ЯРОСЛАВЛЬ
27.10.17
КОТЛАС
КИШИНЕВ
1.1.18
КИЕВ
26.1.18
БРЯНСК
25.10.17
КАЛУГА
28.11.17
МОСКВА
2.11.17
КОСТРОМА
29.10.17
ДНЕПР
ОДЕССА
17.1.18
ТУЛА
7.12.17
УСТЬ-СЫСОЛЬСК
ОРЕЛ
25.11.17
ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСК
25.10.17
НИКОЛАЕВ
14.1.18
ПОЛТАВА
6.1.18
РЯЗАНЬ
26-30.10.17
ОБДОРСК
КУРСК
26.11.17
ВЛАДИМИР
27-28.10.17
ВЯТКА
25.11.17
ХЕРСОН
17-18.1.18
БЕЛГОРОД
26.10.17
НИЖ. НОВГОРОД
28.10.17
ЧЕРДЫНЬ
ОБЬ
ХАРЬКОВ
10-24.11.17
ВОРОНЕЖ
30.10.17
ТАМБОВ
31.1.18
СОЛИКАМСК
БАХЧИСАРАЙ
СИМФЕРОПОЛЬ
13.1.18
ДОН
ВЯТКА
КАЗАНЬ
26.10.17
ГЛАЗОВ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
СЕВАСТОПОЛЬ
6.12.17
ТАГАНРОГ
19.1.18
ПЕНЗА
21-22.12.17
СИМБИРСК
10.12.17
ИЖЕВСК
27.10.17
ПЕРМЬ
23.11.17
ЛИХАЯ
ТОБОЛЬСК
ЕКАТЕРИНОДАР
14.3.18
НОВОЧЕРКАССК
25.2.18
СЫЗРАНЬ
28.10.17
САРАТОВ
27.10.17
САМАРА
27.10.17
НОВОРОССИЙСК
1.12.17
ЦАРИЦЫН
4.11.17
БУЗУЛУК
ЕКАТЕРИНБУРГ
26.10.17
ОБЬ
МАЙКОП
8.1.18
СТАВРОПОЛЬ
1.1.18
УФА
26.10.17
ХАНСКАЯ СТАВКА
12.17
УРАЛЬСК
3.1.18
ВЕРХНЕУРАЛЬСК
СУХУМ
8.4.18
ВОЛГА
ОРЕНБУРГ
18.1.18
ЧЕЛЯБИНСК
26.10.17
КУТАИС
КУРГАН
ТРОИЦК
АСТРАХАНЬ
25.1.18
КАЛМЫКОВ
ОРСК
ВЛАДИКАВКАЗ
3.1.18
АКТЮБИНСК
8.1.18
КУСТАНАЙ
25.12.17
ИШИМ
ПОРТ-ПЕТРОВСК
11.17
ОМСК
30.11.17
ТИФЛИС
ТОМСК
6.12.17
ЭРИВАНЬ
ТУРГАЙ
АТБАСАР
НОВОНИКОЛАЕВСК
13.12.17
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
БАКУ
31.10.17
АКМОЛИНСК
25.12.17
БАРНАУЛ
7.12.17
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ
СЕМИПАЛАТИНСК
16.2.18
КРАСНОВОДСК
30.10.17
СЫРДАРЬЯ
АМУДАРЬЯ
ХИВА
ОЗ. БАЛХАШ
АСХАБАД
5.12.17
КОПАЛ
6.1.17
Установление Советской власти на местах.
ПИШПЕК
1.1.18
БУХАРА
ТАШКЕНТ
1.11.17
ВЕРНЫЙ
Линия фронта на 25 октября 1917 года.
КОКАНД
20.2.18
САМАРКАНД
28.11.17
НАРЫН
СКОБЕЛЕВ
7.12.17
ХОРОГ

1917 - 1918 ТРИУМФАЛЬНОЕ ШЕСТВИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

МОСКВА, КРЕМЛЬ, ЛЕНИНУ.

14 МАРТА МУРМАНСКИЙ ПОРТ ПРИБЫЛ АНГЛИЙСКИЙ
КРЕЙСЕР "КОХРЭЙН", ВЫСАЖЕН ДЕСАНТ...

... 18 МАРТА МУРМАНСК ВОШЕЛ ФРАНЦУЗСКИЙ
КРЕЙСЕР "АДМИРАЛ ОБ".

... 5 АПРЕЛЯ ВО ВЛАДИВОСТОКЕ ВЫСАДИЛИСЬ
ЯПОНСКИЕ, АНГЛИЙСКИЕ ВОЙСКА...

... 27 МАЯ МУРМАНСКОМ ПОРТУ С АМЕРИКАНСКОГО
КРЕЙСЕРА "ОЛИМПИЯ" ВЫСАЖЕН ОТРЯД ПЕХОТЫ...

МОСКВА.
КРЕМЛЬ.
ЛЕНИНУ

Над лесами дым клубится,
Над полями — гул стрельбы.
Вдоль дорог к Москве-столице
Провода несут столбы.
Провода гудят тревогой,
Грозным голосом войны.
Речью воинскою строгой
Сообщения полны.
С Украины, с Волги, с Камы,
От дивизий и флотов —
Телеграммы, телеграммы
Через линии фронтов:
«МОСКВА.
КРЕМЛЬ.
ЛЕНИНУ».

Донесения. Приказы.
От лесов, степей и гор.
Шашкой рубленные фразы.
Пулеметный разговор.
В проводах тире и точки
Переполнены борьбой,
Гром сражений в каждой строчке,
В каждой строчке слышен бой...
«МОСКВА.
КРЕМЛЬ.
ЛЕНИНУ».

Карта, книги, стол, газеты
В кабинете Ильича.
Слышен стук негромкий где-то
Телеграфного ключа.
Да не где-то — просто рядом,
За соседнею стеной!
Далеко ходить не надо:
Только встань да дверь открой!

Там стрекочет дни и ночи
Телеграфный аппарат,
Словно тоже озабочен:
Где сейчас какой отряд?
Где дивизия какая?
Трудно где? Успех каков?
Кто сегодня, наступая,
Колошматит беляков?
Упустить нельзя момента,
Если схватка горяча!
...И ползет, волнуясь, лента
По ладоням Ильича.
«МОСКВА.
КРЕМЛЬ.
ЛЕНИНУ».

Строчки, строчки донесений...
Сообщенье шлет комдив:
«Начинаем наступленье.
Два полка пошли в прорыв».
«Формируются отряды...»
«Повернули на восток...»
«Против наших — три бригады...»
«Нет патронов и сапог...»
«МОСКВА.
КРЕМЛЬ.
ЛЕНИНУ».

Тут сраженья, там сраженья,
Здесь — победа, там — беда.
И гудят от напряженья
Над страною провода.
И летят тире и точки —
Разговор большой идет!
«Очень важно!»
«Очень срочно!»
Ленин ждет.
«МОСКВА.
КРЕМЛЬ.
ЛЕНИНУ».

ПОГИБАЮ, НО НЕ СДАЮСЬ!

Ввиду безвыходности положения, доказанной высшими военными авторитетами, флот уничтожить немедленно.

Председатель СНК
В. Ульянов (Ленин)

Кричи, белокрылая чайка, кричи!
Пусть слышат и море, и горы.
Настала минута...
Уже на «Керчи»
Стоят по местам комендоры.

Прости и прощай, голубая волна,
Сегодня от горя седая!..
Грохочет, гремит над страною война,
Не видно конца ей и края.

По всей Украине пожаров огни,
Повсюду Вильгельма солдаты.
В Одессе они, и в Херсоне они...
Пылают крестьянские хаты.

В Крыму на причалах немецкая речь.
Германцы свирепствуют люто.
Своих кораблей нам уже не сберечь...
Настала прощанья минута.

Цемесская бухта, к тебе мы пришли
Эскадрой своею могучей,
Тебе отдадим мы свои корабли —
Враги их от нас не получат!

Не видеть им флота во веки веков!
Не видеть «Свободной России»!
Не плавать у наших родных маяков
В туманной предутренней сини!

Республика наша уверена в нас.
Пусть горько! Мы в горе сильнее.
Мы выполним этот последний приказ.
Эй там, на «Керчи», поживее!

Секунда еще,
и торпедами...
Пли!
Расступятся волны...
Сомкнутся...
Уйдут и осядут на дно корабли.
Уйдут, но врагам не сдадутся!

Шагать нам теперь под свинцовым дождем
По суше,
по огненным верстам.
Не скоро мы к нашим причалам придем,
Но мы к ним ворвемся норд-остом!

Пощады не будет!
Мы вспомним тогда
Матросское горькое горе.
...Уже и над «Керчью» сомкнулась вода.
Прощай, наше Черное море!

«Всем. Всем. Погиб, уничтожив корабли Черноморского флота, которые предпочли гибель позорной сдаче Германии.

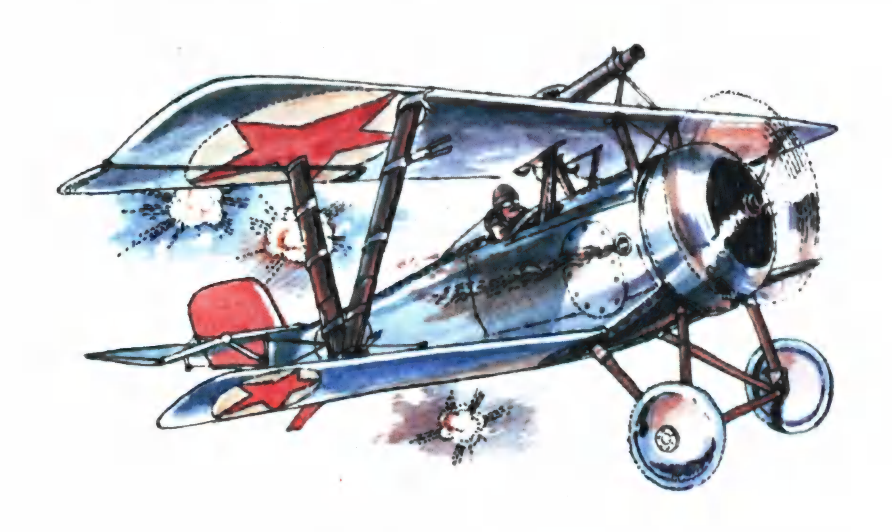
Эскадренный миноносец «Керчь»
18 июня 1918 года»

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Бывшие моряки Российского военного флота всех специальностей призыва с 1910 по 1917 приглашаются для записей в целях поступления на службу во вновь формируемый военный морской отряд.

Заявления и записи будут приниматься ежедневно от 10 часов утра до 3 часов дня с 25 сего июня 1918 г. в Коллегии управления Всероссийского военно-морского порта (Канавино, Сорокинское подворье). От желающих вступить в отряд требуется признание платформы советской власти и безукоризненная честность по отношению к начальству, так и к своим товарищам. Не имеющим этих качеств просим не беспокоиться.

Комиссар Волжской военной флотилии Н. Маркин
Нижний Новгород, 25 июня 1918 года

МОСКВА, КРЕМЛЬ, ЛЕНИНУ.

10 СЕНТЯБРЯ ВОЙСКАМИ 2-Й, 5-Й АРМИЙ, МОРЯКАМИ ВОЛЖСКОЙ ФЛОТИЛИИ ГОРОД КАЗАНЬ ОЧИЩЕН ОТ ВРАГА. МЯТЕЖНИКИ И ВОЙСКА "УЧРЕДИЛКИ" ОТСТУПАЮТ НА ВОСТОК.

НАД КАЗАНЬЮ

По тысячам дорог России месила лаптями грязь, тонула в пыли, пробиралась в снегу красная пехота. Волнами перекатывались лавины конников, скрипели колеса тачанок, по рельсам железных дорог сновали бронепоезда. Буксиры и баржи становились боевыми кораблями речных флотилий. А самолеты? Были они у Красной Армии? Не много, но были. Белогвардейцев снабжали самолетами и Англия, и Франция — у тех авиации было побольше. Да и летчики бывшей царской армии почти все сплошь были офицерами, почти все служили белым.

В царской армии можно было чудом считать, если какой-то рядовой солдат сумеет в летчики выбиться. Ивану Павлову это удалось. Рядовому солдату. Чудо его в настойчивости заключалось, в упорстве, в отваге.

Теперь еще один вопрос: когда же наш Красный воздушный флот вступил в бой?

Если не считать отдельных разведывательных и транспортных полетов, то в августе 1918 года.

Шли бои под Казанью. Помочь красной пехоте и Волжской военной флотилии прибыла и 1-я Советская боевая истребительная авиагруппа. Стали над Казанью появляться самолеты с красными звездами на крыльях, посыпались на головы белогвардейцев бомбы.

У противника, засевшего в Казани, самолеты тоже были. Но редко когда они отваживались вступить в воздушный бой. Другое дело — зенитное орудие. Одно на всю Казань, но ужасно вредное! Ну как угодит снарядом в самолет, собьет его?..

Пытались наши летчики накрыть эту зенитку бомбой — близко к себе не подпускает.

Попросили казанских большевиков-подпольщиков разведать: долго ли эта холера еще стрелять будет, сколько у нее снарядов? Подпольщики разведали, сообщили: сотни полторы, не более.

Вот тогда и пригласил к себе командир авиагруппы Иван Павлов летчика Феликса Ингуаниса. Договорились они о совместных действиях и стали летать над Казанью. Полетают с полчасика на высоте тысяча пятьсот метров — и обратно, на свой аэродром. Зенитка, разумеется, по ним вовсю лупит.

Что и говорить, надо быть очень отважным человеком, чтобы вызывать на себя огонь зенитного орудия! Ну как попадет!..

И попала ведь! Одним из последних снарядов.

Не то в пятый раз вылетели тогда Павлов с Ингуанисом, не то в шестой. И видят: в небе-то они не одни! Какой-то белогвардейский летчик отважился все-таки, поднялся в воздух. На таком же, как у них, «ньюпоре».

ПАВЛОВ
Иван Ульянович

Летчик. Участник первой мировой войны.
В годы гражданской войны командир 1-й Советской боевой истребительной авиагруппы на Восточном и Южном фронтах, начальник авиации и воздухоплавания армии, начдив.

День был пасмурным. Снизу и не различишь, у кого на крыльях красные звезды, у кого трехцветные круги... Но злы были зенитчики отчаянно: последние снаряды ведь выпускали, и все зря, все мимо!

Наконец кто-то из них особенно старательно прицелился. Да как влепит! Своему.

С кругами трехцветными.

А Павлов с Ингуанисом благополучно на свой аэродром возвратились.

Кстати, когда наши армии 10 сентября 1918 года пошли на Казань решительным штурмом, то белые из нее так проворно драпанули, что не только все свои обозы побросали, но и все самолеты. Пополнился за их счет наш Красный воздушный флот.

А Иван Ульянович Павлов всю гражданскую войну на своих краснозвездных крыльях летал. Двумя орденами Красного Знамени награжден был.

29 ИЮНЯ ПО ПРИКАЗУ АДМИРАЛА НАЙТА ВО ВЛАДИВОСТОКЕ ВЫСАДИЛСЯ ОТРЯД АМЕРИКАНСКИХ МОРЯКОВ...

... 4 АВГУСТА В БАКУ ВЫСАДИЛСЯ ОТРЯД БРИТАНСКИХ ВОЙСК, ПРИБЫВШИЙ ИЗ ИРАНСКОГО ПОРТА ЭНЗЕЛИ...

ЗАБАЙКАЛЬЦЫ

Запестрели читинские заборы листовками: «Все под ружье! Все, кто способен, вставайте в ряды бойцов за Советскую власть, против атамана Семенова!».

Близко был уже атаман. Его Особый маньчжурский отряд занял станцию Оловянная — всего в ста верстах от Читы.

У молодой Республики Советов еще один фронт прибавился — Забайкальский.

В конце февраля 1918 года в Читу приехал молодой командир. Хотя командирского в нем было разве что воинская выправка. Все остальное самое обыкновенное: видавшая виды потертая, кострами продымленная шинель, гимнастерка поношенная, армейская фуражка — и никакого оружия. Только бинокль на ремешке висит.

«Здравствуйте, — поздоровался он с товарищами забайкальского исполкома. — Моя фамилия Лазо. Прибыл к вам из Иркутска. Назначен командующим фронтом».

Молод, совсем молод был командующий, двадцать четыре года всего. Воинское звание тоже носил невысокое, в старой армии был он прапорщиком.

Атаман Семенов и постарше был, и чинами покрупнее. Значит, и в военном деле поопытнее. А самое главное — войска он имел обученные, хорошо вооруженные, сытые, одетые и обутые. Войска, на власть народную куда как злые. Кого только не собрал в них белый атаман: царских офицеров, богатых казаков, даже уголовников из разных тюрем. В Маньчжурии помогли ему японцы все это воинство в кулак собрать, сколотить в батальоны и полки, двинуть их на молодую Республику Советов.

ЛАЗО
Сергей Георгиевич

Один из руководителей борьбы за власть Советов в Сибири и Приморье. Член Коммунистической партии с 1918 года. Командующий войсками Забайкальского фронта. Командир партизанских отрядов Приморья. В 1920 году сожжен белогвардейцами в паровозной топке.

У Республики же в Забайкалье, по сути, и армии еще не было.

Но прибыл на станцию Андриановка Сергей Лазо, и потянулись туда красногвардейские отряды.

Кто с винтовкой-трехлинейкой, кто с ружьем охотничьим, а кто всего-навсего со ржавой шашкой.

Однако шли и шли. Из ближайших станиц и из дальних. Из городов Благовещенска, Иркутска, Барабинска. Даже из Владивостока прибыл отряд матросов и портовых грузчиков.

Встал на сторону народа и 1-й Аргунский казачий полк, только-только вернувшийся с германской войны. Командир его есаул Метелица попросил: «Называйте нас теперь Первым Аргунским красногвардейским кавалерийским полком».

А однажды у крыльца избы, в которой помещался штаб, появился мальчонка лет четырнадцати.

Сколько ни прогонял его часовой, не уходит!

Подавай ему товарища Лазо да и только!

Может быть, и показал бы ему часовой, где раки зимуют, да сжалился: мальчонка-то уж больно избитый весь, через лоб наискосок рубец кровавый запекся.

Дождался мальчонка Сергея Лазо, рассказал, что сам он со станции Шарасун, отец — в Красной Гвардии, брата старшего семеновцы за это расстреляли, а его нагайкой выпороли да шашкой по лицу полоснули.

— Звать-то тебя как?

— Женькой. Возьмите меня, товарищ Лазо, в красный отряд!..

Уговорил-таки. Зачислили Женю в Аргунский кавполк, в особую роту разведки. Прозвали его там Женькой-меченым. За шрам от шашки семеновца.

Настал час — выступили красногвардейцы против бандита-атамана.

И хотя считал себя Семенов непобедимым полководцем, хотя и фыркал презрительно по адресу «голодранцев», но все-таки отрядов Лазо побаивался. Потому и, получив сообщение, что идут на него эти отряды, занял оборону. Позицию выбрал хорошую, выгодную: на высоком берегу реки Онон.

Река эта горная. Значит, быстрая и холодная. Не очень-то в нее сунешься!.. Тем более в апреле месяце, когда вся она расстаявшими снегами дышит.

А моста нет. Был, да взорвали. Из трех пролетов один остался. Другой к воде свесился. Шпалы искореженные ломаной лестницей висят, рельсы исковерканные...

Забраться по ним, наверное, можно, но жутко: больно уж высоко! Вроде как на колокольню. И стреляют ведь!..

Лазо все же решил «лесенку» эту без внимания не оставить. Матросов туда послал. По мачтам лазать им привычно, а если сорвется кто, так плавать умеет. Главное только — чтобы скрытно! Ночью. И без единого шороха.

Аргунцам же велел отойти верст на пятнадцать и переправиться через реку вплавь. Это казаки тоже умеют. Лошадь плавает хорошо, а сам держись за хвост или за гриву — не отпускай только!..

Поздним вечером у моста человек сто собралось. Полезли. Первым молоденький юркий матрос карабкаться начал. Залез. Распутал привязанный к ноге шпагат — конец вниз бросил. Внизу поняли: наверху, стало быть, братишка! Второй полез. Тоже шпагат бросил. Третий уже толстую веревку спустил, на ней пулемет подняли.

Когда на мосту человек сорок собралось, шепоток пополз:

— Глянь, глянь: Лазо поднимается!..

Комфронта тоже на мост залез. Насколько позволяла ночная темень, огляделся. Указал, где пулемет поставить. Больше никому подниматься не разрешил, пролет узкий — не поместятся.

— А остальные?

— Я им сейчас тоже задачу поставлю, — ответил Лазо. — А вы, как увидите слева ракету, — вперед и «ура!».

Оставшимся на берегу объяснил кратко:

— Семеновцы о нас пока не подозревают. Значит, будем действовать внезапно. Когда товарищи ваши на окопы пойдут, «ура!» закричат, и вы кричите. Да погромче! Будто все вы на том берегу уже.

Аргунцы тем временем через холоднющий Онон переправились. Даже орудие на самодельном плоту перетащили. Оделись. У лошадей подпруги подтянули.

— По коням! Рысью а-арш!

Врезалась в черное небо ракета.

— Ура! — загремело на мосту.

— Ура-а-а! — еще громче из темноты.

Семеновцы к предмостным своим окопам кинулись. А с тыла тоже:

— Ура-а-а!

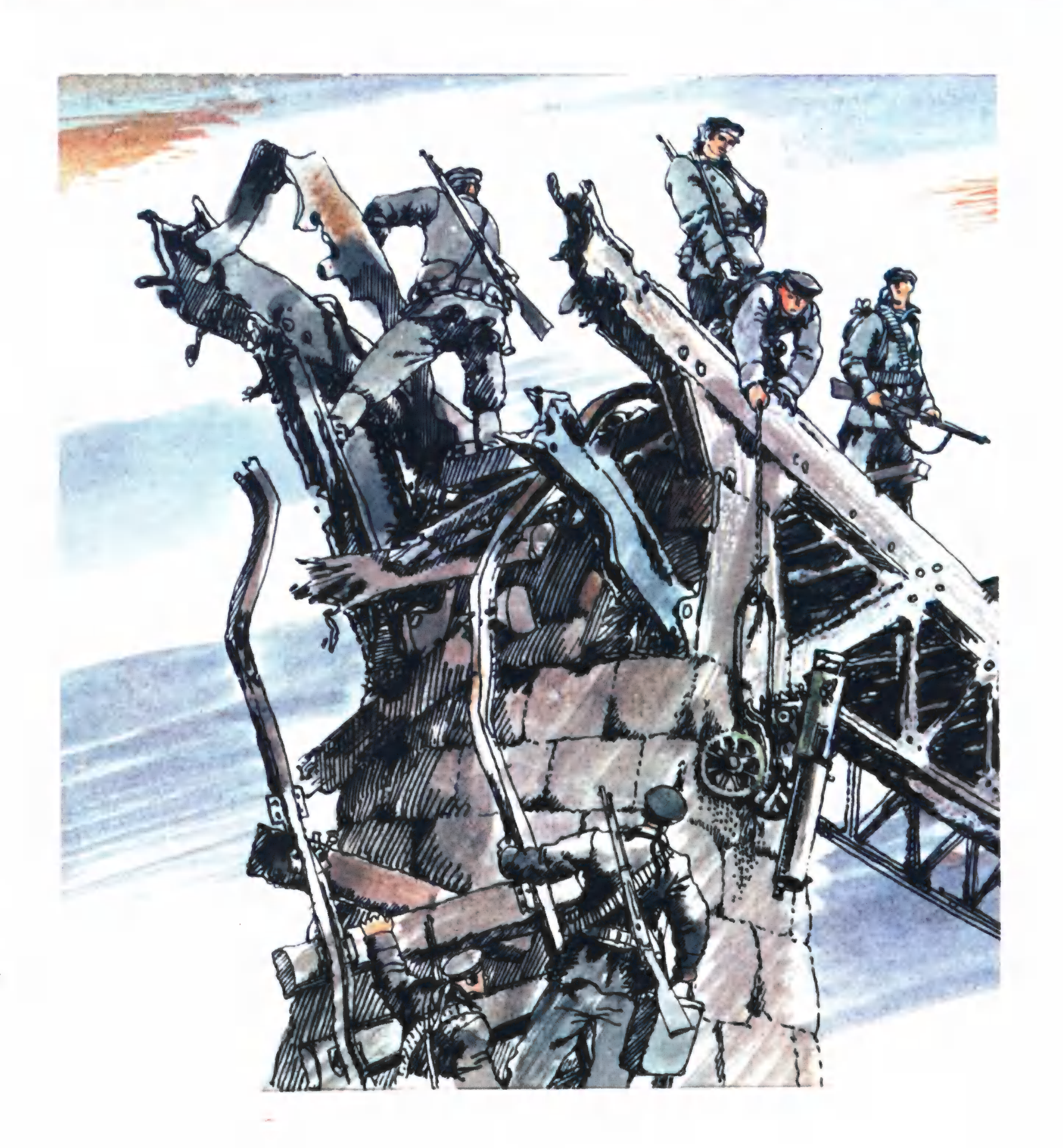
Разберись тут в темноте: кто атакует? С какой стороны? Какими силами? Вон уже гранаты заухали, — значит, в окопах свалка идет. А за спиной — копыта стучат. Ближе! Ближе!..

Атаман Семенов в окно глянул: бегут его войска! Понял: не остановить! Одно ему оставалось: вскочить в седло да следом! Подальше от собственных «неприступных» позиций...

Самым обидным для атамана было не то, что изрядно его бандюг в плен попало, а то, что многие казаки сами к красным перешли.

Далеко бежал атаман, не оглядываясь. Лазовцы его со станции Шарасун выбили (Женька-меченый к себе домой сбегал!), потом со станции Борзя, Даурия. Только у Мациевской Семенов остановился. Укрепляться начал. Японцы ему для храбрости бронепоезд прислали.

Ох и вредным же оказался этот бронепоезд! Первым делом он водокачку снес — оставил наших без воды. А как без нее? Бойцам вода необходима, пулеметам — тоже, раненым без воды совсем худо.

Женька-меченый (на то и разведчик!) первым доложил: «Товарищ комфронта, я знаю, где вода есть. В источнике Урубудук».

Проверил Лазо дорогу до того источника. Не очень далека, да вся открыта. Тот же бронепоезд подобраться к воде не даст.

Так оно и случилось. Поползли смельчаки с котелками да с фляжками — сразу под огонь попали.

Женька, правда, свои пять фляжек принес. Да разве это спасение? Все отряды не напоишь...

Стал Лазо к действиям семеновского бронепоезда приглядываться. Обычно тот бегал до поворота дороги — и назад. Редко за поворот заглядывал. Но все же случалось и такое: выкатит, пустит по нашим позициям десяток снарядов и — задний ход.

А от поворота отходила в горку стальная веточка...

Вызвал к себе Лазо машиниста Агеева.

— Ездить на паровозе хорошо умеешь? — спрашивает.

— Шесть лет езжу.

— А спрыгнуть на ходу можешь?

— Не приходилось. Но если надо, спрыгну.

— Пойдем на паровоз.

Поднялись оба в будку. Лазо за рычаги стал. Поехали. Тихонько. Агеев на Лазо смотрит: как это он все умеет! Даже с паровозом управляться!

— Прыгай! — слышит.

Спрыгнул Агеев. Тут же паровоз догнал, в будку поднялся.

— А быстрее попробуем? — спрашивает Лазо.

— Можно.

Три дня тренировались. Лазо паровоз водил, а машинист прыгал.

Тем временем на взгорок привезли камней, щебенки, кирпичей. Погрузили на большую платформу. Ночью добавили туда еще и динамита, баллоны с горючим газом. Агеев свое место в паровозной будке занял.

Ждать пришлось не так уж и долго — с соседней сопки просигналили: «Идет!»

— Полный вперед! — скомандовал сам себе Агеев.

И пошел паровоз. На самом полном! Да еще под горку! Прямо на зануду этого — на семеновский бронепоезд. Так грохнуло, что на станции Мациевская половина стекол повылетала.

Пока по сопкам эхо гуляло, Лазо уже докладывали:

— Бронепоезд уничтожен. Убито шесть офицеров, среди них один японец. Пленных четверо.

— А машинист где? Агеев? — насторожился комфронта.

— Здесь я, — откликнулся тот из-под насыпи. — Иду.

— Молодец! — обнял его Лазо. — А теперь — вперед! Взять Мациевскую! Вышвырнуть Семенова откуда пришел!

Снова пришлось драпать злобному атаману.

Только у самой-самой границы с Маньчжурией удалось ему остановиться, зацепиться за сопку Тавынь-тологой (что по-маньчжурски Пять Голов означает). Накопал он на той «пятиголовой» сопке окопов, опутал ее колючей проволокой, расставил на позициях пушки — не подступишься!

К тому же совсем неожиданное препятствие перед красными войсками встало: граница! Совсем рядом. В двух шагах! Пошлешь снаряд по семеновцам, а он в чужое государство улетит! Международный конфликт!..

Никак нельзя этого допустить. Никак нельзя дать повод китайцам свои войска в помощь атаману Семенову двинуть.

«Придется атаковать в лоб, — вздохнул Лазо. — Одними гранатами. Ни винтовок, ни пулеметов не применять!»

Но ведь это сколько же бойцов положить пришлось бы!..

Лазо и тут нашел выход...

Поздно ночью Женька-меченый полз по жесткой траве. Давно уже освоил он этот способ передвижения. Давно уже шутили аргунцы, что ни одной ящерице за ним не угнаться. Женька соглашался.

Но в ту ночь он не один полз, целый взвод за собой вел. С фланга. К палаткам ничего не подозревавших семеновцев. В палатках граммофоны играли, орали песни пьяные офицеры.

Женька-меченый точно помнил приказ Лазо: палатки — раз, обоз — два. Одновременно.

С грохотом первой гранаты вскочил Женька — бросился к коновязи, сверкнул клинком. Перепуганные кони — в степь!

В разные стороны разбегались кони. В непролазную ночь драпали семеновцы. Со стороны железной дороги гремели взрывы. Там вместе с подрывниками действовал Лазо. Третья группа атаковала обоз. С тыла, вдоль самой линии границы, отрезая семеновцам все пути к отступлению, приближалась наша кавалерия.

Ни один снаряд не залетел на чужую территорию, ни одна пуля не нарушила границы. А по нашей степи метались семеновские офицеры, срывали с себя погоны, пытались поймать своих коней, а не поймав, драпали пешим порядком в Маньчжурию...

С той поры много лет пронеслось. Шел 1945 год. В Берлине уже отгремели последние залпы Великой Отечественной, но не сломлен был гитлеровский союзник — империалистическая Япония. Шли бои с ее Квантунской армией.

В эти дни во Владивостоке состоялось открытие памятника Сергею Георгиевичу Лазо. На митинге выступил пожилой командир одной из наших воинских частей.

«Сергея Георгиевича Лазо, — сказал он, — я ношу в своем сердце с тысяча девятьсот восемнадцатого года. Мальчишкой принял он меня в один из своих отрядов. Был я с ним рядом в бою и в редкие дни передышек.

Рано, очень рано погиб он во имя свободы. Во владивостокском подполье схватили его японцы. Отдали белобандитам на растерзание. Мученической смертью погиб мой первый командир, в паровозной топке сожгли его враги.

И сейчас, когда я стою возле этого памятника, мне кажется, что Сергей Лазо вновь зовет меня в решительный бой. И снова я готов выполнить его приказ».

Командир разволновался. Достал из кармана платок, снял фуражку, чтобы вытереть пот, и все увидели сабельный шрам, наискосок отпечатавшийся на лбу ветерана гражданской войны.

ПРОРЫВ

ШЛА АРМИЯ

Шла армия.

Шла по дорогам и без дорог, продиралась сквозь лесные чащи, карабкалась на крутые скалы, пылила по выжженным равнинам, переправлялась через реки.

И все время вела бои.

Дня не было, чтобы не нападали на нее то спереди, то сзади, не обстреливали с боков, не встречали засадами.

Но армия шла.

Шагали в одном строю русские, башкиры, татары, украинцы, марийцы, чуваши, уральские казаки, венгры, румыны, немцы, китайцы. Шли рабочие уральских заводов, шахтеры, крестьяне-батраки, недавние фронтовики мировой войны и недавние пленные бывшей австро-венгерской армии, вставшие на защиту русской революции.

Скрипели несмазанные колеса подвод. Глухо лязгали на подъемах старые пушки. Выбивались из сил голодные лошади.

Но армия шла.

Десятитысячная армия красных партизан Урала.

Вместе с нею шли старики, женщины, ребятишки. В телегах стонали раненые. Даже перебинтовать их было некогда. Да и нечем...

И помощи ждать было неоткуда.

С севера и запада армию окружали отборные войска белогвардейцев и обманутого ими чешского корпуса. С юга преследовали банды казаков атамана Дутова. На востоке стеной стояли Уральские горы, а за ними — опять белогвардейцы, белочехи, белоказаки.

Никто не знал: долго ли им идти? Далеко ли еще до встречи с главными силами Красной Армии?

И в штабах Красной Армии тоже ничего о них не знали. Ни в Перми, ни на Волге, ни в Москве.

Слишком уж далеко в тылу у белых оказались отряды красных партизан. Ни слуху от них, ни духу. Разбиты, наверное. Пали за свободу смертью героев.

Но они были живы.

Отдельные отряды объединились вместе, стали сильнее.

И пошли на прорыв.

Через леса и горы, равнины и реки. Пошли походом по глубоким белогвардейским тылам. Не прячась. Из боя в бой.

Редели роты и батальоны. Падали в сражениях бойцы.

Их место в боевом строю занимали другие.

И армия шла.

Шла, несмотря ни на что.

Вел ее молодой командующий Василий Константинович Блюхер.

ДЕД

Конечно, под крышей, за столом в избе думать над картой спокойнее. Только долго в избе не усидишь: душно, накурено!..

Вот и вышел Блюхер на крыльцо. Проветриться, ветерком просквозиться. Может, легче думаться будет. Как с его малыми силами большие силы атамана Дутова одолеть? Не много в его сводном Уральском отряде бойцов, совсем не много... Хуже того: винтовок на всех не хватает. Еще хуже — патроны на исходе. Сколько раз уже напоминал командирам: не палить в небо, беречь патроны, каждый чтобы на счету был! Уж если стрелять, то наверняка, не промахиваться!

Впрочем, оружие и патроны достать можно — у противника. Отбить в бою и свой запас пополнить. Трудно, конечно, но можно.

С пополнением личного состава хуже. Неоткуда ждать его, пополнения.

Стоит Блюхер на крылечке, думает, прикидывает.

И слышит, вроде подковы стучат.

Поглядел — и впрямь конник скачет. Пополнение. В одном-единственном лице.

Подскакал к избе — и тпру!

Смотрит Блюхер, сидит на коне дед. Не дед, а картина прямо! Сам белый как лунь, борода седая, конь белый — красота да и только! На вид деду к семидесяти уже, а в седле сидит как влитый! Хоть скульптуру с него лепи! И винтовка из-за плеча выглядывает.

Дед тоже смотрит. На крыльцо. На Блюхера. Изба вроде та, что была ему указана. У крыльца кто-то в кожанке стоит. Годков около тридцати. Роста невысокого, но крепкий, ладно сшитый. Фуражка на нем солдатская, на сапогах пыль со всех уральских дорог осела. На боку маузер в деревянном чехле висит. «Поди, штаб охраняет», — догадался дед. И спрашивает:

— Эй, любезный, где тут у вас штаб командующего помещается?

Крепыш в кожанке с ответом не спешит. Сам спрашивает:

— Зачем тебе нужен штаб, дедушка?

Осерчал старик, брови нахмурил да как гаркнет:

— Молокосос! Я спрашиваю, где командующий, а ты мне сам вопросы задаешь!

— Так я и есть командующий, — спокойно отвечает крепыш.

Снова дед насупился. Снова крепыша с головы до ног и с ног до головы оглядел.

— А фамилия твоя какая будет? — спрашивает.

— Блюхер.

Помолчал дед. Потом с коня слез.

— Значит, так, — говорит. — Хочу к вам добровольцем. Сам я рабочий буду. С Тирляндского листопрокатного завода. Воевать умею. С турками еще доводилось.

Теперь Блюхер задумался. Куда же это пополнение определить? Хоть и лихой вроде старик, да годы-то его немалые. Сберечь бы его хорошо, настырного деда.

— Поезжайте, — говорит, — в Челябинскую батарею.

Кивнул дед в знак согласия, вскочил в седло и поскакал назад по пыльной улице.

Командующий тоже назад в избу пошел — дальше над картой думать. За боями да заботами и не вспоминал он больше про деда. В сражениях беспрерывных тоже рядом оказаться не случалось. Блюхер на одном фланге, дед на другом.

Второй раз у горы Извоз встретились.

Есть такая гора под городом Верхнеуральском. На ней сейчас памятник стоит — красным партизанам гражданской войны, наголову разбившим соединения белогвардейских войск.

Тогда, в июле 1918 года, сильные бои тут гремели. Десять дней небо огнем полыхало. Сквозь леса, через горы пробивались красные отряды к Верхнеуральску. Всего четыре километра до города оставалось, когда перед ними гора Извоз выросла.

Не очень-то и велика горка, да сидят на ней беляки — двадцать пять тысяч офицеров, казаков, белочехов. По соседним высоткам тоже укрепились.

На одних горках — белые, на других — красные.

Блюхер тоже на высотке стоит. Без бинокля вдаль смотрит. Красиво! В долине не спеша река Урал течет. В утренней дымке станицы виднеются: дома, огороды, над трубами дымки вьются. Чуть дальше и Верхнеуральск виден. Тихие улочки, сады... Вроде и нет никакой войны. Но это только «вроде». Поди угадай, у какой горушки что стоит на макушке? Засада? Пулеметная точка? Или вовсе нет ничего?..

Разведку послать нужно. Человек пять-шесть. Выяснить: стоят ли и где на Извозе пулеметы?

— Кто желает в разведку? — обратился Блюхер к бойцам.

Молчат бойцы, думают.

Блюхер их понимает. Хорошие ребята в 1-м Уральском полку, да больно уж дело опасное. Это же на самого себя огонь вызвать! Пострашнее, чем в атаке...

И тут проталкивается сквозь строй дед. Тот самый, что в Блюхере командующего не признал.

— Я, — говорит, — пойду в разведку. Один.

Блюхеру старика жалко стало, отговаривать начал. Но дед свое доказывает:

— Зачем много посылать? Я один все выведаю. Только прошу разрешения — с конем чтобы. Негоже нам в трудную минуту расставаться.

Согласился Блюхер.

Вскочил дед на коня — и галопом. Прямо на Извоз.

Сам белый, конь белый — словно снежный вихрь в лето залетел, на зеленую гору катится. К вершине ближе, ближе все...

И чем он к вершине ближе, тем в рядах бойцов оживленнее. Не стреляют ведь! Неужто открыт путь?

Так или иначе, дед всему отряду дорожку торит — скачет и скачет.

До вершины совсем пустяк осталось.

И тут ударили пулеметы.

С вершины два и с правого склона один.

Споткнулся белый конь, упал в травы зеленые.

Потом уже, после боя, подсчитали бойцы: двадцать девять пуль попали в деда, шестнадцать в коня.

Но дело свое старый рабочий сделал, пулеметные точки разведал. То они притаившись сидели, норовили исподтишка хлестануть, а теперь все известны, не так страшны.

Перестроил Блюхер свой отряд, перебежками от укрытия к укрытию до вражеских окопов довел и — в атаку! Орудия красных по вершинке ударили — по пулеметам.

Извоз был взят.

Пополнились уральцы винтовками, патронами. Захватили и пулеметы, что деда срезали, все три. Много потом от их огня врагов полегло. Выходит, и после гибели своей героической продолжал дед сражаться в отряде молодого командующего Блюхера.

Командующий о нем не раз вспоминал. Уже в мирные годы, когда речь заходила о героях гражданской войны, вспоминал он деда одним из первых.

В КОЛЬЦЕ ТРЕХ РЕК

Трудно идти по горам.

Больно уж дорога неровная: то вверх, то вниз.

Вверх забираешься — пушки и телеги на себе тащи. Кони-то из сил выбиваются, да и подковы порастеряли.

Вниз спускаешься — пушки и телеги держи! Не то сами поскачут. Кто впереди идет — тех побить могут.

Худо по горам идти.

Но в то же время и хорошо, белым тоже к колонне не подобраться. Впереди и сзади у колонны самые надежные бойцы идут. Впереди, в авангарде, — отряды Ивана Павлищева и Николая Томина. Хвост колонны лихие конники Ивана Каширина прикрывают.

Так Блюхер придумал.

Сам ближе к голове идет. Но и на хвост колонны поглядывает. Командир он! Значит, все видеть, все знать должен.

Наконец перевалили горы, вырвались на лесистую равнину из каменных теснин.

Вышли в долину трех рек — Белой, Зилима и Сима.

До города Уфы отсюда рукой подать, совсем близко.

Тут-то и решили белогвардейцы дать партизанам самый главный бой — разбить, уничтожить, в порошок стереть.

Со всех участков полки свои к Уфе подтянули.

Со всех сторон составы по рельсам стучат: пополнение белым везут. С Самарского фронта даже белочешские части вызваны.

В городе тоже новые отряды сколачиваются из бывших царских офицеров, из купчиков, даже из гимназистов.

Всех на ликвидацию «красной опасности»!

Газеты белогвардейские уже победу трубят. Попы православные и муллы башкирские за нее молятся. Сам епископ Уфимский Андрей, сиятельный князь Ухтомский, поклоны возле икон бьет: даруй, господи, победу!..

Бегут по лесам три реки — Белая, Сим да Зилим.

За каждой у партизан — враг.

Поскакал Блюхер на разведку к Белой. Только на берегу показался — залаяли пулеметы. Рухнул в траву буланый. Еле успел главком ногу из стремени освободить, соскочить вовремя.

Вот и первая потеря: любимый конь. Адъютант со своего коня соскочил — главкому подвел.

Подскакал связной, докладывает:

— На том берегу Сима скапливаются войска белочехов!

Второй связной скачет:

— Белые через Зилим переправляются!

Решай, главком! Решай быстро! Нет у тебя для раздумий лишних минут. Командиры уже собраны. Твоего слова ждут.

— Переправляться будем через Сим, — говорит Блюхер. — Леса тут много. Сколотим плоты, наведем переправу. А чтобы не догадался противник, мы ему на Белой спектакль устроим. Троицкому полку провести подготовку к ложной

БЛЮХЕР
Василий Константинович

Член Коммунистической партии с 1916 года. В 1918 году — командир Южно-Уральской партизанской армии. В 1919—1920 годах — начдив, командарм, начальник укрепрайона. Участник боев с войсками генералов Колчака и Врангеля. Руководитель штурма Волочаевки. Маршал Советского Союза. Награжден пятью орденами Красного Знамени.

переправе. Кавалеристам полка Степана Разина выступить туда же. Усольскому полку держать белых на Зилиме.

Только успели разъехаться командиры — артиллерийский налет.

Это беляки надумали партизан врасплох захватить. Пошли в наступление на деревню.

Зазвенели жалобно церковные колокола: шрапнелью по ним ударило.

Один снаряд прямо в избу, где штаб помещался, угадал. Хорошо, не разорвался!

На краю деревни перестрелка завязалась. Туда со всех сторон партизаны спешат.

Такой уж закон у них: всегда бежать вперед, на выстрелы. Потому никогда их врасплох и не захватишь.

Блюхер тоже в передовой цепи. Оборону организует. Пушкам позиции определяет. Сам к пулемету ложится.

Сдержали атаку белых. Потихоньку назад их теснят.

Блюхер руководство боя Томину передал. Сам поскакал на другой участок.

Ох и много у главкома ответственных участков! И не определишь, какой из них сейчас самый ответственный. На тридцать километров вокруг бой гремит!

Гудят орудия на берегах Сима.

Окутался дымом Зилим.

Сквозь огонь, уже на том берегу Белой, скачут конные сотни Разинского полка.

Всего ожидали белые от партизан, но никак не могли они ожидать, что блюхеровцы в наступление перейдут.

В их-то положении сидеть бы в обороне! Ведь белых вдвое, втрое больше — куда уж тут наступать!..

И вдруг сообщение по белым штабам: партизаны через Сим вплавь переправляются, на Уфу идут!..

Первыми под покровом ночи оставили свои позиции белочехи — не выдержали натиска партизан. Да и больно-то охота им за русских белых генералов жизни свои класть!.. Запродались их офицеры, а солдатам-то за что в России драться?

А тут еще партизаны железную дорогу перерезали.

Уже не победные трубы в Уфе трубят — паника идет по городу волнами. Спасайся кто может!

Уже не до наступления белым, не до разгрома партизан. Уфу бы удержать, не пустить туда красных! Все полки белогвардейские, белочешские, белоказачьи срочно к городу стягиваются, спешат кольцом его заслонить, не пустить Блюхера.

Только ему Уфы и не надо.

Придет еще время — освободят от белой нечисти и Уфу.

А пока он из кольца трех рек вырвался.

Переправил свою армию через Сим, по пути крепенько белых потрепал, захватил большие трофеи — повозки со снарядами, патроны, пулеметы, пушки, обмундирование всякое.

И пошел дальше на север.

К своим пробиваться.

ГЕНЕРАЛ БЛЮХЕР

В одном из боев захватили партизаны в плен белого полковника. Доставили его в штаб к Блюхеру.

Василий Константинович из-за стола встал, поздоровался.

— С кем имею честь? — спрашивает полковник язвительно.

— Главком Блюхер.

Полковник от неожиданности в струнку вытянулся, руки по швам.

— Очень рад, — лепечет, — видеть прославленного немецкого генерала.

Василий Константинович чуть улыбнулся, головой покачал.

— Я не генерал, — отвечает. — В немецкой армии действительно был генерал Блюхер, а я бывший унтер-офицер Девятнадцатого Костромского полка, Пятой пехотной дивизии.

— Но позвольте... Как же так?.. — растерялся пленный. — Мне говорили... Да и в газетах вот... В сумке у меня...

Блюхер ординарцу мигнул. Тот сумку полковничью принес, подал хозяину.

— Вот... — говорит полковник, вытаскивая из сумки газету. — Последний выпуск... Черным по белому... — И протягивает газету.

Действительно пишет белогвардейская газета, что главком красных Блюхер — не кто иной, как немецкий генерал. И нанят он на службу Совнаркомом за большие деньги. Далее сообщается: если кто доставит в Уфу голову генерала Блюхера, тому герою двадцать пять тысяч рублей золотом в награду.

— Понятно, — говорит Блюхер, возвращая газету.

— Что именно? — недоумевает полковник.

— Почему врут, понятно. Неловко командованию вашему, их благородиям, от унтера поражения терпеть. Вот и произвели меня в генералы.

Белого полковника увели. Только по лицу его было видно: так и не поверил он главкому. Дескать, сказать не хочет, признаться. Никак это в его белогвардейской голове не укладывалось, чтобы унтер-офицер толковее всех белых генералов оказался, все их замыслы разгадывал и неоднократно бил. Да и откуда у русского мужика такая фамилия оказаться может?!.

А странного тут ничего нет. Просто в стародавние времена ехал через деревню ярославскую Барщинку барин-помещик, увидел мужиков на завалинке, впился в одного взглядом.

«Ишь ты Блюхер какой!» — расхохотался.

Мужик подумал: обознался барин. Объясняет ему, что Кузнецов он, Левонтий. А барин свое. «Дурак! — говорит. — Башка у тебя здоровенная, как у самого фельдмаршала Блюхера!»

Рассмеялся еще громче и дальше поехал.

А Левонтия Кузнецова односельчане с той поры Блюхером величать стали. Потом и сына его Павла — Блюхером, и внука Константина, и правнука Василия...

Так вот и вышло, что барин какой-то прадеда главкома в фельдмаршалы произвел, а теперь правнуки того барина — белое офицерье — бывшего унтер-офицера, рабочего с Мытищинского вагоностроительного завода, в генералы произвели.

И на этот раз за голову — за воинский талант главкома.

МОСТ

Идет армия. Оставляет сзади версту за верстой. И все время с боями.

Чего только не придумывали белые, чего не изобретали!.. В поле партизан разгромить пытались. В реки сбросить. В болотах утопить. В горы загнать. Ничего не вышло!

Все дальше идут на север красные отряды главкома Блюхера. К своим! К регулярной Красной Армии. Много лесов прошли, горных перевалов преодолели, рек переплыли — к последней вышли, к реке Уфимке. Дальше уже не будет водных преград, только бы эту преодолеть. Но как?

Широка Уфимка, глубока. Бежит неспешно среди нескошенных лугов — на юг, на юг... И ни лодок на ней, ни паромов — ничего нет. Кавалерию еще переправить можно, сама переплывет. А пехоту как? Обозы? Раненых?

— Будем мост строить, — решил Блюхер.

Командир саперов только руками развел: из чего строить? Вокруг на сотни верст одна голая степь. Ни рощицы, ни деревца, ни кустика даже. Это первое. А второе — кто строить будет? Беляки со всех сторон наседают, партизаны непрерывный бой ведут, каждый боец на учете! Самим саперам тоже не справиться, больно уж мало их. Самим строить — сколько же возиться придется?..

— Сутки тебе сроку, — говорит Блюхер. — Сутки отряды продержатся. А насчет леса... Придется дома покупать, сараи. Поедем-ка в деревню к башкирам.

Широко раскинулась башкирская деревня Красный Яр. Одни избы в гору бегут, другие — вниз по склону. Большая деревня! Только очень уж нищая... Дома, которые покрепче, пустуют. Богатеи, кулаки-мироеды, лавочники всякие удрали. В деревне лишь беднота осталась башкирская. Темная, запуганная. Каких только страхов не наговорили ей белогвардейцы. Придут, мол, красные бандиты — все разграбят, пожгут, поубивают всех.

Едет Блюхер по Красному Яру, а на улицах тихо... Изредка выглянет кто из своей избы-развалюхи полюбопытствовать, что за красные такие, и скорее обратно спрячется, дверь прикроет.

Разъехались командиры по улицам. Приглядываются: какую из построек купить можно? Дом старый, сарай, амбар, бревна, для будущих изб заготовленные? Для строительства моста много леса потребуется.

Двое — Сандырев и Пономарь — в лавку местного богатея заглянули. Хорошая лавка. Стены крепкие. Бревна нестарые да толстые. Из крупных бревен сложена лавка. Товар, понятно, весь припрятан. В кассе — ни копеечки. Только ворох бумажек каких-то. Взял их Сандырев в руки, пригляделся — мать честная! Да ведь это расписки! Вся власть богатеева!

В деревнях-то раньше как было? Голодает бедняцкая семья. Хлеба дома ни крошки нет, денег ни грошика. Чем детей кормить? Плачут они, есть просят. Вот и приходится к богатею на поклон идти, умолять, вымаливать: не оставь, мол, милостью своею, не дай помереть, отпусти хлебушка в долг, до нового урожая!.. Покуражится богатей, поиздевается, а потом такую цену затребует, что и небо с овчинку покажется! Только делать-то нечего. Иначе хоть ложись да помирай. И соглашается бедняк выплатить осенью богатею втридорога, от-

работать на его поле бесплатно недели долгие, скот ему пасти, избу строить — весь в кабале бедняк. Сам бедняк ни писать, ни читать не умеет. Напишет богатей на бумажке все его долги, а бедняк внизу только крестик выведет.

Вот что такое расписка эта — кабала и горе бедняцкое.

— Так, — говорит Сандырев Пономарю. — Кличь башкир на сход к лавке. Да скачи к Блюхеру, доложи: расписки нашли.

Собралась деревня на площади возле лавки. Сандырев на крыльцо вышел. Поднял в кулаке пачку расписок.

— Знаете, что это такое? — спрашивает.

Загудела толпа. Еще бы не знать! Что же теперь с ними, с должниками, будет? К чему бы это красный командир расписки вытащил?

А Сандырев тем временем спичкой чиркнул, зажег лучину и по очереди одну за другой бумажки поджигает.

Горят расписки! Разлетаются пеплом долги бедняцкие, разносит ветер серый пепел.

Башкиры даже притихли от неожиданности. И вдруг — засмеялись, тюбетейками замахали, запрыгали от восторга.

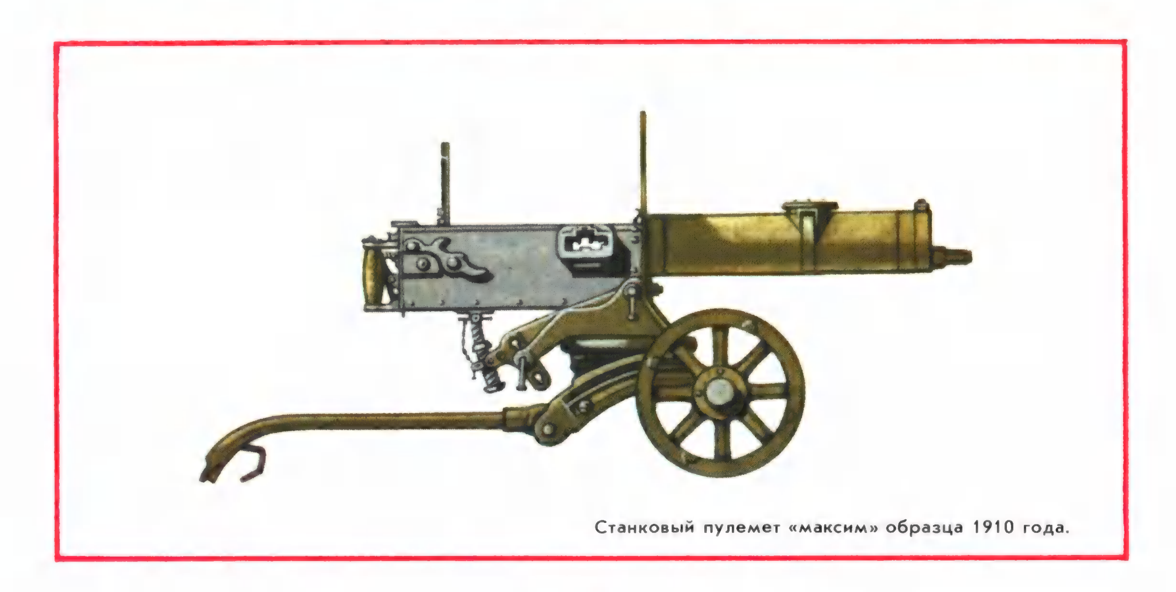
— Бик якши! — кричат. «Очень хорошо!» значит.

К крыльцу бегут, руки тянут благодарить.

Не заметили, как и главком подскакал, тоже на крыльцо поднялся.

— Мы, — говорит, — за вас с кулаками «рассчитались». Никому ничего вы больше не должны. Можете по домам расходиться. Но если кто хочет помочь нам, будем рады. За работу заплатим, за сараи, амбары купленные — тоже. Деньгами или ситцем. Как сами пожелаете.

Часа не прошло — закипела у речки работа. Саперы ко́злы веревками вяжут. Башкиры бревна везут, из старых досок и лесин гвозди выдергивают,

Станковый пулемет «максим» образца 1910 года.

пилят, тешут, настил из досок готовят. Женщины из обоза тоже тут. Все вместе: партизаны-саперы, беженцы, ребятишки, башкиры. Только тюбетейки мелькают! Всей деревней пришли башкиры. Как же не помочь другу? Говорили: «Бандиты, грабители!..» Кто говорил? Секир башка тому, кто такие слова говорил!

По обоим берегам Уфимки бой гремит. Небо который час уже огнем полыхает. Главком Блюхер тоже там. То на одном участке боя, то на другом. И у моста тоже. Ему надо везде поспеть.

Смотрит деревня Красный Яр на степь вокруг: с юга огонь, с севера огонь, а посередине через реку мост строится. Там — пулеметы стучат, а тут — топоры. Уже и козлы выстроились одно за другим. Кривобокие, но держатся! Настил уже саперы кладут.

Приказал главком за сутки сделать — за сутки и сделали.

Переправили всю армию, артиллерию, обоз, госпитальные повозки. Разгромили беляков на правом берегу и дальше пошли. Верхнеуральский полк, Богоявленский полк, Троицкий полк, казачий имени Степана Разина полк и отряд башкир из деревни Красный Яр.

ВСТРЕЧА

Вызвал главком Блюхер командира Русяева.

— Садись, Виктор, слушай, — показал он на лавку у стола. — Судя по всему, части Красной Армии где-то уже близко. Хорошо бы их поискать. Только тут нужна осторожность. Они ведь тоже ничего о нас не знают. Появишься неожиданно, — чего доброго, в штыки встретят. Так что возьми-ка ты с собой

Винтовка трехлинейная системы Мосина образца 1891 года.

Английская винтовка системы «энфильд-маузер».

Японская винтовка системы «арисака».

1918

сотню кавалеристов, на случай, если вместо красных на белых напорешься, и действуй.

Русяев с лавки встал, вытянулся. Молодой, ладный, улыбчивый, а сейчас аж глаза светятся! Что-то сказать хотел.

— Да, вот еще что, — остановил его Блюхер. — Проверь, чтобы у каждого бойца на груди красный бант был. И у коней на уздечках — тоже. К древкам пик красные ленты привяжите... Знамена всего отряда тоже собери, вези их в голове сотни. Словом, чтобы как на демонстрации. Желаю успеха!

Ранним сентябрьским утром сотня двинулась в путь.

Впереди разъезды скачут, по сторонам — боковые дозоры. И впрямь ведь можно на белых напороться!

Проскакали уже порядочно.

Видят, навстречу из-за пригорка дозорный спешит:

— Товарищ командир, впереди деревня Тюйно-Озерская. Занята какими-то частями. Издали не разобрал...

Что делать? Сразу всей сотней скакать неразумно. Послали двух кавалеристов в разведку.

Только они к деревне приблизились — пулемет оттуда.

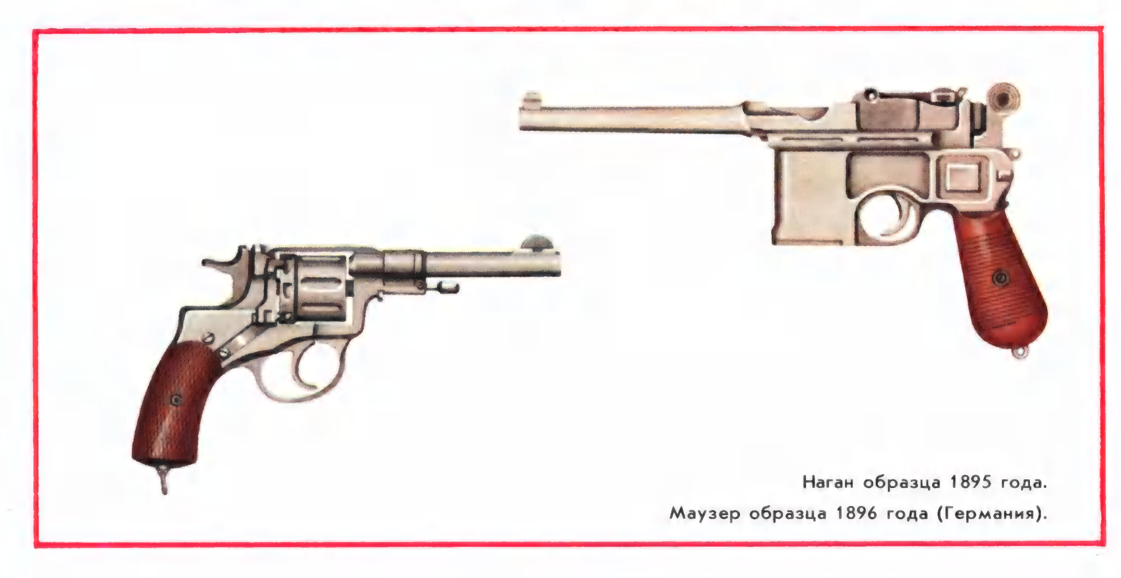
Кто же там, в деревне? Красные? Белые?

Если наши, то неужели красных бантов не видят?

— Придется попугать их малость, — предложил командир сотни Чуриков. — Пойдем в атаку.

Бойцов на всякий случай предупредили: пока точно не увидят, что в деревне белые, не стрелять, шашками не рубить. Лучше всего в плен кого-нибудь захватить.

Развернулась сотня в лаву, полетела вперед.

Наган образца 1895 года.

Маузер образца 1896 года (Германия).

Только не получилось атаки.

Пуста оказалась деревня. Углядели только: по дороге подводы улепетывают, вовсю коней нахлестывают.

Отыскали мужичка какого-то, спрашивают:

— Кто здесь был, белые или красные?

— Красноармейцы, — отвечает. — Третью неделю уже тут.

Ох и добрую весть сказал ты, мужичок! Сколько этой вести партизаны ждали! Какой путь проделали, чтобы эти слова услышать: «Красноармейцы тут...»! В пору «ура!» кричать! Да некогда, догнать надо подводы.

Конечно, кавалерийский конь — это не лошадь с телегой.

Догнали.

— Кто у вас командир? — спрашивает Русяев.

— Ну я, — вышел один из задержанных. — А вы кто такие?

— Мы красные партизаны из отряда Блюхера, — отвечает Русяев. — Что у вас за часть?

Молчит красноармейский командир.

— Как связаться с вашим штабом? — спрашивает опять Русяев.

Молчит красноармейский командир.

Потом говорит:

— Хитрецы!.. Хотите «на пушку» взять? В наш тыл пробраться без боя? Не выйдет. Ишь маскарад устроили, красных бантов понацепляли!

Вот тебе на, не верит!

— Да мы же свои! — волнуется Русяев. — За одну с вами победу пролетарской революции воюем!

Не верит красноармейский командир.

— А где доказательства? — спрашивает.

— Какие вам еще доказательства? — совсем уже разнервничался Русяев. — Видите ведь, казаки наши никого не рубят, на ваш огонь ни одним выстрелом не ответили.

Тут он об удостоверении вспомнил. Полез в карман, достал его и протянул красноармейскому командиру.

— Читайте.

Прочитал красноармейский командир удостоверение, назад вернул.

— Этой бумажке верить я не могу, — говорит. — Ни печати на ней нет, ни подписи военкома.

Русяев прямо из себя выходит.

— Как же нет? — кричит. — Это вон подпись чья? Самого товарища Блюхера!

Красноармейский командир глаз щурит.

— А кто это — Блюхер? — спрашивает. — Я такую фамилию в первый раз слышу.

Ну что ты с ним делать будешь? И понять командира можно. Ну как и впрямь перед ним беляки замаскированные? Обманут — и всей конницей прямо к штабу!..

— Ладно, — говорит Русяев. — Бери меня в плен. Одного. Конницу мы тут оставим, а ты меня в плен бери и в штаб веди.

На этот раз красноармейский командир согласился.

Стучит телеграф, сыплет точки и тире.

Из-под уральского города Кунгура — в Москву.

У аппарата Василий Константинович Блюхер стоит, диктует:

— «Владимиру Ильичу Ленину.

Приветствую Вас от имени южноуральских войск...

В Вашем лице приветствую Рабоче-Крестьянскую Советскую Республику и ее славные войска. Проделав беспримерный полуторатысячный переход по Уральским горам и области, охваченной восстанием казачества и белогвардейцев, формируясь и разбивая противника, мы шли сюда, чтобы вести дальнейшую борьбу с контрреволюцией в тесном единении с нашими родными уральскими войсками...»

ОРДЕН № 1

В ту пору молодую Республику Советов со всех сторон окружали фронты. Со всех сторон лезли на нее белогвардейцы, царские генералы, казачьи атаманы, иностранные интервенты. Слали свои войска буржуазные правительства Англии, Франции, Америки, Германии, панской Польши.

И на всех фронтах мужественно сражались с бесчисленными врагами воины молодой Красной Армии. В борьбе за свободу своего народа, за победу пролетарской революции показывали они невиданные до того чудеса храбрости, стойкости, самоотверженности.

Республика Советов решила отметить своих героев.

16 сентября 1918 года декретом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета был учрежден первый орден нашей страны — Красное Знамя.

А вскоре Владимиру Ильичу Ленину поступила телеграмма Уральского комитета партии. В ней говорилось:

«В лице Блюхера и его полков мы имеем подлинных героев, совершивших неслыханный в истории нашей революции подвиг...» Далее уральцы просили, «чтобы Блюхер с его отрядами был отмечен высшей наградой, какая у нас существует, ибо это небывалый у нас случай».

30 сентября 1918 года собрались на свое заседание члены ВЦИК. Первым вопросом было сообщение о беспримерном подвиге южноуральских партизан. Вторым — вопрос о том, кого наградить только что учрежденным орденом Красное Знамя.

Поднялся Яков Михайлович Свердлов.

«Я предлагаю, — сказал он, — первым удостоить ордена Красное Знамя товарища Блюхера. Возражений нет?»

В ответ раздались аплодисменты.

САМА РЕКА ГОРЕЛА

Павлин Виноградов то садился на лавку, то снова вскакивал и начинал метаться по тесной избе. В висках стучало одно: «Предатель! Шкура белогвардейская! Гад он, а не командующий флотилией Северного Ледовитого океана!»

Буксир, приплывший вчера по Северной Двине, привез нерадостные вести. Пробравшийся в штаб Беломорского округа бывший царский адмирал Викорст передал англичанам планы и карты нашей батареи на острове Мудьюг. Приказ штаба о минировании устья Северной Двины он тоже не выполнил. 1 августа 1918 года в реку вошли крейсера «Аттентив» и «Адмирал Об», тральщики, миноноски, гидропланная матка «Нирака» везла самолеты. В Архангельске вспыхнул белогвардейский мятеж.

Еще один мятеж! Виноградов и уехал-то из Архангельска только потому, что надо было подавлять кулацкий мятеж в Шенкурске. Всего лишь десять дней назад... Воспользовались, канальи! Теперь интервентам и белогвардейцам,

таившимся до поры до времени, вся река открыта! Ни кораблей у Виноградова, ни войска. Горстка матросов да красноармейцев. К сожалению, и сам он не велик полководец!.. Был рабочий, рабочий и есть. В тюрьме шлиссельбургской военным премудростям его не обучали. На каторге сибирской тоже. В наступление один-единственный раз ходил, на Зимний дворец с винтовкой. Вот в Шенкурске хоть стрелять научился...

— Щеглов! — крикнул он, распахнув дверь. — Собери наших!

Собрались быстро. Все в одной комнате поместились.

— Стало быть, так!.. — поднялся из-за стола Виноградов. — Двина пуста! До самого Котласа открыта. Англичане, поди, все уже рассчитали: как поплывут по ней, как ударят в спину нашим армиям, соединятся с Колчаком... Кто их может задержать? Только мы... Знаю, что сил у нас недостаточно, оружия мало. Разбить врага у нас не получится. Так покажем ему, что есть на Северной Двине силы революции! Не пройдут по ней беляки гуляючи!

— Корабли у нас больно старые, — вздохнул матрос Щеглов.

— Латать их надо, — согласился с дружком матрос Игнатов.

— Значит, будем латать! — заключил Виноградов.

Флотилия у пристани и впрямь напоминала экспонаты музея истории речного судоходства. «Могучий» только именем своим мог напугать кого-то. «Мурман», «Вельск», «Любимец» были не лучше.

Щеглов с Игнатовым взялись их ремонтировать. Виноградов метался по лесам, забирался в глубинные уезды, еще не захваченные врагом, собирал людей, заготавливал продовольствие, писал листовки:

«Настал решительный час!

С оружием в руках идите в наши ряды, образовывайте партизанские дружины, связывайтесь между собой и Красной Армией!

Ловите и уничтожайте шпионов!

Преграждайте всякими способами путь врагу!

Пусть пожаром будет объято все то, к чему он будет протягивать руки!

Пусть тысячи глаз следят за каждым его движением!

Пусть на каждом шагу ждет его засада и смерть!»

И однажды пришли к Виноградову трое партизан. За поясами топоры заткнуты, в руках охотничьи берданки.

— Сил нету терпеть более, — говорят. — Двадцать мужиков в селе бравые белые ерои порешили... Дай нам, Павлин, поболе дроби да пороху. Винтовки дашь — до земли поклонимся. Стрелки у нас в кедровый орешек на лету попадают! На выбор станем стрелять англичашек, офицеришек, всех, кого увидим в стану ихнем.

А неделю спустя еще двое гостей пожаловали — Уралов и Ногтев, уполномоченные из Москвы. Привезли Павлину Федоровичу письмо от Ленина, обещание помочь вскорости людьми и оружием.

Повеселел Виноградов. Все чаще стал думать о том, как дать белогвардейцам бой, припугнуть их хотя бы.

Пришел день — пригласил он к себе бывшего председателя архангельской ЧК Лукьянова.

— Не хватит ли нам в сторонке отсиживаться? — спросил. — Не пора ли на Березник двинуть, пока англичане основных своих сил не подтянули?

В городке Березнике оккупанты уже успели обосноваться. Привели туда пять судов с артиллерией, со множеством пулеметов, даже с гидропланами. У Виноградова были четыре парохода с малочисленной командой, два орудия да несколько пулеметов.

Лукьянов провел разведку боем. Успехов не достиг, но врага маленько насторожил, предупредил вроде: по Двине вам ходу не будет!

Спустя два дня к Березнику, к широкому плесу, заросшему ельником, вышел «Мурман». Не успел Павлин осмотреться как следует.

— Прямо по ходу судно противника! — докладывает Щеглов, стоявший у носового орудия.

И началось!..

Распахнулись над Двиной белогвардейские пулеметные веера, ударили свинцовыми граблями по речным волнам, запрыгали на них крупные пузыри — словно в грозу!

— Щеглов, ответь ему! — нахмурился Виноградов.

Неторопливый Щеглов долго прицеливался, а потом посыпал снаряд за снарядом! И не выдержал неприятель, стал отворачивать. Тут-то его Щеглов и подловил. Только беляки бортом повернулись — он им в борт и влепил! Пароход белогвардейский с полного хода в берег врезался. Беляки — в воду да вплавь кто куда.

Радовались виноградовцы боевой удаче. Четыре пулемета системы «виккерс» к себе на «Мурман» перетащили, ленты к ним, ящики с патронами. А на обед — консервы английские!..

Павлин Виноградов тоже, конечно, радовался, но не долго. Понимал: успешная вылазка — это еще не бой. Пароходы белогвардейские не потоплены, в любой момент могут вверх по реке тронуться.

— Лукьянов, — попросил, — ты бы мне хоть какую-нибудь книжечку о сражениях на реках нашел, а?..

Не нашел Лукьянов такой книжечки.

Оставалось воевать не по-книжному, бортами своих судов постигать науку военную.

Десять дней спустя «Мурман», «Могучий» и «Любимец» снова шли вдоль захваченных белыми берегов — к Березнику.

Шли ночью. С потушенными огнями. Пароходы осторожно крутили свои колеса, почти неслышно шлепая плицами по воде. Внезапность удара значила многое.

Белые Виноградова и впрямь не ждали. Пять их больших пароходов спокойно покачивались у берега, огни их мерно то поднимались, то опускались, словно сигналили: у нас все спокойно.

Павлин Федорович еще раз оглядел свою «флотилию». Вроде все в порядке. За «Могучий» можно не беспокоиться, там Лукьянов. У «Любимца», к сожалению, все вооружение — единственный пулемет. Зато с самым лучшим пулеметчиком! У него на «Мурмане» два орудия на носу, пулеметы на корме. Главное — подобраться как можно ближе! Чтобы наверняка!

И подобрались.

Почти вплотную.

Ударили орудия «Мурмана» и «Могучего».

Полоснули по сверкающим окнам, по чужим палубам пулеметы. Загремели винтовочные выстрелы.

Виноградов вел свои суда вдоль неприятельских. Шел борт о борт и свинцом поливал. Дошел до крайнего — развернулся. Стрельба пошла уже с другого борта. Снова разворот — снова огонь.

Беляки опомнились не сразу. Но когда опомнились, начался ад кромешный. Орудий и пулеметов у них все равно ведь было больше.

В грохоте перестрелки Виноградов все же различил, что единственный пулемет на «Любимце» замолчал. Увидел, как вздрогнул и сбился с хода «Могучий», черным дымом заволокло его палубу.

«Отходите!» — просигналил им Павлин, бросая свой «Мурман» вперед, почти в упор расстреливая беляков из двух своих орудий. Но тут и они замолчали. Одно за другим.

Может быть, и не надо бы так близко-то подходить, себя подставлять, да иначе тоже нельзя. Надо своих прикрыть, дать им, израненным, по реке уйти, оторваться от противника.

Орудия молчали.

Лишь два пулемета тарахтели на корме не смолкая.

— Капитан ранен! — донесся сквозь пулеметную трескотню голос матроса Игнатова.

Виноградов оглянулся, увидел продырявленную трубу, изрешеченную, словно сито, рубку.

— Течь в трюме, — доложил Щеглов.

Оставалась единственная команда:

— Полный назад!

«Мурман» начал пятиться. Но далеко ли уйдешь задним ходом? А беляки наседали. Стреляли с их пароходов, гремели винтовочными выстрелами берега. Казалось, что сама река горит-полыхает. И никуда из ее огня не вырваться. Один «Мурман» против пятерых остался. Хода у него нет почти никакого, орудия молчат...

ВИНОГРАДОВ
Павлин Федорович

Рабочий Сестрорецкого оружейного завода. Политкаторжанин. Участник штурма Зимнего дворца. В 1918 году направлен в Архангельск для организации отгрузки хлеба Петрограду. Возглавил борьбу с интервентами на Севере страны. Сформировал Северо-Двинскую флотилию. В 1918 году погиб в бою.

И тут он сделал невероятное: развернулся! Прямо под носом у беляков. Прямо под их непрерывным огнем. И пошел догонять своих, отстреливаясь кормовыми пулеметами.

Это было так неожиданно и дерзко, что беляки даже не рискнули гнаться за ним.

На этот раз виноградовская флотилия трофеев не захватила. Привезла дыры в бортах, раненых на палубах, разбитые орудия. Но и белякам она насолила крепко. Дала понять, что дорога на Котлас для них закрыта.

Пока же надо было ремонтироваться и ждать. Чего ждать? Всего. По реке — беляков, по лесам из Вологды — пополнение.

И однажды поутру разбудил Виноградова Щеглов:

— Вставай, Павлин! Выдь на крыльцо, глянь, что делается-то!

Давно такого Виноградов не видывал. Показалось сперва, что все население близлежащих волостей возле его штаба собралось. Да нет, не из лесов эти люди, за спинами не берданки охотничьи — винтовки с примкнутыми штыками в утренней мари чернеют. Стало быть, не забыл Ленин о своих бойцах на Севере — прислал пополнение! Кружными путями, в теплушках прибыли на

Северную Двину с Балтийского моря тысяча матросов, дружина путиловских рабочих, дивизион артиллерии.

— Тут-то она ему и сказала! — присвистнул за спиною Щеглов.

— Что? — не сразу понял его Виноградов.

— Теперь и наступать можно, — пояснил свою присказку матрос.

— Правильно. Теперь на Вагу пойдем.

В ночь с 7 на 8 сентября отряды Виноградова сошли на берег у деревни Чамово, двинулись посуху к устью реки Ваги. Деревня, в которой засели беляки, так и называлась: Усть-Вага. В нескольких километрах от нее находилась другая деревня — Шидрово. Беляков оттуда вышвырнули одним ударом, но дальше продвинуться не смогли.

На Двине появился неприятельский пароход и открыл такой огонь из орудий, что в пору стало по погребам прятаться.

— Орудия на прямую наводку! — скомандовал Виноградов. — Щеглов! Бревна у часовни видишь? Туда кати! Штабеля прикроют.

По деревне метались взрывы фугасных снарядов, стучала по крышам картечь, но орудия к часовне все-таки выкатили, поставили между штабелями тяжелых бревен.

Виноградов к одному из них встал, Щеглов к другому.

— Ну, держись, белая галоша! — пробурчал Павлин, отрываясь от прицела.

Первый же снаряд ударил по корме белогвардейского судна. Оно закачалось, начало оседать кормой.

Выстрелил и Щеглов — снес у беляков трубу.

Но тут из-за поворота реки выскочил второй белогвардейский пароход. Снаряды свинцовым градом посыпались на наши орудия.

Вздрогнула, заскрипела старая часовня. Взрывом подняло тяжеленное бревно, перебросило через Виноградова. Огненный куст взрыва вспыхнул возле орудия Щеглова. Еще несколько снарядов одновременно ударили по штабелям. Бревна с землей взметнулись высоко вверх и обрушились на Виноградова.

Его так и нашли: возле орудия, среди раскиданных бревен.

На правом виске Павлина темнела маленькая ранка с корочкой запекшейся крови.

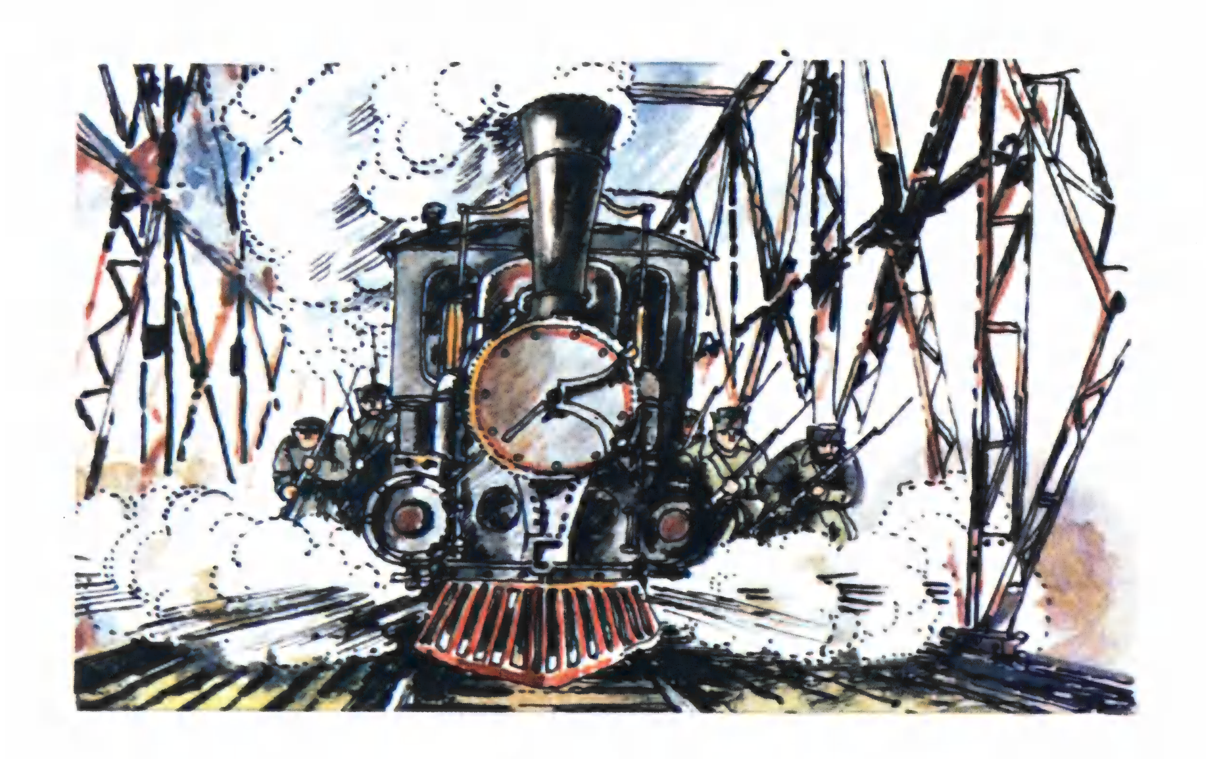
...14 сентября 1918 года газета «Правда» сообщала:

«На Северо-Двинском направлении артиллерийским снарядом убит беззаветно храбрый командир Н-ского отряда, наш дорогой товарищ Павлин Виноградов... Его колоссальной энергии, силе организаторского таланта и отваге мы обязаны тем, что продвижение англо-французов к Котласу было приостановлено после одержанной им победы над превосходящими силами противника в середине августа. С тех пор он со своим отрядом и со своей эскадрой день за днем шел вперед, теснил неприятеля. Он оказался прекрасным революционером и военачальником, рабочие, матросы и солдаты шли за ним».

Шли за ним...

Они шли вперед и после гибели Павлина Виноградова.

Они выполнили его приказ: очистили Советский Север от интервентов.

МОСТ

В 1928 году наша страна отмечала десятую годовщину Красной Армии. Во многих городах проходили тогда торжественные собрания. Проходило такое собрание и в бывшем Симбирске, недавно переименованном в Ульяновск. Приехал сюда из Москвы бывший командир легендарной Железной дивизии Гая Дмитриевич Гай. Когда ему дали слово, вышел он на трибуну и неожиданно сказал: «Друзья мои, разрешите, я вам анкету зачитаю. Анкет сейчас пишут много, я тоже одну составил».

Такой анкеты никому еще не приходилось слышать или видеть. Не какому-нибудь одному человеку она посвящалась, а сразу целой дивизии! Сказано в ней было следующее:

«1. Имя — Двадцать четвертая.
2. Отчество — Симбирская.
3. Фамилия — Железная.
4. Специальность — стрелковая.

ГАЙ
(Бжишкян)
Гая Дмитриевич

Прапорщик в годы первой мировой войны. В 1918 году формирует части Красной Армии. Начальник 24-й Симбирской Железной стрелковой дивизии, командарм на Восточном фронте, командир конного корпуса в боях с белополяками.
Награжден двумя орденами Красного Знамени.

5. Год рождения — 1918.

6. Кем рождена — Октябрьской революцией.

7. Место рождения — на реке Волге, под Симбирском.

8. Происхождение — из рабочих и крестьян Симбирской и Самарской губерний.

9. Образование — окончила университет гражданской войны.

10. Подданство — штаб мировой революции — III Коммунистический Интернационал.

11. Место прописки — Союз Советских Социалистических Республик.

12. Какие имеет награды — 10 почетных Красных знамен ВЦИК, до 20 знамен от Симбирского и Самарского губисполкомов, более 1000 орденов Красного Знамени от РВСР.

13. За что — за участие в освобождении Поволжья, Симбирской, Самарской, Оренбургской губерний и освобождении более 100 городов от врагов Советской власти.

14. Чем занимается в настоящее время — охраной границ СССР и обучением молодых бойцов.

15. Кто может подтвердить правильность вышеизложенных сведений — пролетариат Симбирска, Самары, Оренбурга и царские генералы Колчак, Дутов и Деникин».

Начдив немного поскромничал: «подтвердить правильность вышеизложенных сведений» могли бы и многие бойцы его дивизии, тоже сидевшие в зале торжественного собрания. Наверное, когда они слушали своего начдива, память уносила их назад, в гул сражений...

«Год рождения — 1918»... Фронты через всю страну. Вдоль и поперек. Сколько они тогда прошли с боями!.. Сначала их было всего триста. Триста красноармейцев вышли тогда с Гаем из Самарканда. И — по тылам белогвардейским! Через Актюбинск, оренбургские степи. К Волге человек пятьдесят дошло. Были среди них русские, украинцы, казахи, узбеки, даже два индуса и один афганец. На разных языках говорили, а дисциплину с полуслова понимали. Дисциплина у них была железная! Иначе не пробиться бы им.

Вышли и... снова окружение. Главком Восточного фронта бывший царский полковник Муравьев оказался предателем. Армии белочехов и белогвардейцев двинулись на Бугульму, Мелекесс, Ставрополь-на-Волге... Пал Симбирск... И снова сто пятьдесят верст по вражеским тылам. Скрипят обозы с ранеными, с женщинами, стариками, детьми... Грохочут орудия... Из огня в огонь. От схватки к схватке.

Пробился Гай! Три тысячи бойцов к своим вывел. Доложил командарму Тухачевскому: «Сенгилеевско-Ставропольская группа войск к бою с врагами революции готова!»

Усилили ее другими полками. Вот тогда и родилась она — Симбирская Железная! Первый приказ получила: отбить Симбирск.

Лето уже поворачивало к осени. 30 августа два посыльных в штаб прискакали. Первый приказ привез: «Приступить к занятию исходного положения и атаковать Симбирск. По овладении закрепиться главными силами на правом берегу Волги».

Второй тяжелую весть доставил: в Москве врагами революции тяжело ранен Владимир Ильич Ленин.

И пошла Железная в бой.

На сто верст в ширину распахнулись ее цепи. Заметались белогвардейские резервы, какую дыру в своей обороне затыкать — не знают... Но дрались упорно. Каждый окоп, каждое село отстаивали яростно.

Железная же шла не останавливаясь. Заворачивала фланги, беря беляков в клещи.

«Доложите обстановку», — запрашивал по телеграфу политкомиссар 1-й армии Валериан Владимирович Куйбышев.

«Белый Ключ взяли, — отвечал Гай. — Много пленных взяли, три орудия. Аэроплан взяли! Подходим к городу. Мост цел».

Не докладывал о том только, что сам постоянно был в цепях атакующих, сам в бой вел — под орудийным огнем, сквозь пулеметный лай.

Первыми ворвались в Симбирск конники. За ними — 3-й Московский полк. Из тюрьмы освободили полторы тысячи политзаключенных — они тоже винтовки в руки взяли.

А начдив уже на телеграфе — сообщает в Москву:

«Дорогой Владимир Ильич! Взятие Вашего родного города — это ответ на Вашу одну рану, а за вторую — будет Самара».

Тяжелобольному Ленину прочитали телеграмму. Он тут же продиктовал ответ:

«Взятие Симбирска — моего родного города — есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны. Я чувствую небывалый прилив бодрости и сил. Поздравляю красноармейцев с победой и от имени всех трудящихся благодарю за все их жертвы».

Из Симбирска беляки удирали так лихо, что даже самый большой мост через Волгу взорвать не успели. На том берегу опомнились, укрепились, поставили пушки, вызвали броневик.

КУЙБЫШЕВ
Валериан Владимирович

Член Коммунистической партии с 1904 года. В 1917 году — председатель Самарского комитета РСДРП(б). Участник обороны Самары от белочехов, политкомиссар и член РВС 1-й армии, член РВС группы армий Восточного фронта, Астраханской группы войск, Туркестанского фронта. Позднее — член Политбюро ЦК КПСС, член ВЦИК и ЦИК СССР.

Хорош был этот мост через Волгу! Вот только подойти к нему трудно: простреливается насквозь. Никак нашим бойцам на тот берег не пробиться. Но и белякам через мост не перейти.

Висит он над Волгой среди огня и грохота — всем нужен. Гай через мост прорвется — погонит беляков к Оренбургу, к Уфе. Белый полковник Каппель захватит переправу — снова Симбирск падет. Из-под Уфы к Каппелю прибыли отборные офицерские части — несколько тысяч человек. Наших защитников моста было куда как меньше. Только Интернациональный полк, где командиром венгр Дьюла Варга.

Бросил Каппель в атаку офицерские батальоны — отбили. Вторая атака последовала. Третья. Четвертая... Падают сраженные пулями бойцы-интернационалисты.

— Ни шагу назад! — кричит Варга. — Не отдадим мост! Позади нас — город Ленина! Придет день — и русские помогут нам на Висле и Одере! На Немане и на Дунае!

— Победа или смерть! — отвечают бойцы.

Совсем уже мало осталось их на мосту. Немногие услышали, как просвистел над их головами первый тяжелый снаряд, за ним — второй. Это Гай прямо из

ВАРГА
Дьюла Андраш

Венгерский интернационалист, член Коммунистической партии с 1918 года. Командир 1-го Интернационального полка в составе 1-й Симбирской стрелковой дивизии.
В конце жизни — генерал Народной армии Венгерской Народной Республики.

города, с Соборной площади, открыл артиллерийский огонь. Увидели и спешащие по Волге пароходы. Курский полк торопится интернационалистам на выручку.

И тогда встал оглохший, контуженный Дьюла Варга и запел на родном языке:

— «Это есть наш последний...»

— «И решительный бой...» — подхватил кто-то рядом по-немецки.

— «С Интернационалом...» — присоединились по-польски.

— «Воспрянет род людской!» — откликнулся чех.

Полк выбросил белогвардейцев с предмостных укреплений. Даже несколько пулеметов на том берегу захватил. Но продвинуться дальше не смог, сил не осталось. Свою задачу полк выполнил: выиграл время, дал возможность Гаю подтянуть к мосту другие части Железной дивизии.

В час ночи 24 сентября 1918-го началась наша атака. Открыл огонь по врагу бронепоезд имени В. И. Ленина. На пароходах в обход укреплений белогвардейцев ушел один из полков.

Но и враг не собирался отдавать мост. Белые артиллеристы подожгли три деревянные баржи с нефтью — ярким заревом осветился мост. Бьют по нему трехдюймовые орудия. Осколки от железных ферм рикошетят, свистят, воют. Пулеметы по настилу моста бьют — головы не поднять!.. Лежат бойцы, стараются в настил вжаться, да мост не земля-матушка, не вдавишься в него, не закопаешься.

Гай новое решение принял: на всех парах пустил на врага паровоз без машиниста. И сам за ним следом пошел. Во весь рост. Кричит на ходу: «Храбцы! Герои! Не надоело лежать под пулями? Вперед!»

Не выдержал противник атаки. Далеко в заволжские степи удрал. Пушки бросил. Обоз оставил.

А вскоре в штаб пришло радостное сообщение: Железная дивизия награждена Почетным революционным Красным знаменем ВЦИК. Принимая награду, начдив Гай стал на одно колено, поцеловал алый шелк, поднялся, взял знамя и провез его по улицам праздничного Симбирска. В Москву была отправлена телеграмма:

«Сердечно тронуты Вашим вниманием к нашей дивизии. Бесконечно благодарны за дарованное нам Почетное знамя от имени Центрального Исполнительного Комитета. Мы всегда были уверены, что пролетариат не забудет своих товарищей, защищающих оружием добытые им права. Красное знамя труда — символ пролетарской революции — всегда руководило нашей борьбой, и теперь это Знамя, дарованное нам от имени всего революционного российского народа, еще больше нас воодушевляет к дальнейшей неустанной борьбе за идеалы рабочего класса, за коммунизм. Мы клянемся доказать, что Симбирская Железная дивизия Красной Армии оправдает данное ей название Железной и надежды, возлагаемые на нее рабочими и крестьянами России»...

Клятву свою бойцы Железной сдержали.

МОСКВА, КРЕМЛЬ, ЛЕНИНУ.

3 ОКТЯБРЯ ДОБЛЕСТНЫМИ КРАСНЫМИ ВОЙСКАМИ ОСВОБОЖДЕНА СЫЗРАНЬ...

4 ОКТЯБРЯ. ПРОТИВНИК ОСТАВИЛ ГОРОД САРАПУЛ.

7 ОКТЯБРЯ ДОБЛЕСТНАЯ 4-Я АРМИЯ ВСТУПИЛА В САМАРУ, БЕЛОЧЕХИ И ВСЕ ДРУГИЕ БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ БЕГУТ...

16 ОКТЯБРЯ. ГОРОД БУГУЛЬМА ОСВОБОЖДЕН ВОЙСКАМИ КРАСНОЙ АРМИИ.

18 ОКТЯБРЯ. НАСТУПЛЕНИЕ БЕЛОКАЗАЧЬИХ ЧАСТЕЙ ГЕНЕРАЛА КРАСНОВА НА ЦАРИЦЫН ОТРАЖЕНО.

КАЛЕДИН

Был грозен Каледин, донской атаман:
На поясе — шашка, в кармане — наган!
Известна была и мечта атамана:
Всех красных подряд расстрелять из нагана.
Наган атаману и впрямь пригодился:
Побитый, он сам из него застрелился.

ЭРДЖКИНЕЗ

Мало кто знал Захария Палавандашвили. Зато всегда приветливого и отчаянно храброго Шакро знали все. По обе стороны Кавказского хребта.

Хотя на самом-то деле Захарий Палавандашвили как раз и был тем самым Шакро. Наверное, за непоседливость дали ему второе, короткое имя. А то ведь пока выговоришь «Палавандашвили», он уже и ущелье перемахнет!

Сам Шакро по этому поводу говорил так: «У Орджоникидзе тоже два имени. Русские зовут его Серго, ингуши — Эрджкинез».

Никаких постов Шакро не занимал. Никакими отрядами не командовал. Но случись что-нибудь особенно трудное — он тут как тут! Обязательно выход найдет, обязательно поможет.

Конечно, не «косоротой лисице» Бичерахову! Вах! Станет он помогать врагам народа! Ни в коем случае! Вот Орджоникидзе — пожалуйста!

Рядом с Асланбеком Шериповым тучный Шакро выглядел, как трехсотлетняя чинара по соседству с молодым эвкалиптом. Конь под ним тоже был под

стать хозяину: толстый, приземистый. Не то что под Асланбеком — тонконогий, легкий, пружинистый! Но ехали они рядом, колено к колену. Разговаривали.

— Ты, Шерипов, горец, — говорил Шакро. — Ты — чеченец! Сам знаешь, какие у нас горы. То в облака тебя поднимут, к солнцу, к свету, то темную пропасть под копыта бросят. Вверх-вниз! Сегодня отступаем, завтра наступаем. По всему Кавказу война идет. Сколько у нас с тобой врагов — не пересчитать! У меня в Грузии меньшевик Жордания — большой свинья! У тебя — меньшевик Бичерахов, сам знаешь, как его зовут. За их спинами генерал Деникин с кайзером Вильгельмом стоят. Все дружки-приятели стали. Все против нас. Страшно?

— Пусть нашим врагам будет страшно! — горячо откликнулся Асланбек. — Было страшно, теперь — нет.

— Почему так?

— Все вместе мы, потому не страшно. Раньше дураки были, бедный аул на бедный аул ходил. Теперь Бетал Калмыков кабардинцев ведет — на богатых. Саша Гегечкори грузин ведет — на богатых. В Грозном русский Николай Гикало сражается — тоже против богатых.

За разговором незаметно время летит. Вот уже и станица. Первым делом спросили:

— Орджоникидзе здесь?

— В Грозном.

— Опять?!

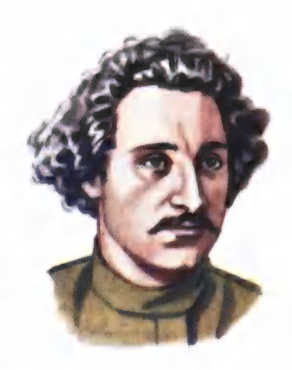
Асланбек снова загорячился:

— Не понимаю! Шакро, скажи мне: Орджоникидзе — кто? Чрезвычайный комиссар Юга России, да? Или, может быть, он простой разведчик? Меня послать не мог? Тебя послать не мог?

— Вы друг на друга похожи, — улыбнулся Шакро. — Горячие оба! Я тебе секрет открою: Серго все любит своими глазами видеть. Всегда в разведку сам ходит. «Столицу» Бичерахова Моздок знаешь? И туда ходил. Железнодорожную тужурку надел. Дрезину достал. Взял с собою Дзусова с Фролковым — и поехали. Патруль останавливает: «Кто такие?» — «Дорожные мастера, — говорит. — На документ, читай». Другой патруль останавливает: «Кто такие?» — «Дорожные мастера». В Моздоке друзей нашел, большевиков-подпольщиков, все узнал, что надо, и вернулся. Во Владикавказ тоже в разведку ходил. Сатиновую рубашку нашел, брюки, шляпу нашу белую, даже шевелюру свою постриг — прямо к Тереку пошел. У моста бичераховцы винтовки с плеч сняли. «Стой! — говорят. — Кто такой?» — «Фельдшер я, — объясняет. — Записку мне прислали, раненых у вас много, помочь надо». — «Проходи!» Вот теперь в Грозный пошел.

Над городом Грозным висели черные дымы. Третий месяц не смолкал бой. Пушки белогвардейцев-бичераховцев били прямо по нефтяным вышкам. Текла по улицам черная жижа сырой нефти, заливала окопы.

Трудно приходилось рабочим-нефтяникам. Не так уж много их было. А белых казаков — более десяти тысяч. Кольцами окружили они Грозный — не проскочить, не вырваться! Но рабочие не сдавались. Сто дней и сто ночей гремело сражение.

ОРДЖОНИКИДЗЕ
Георгий Константинович

Член Коммунистической партии с 1903 года. Участник революции 1905—1907 годов на Кавказе. В 1912 году — член ЦК РСДРП. Участник Октябрьской революции в Петрограде. Чрезвычайный комиссар Юга России. Председатель Совета Обороны Северного Кавказа.
Позднее — член ЦК, член Политбюро ЦК КПСС, нарком тяжелой промышленности.

ЛЕВАНДОВСКИЙ
Михаил Карлович

Кадровый офицер первой мировой войны. В 1918 году формирует отряды Красной Армии на Северном Кавказе. Командарм в боях с белогвардейцами на Нижней Волге и Северном Кавказе. Командующий Туркестанским фронтом в борьбе с басмачами. Награжден орденом Красного Знамени России, Красного Знамени Азербайджана, Красного Знамени Таджикистана, позже — орденом Ленина.

Дальним кружным путем пробирался Орджоникидзе в Грозный: через Ингушетию, Чечню, через казачьи станицы. Сто раз могли схватить его бичераховцы! Не сумели. Пробрался он в Грозный. Привел с собой их любимого командира Михаила Левандовского. За спинами белых подтянул к городу красных казаков отряда Дьякова.

Ждали сигнала и конники Асланбека Шерипова. Ждали его отряды ингушей, пришедшие на помощь по первому зову Эрджкинеза.

Ждали.

Сосредоточивались на подступах к Грозному.

А в городе не умолкали бои. Едва соберет Серго командиров обсудить итоги только что отгремевшего боя, обязательно прибежит из какого-нибудь отряда связной: «Белые наступают!» Тут уж не до разговоров. Хватает Орджоникидзе винтовку — и первым туда, где стрельба гремит.

Или тушит пожары.

Или раненых перевязывает. Всем бойцам известно, что чрезвычайный комиссар Юга России был когда-то фельдшером.

Или заберется на бронепоезд «Борец за власть трудового народа» — и в самое пекло!

Однажды в трескотне ружейной перестрелки услышал Серго конский топот. С тыла летели какие-то всадники.

Орджоникидзе уже и винтовку вскинул, когда кто-то сзади крикнул:

— Это наши! Асланбек Шерипов!

Словно вихрь ворвалась чеченская конница в Гранитную улицу.

— Куда он скачет? — насторожился Серго. — Там же пулеметы белых! Остановите его!

— Кого? — откликнулся Левандовский. — Шерипова остановить? Сам черт его не остановит, не то что пулемет.

Пулеметы и впрямь ударили. Но конники круто свернули в боковую улицу и пропали из виду. Всего минут на пятнадцать. Снова появились они уже в тылу у белых. Пулеметы смолкли. Судя по всему, навсегда.

По той же Гранитной улице Асланбек к Орджоникидзе прискакал. Наверное, заметил его, когда на врага летел.

— Ты, конечно, молодец, Шерипов, — протянул ему руку Серго. — Храбрый джигит. Только очень тебя прошу, больше таких атак не делай. Нельзя сломя голову на пули кидаться. А теперь — к вокзалу! Все к вокзалу! — обернулся он к грозненцам. — Возьмем вокзал — к нашим дорогу пробьем!

С другой стороны к Грозному приближалось могучее «ура!» красных казаков Дьякова. Слышалось и «вурро!» ингушей.

Вечером Орджоникидзе уже диктовал радиограмму в Москву:

«После трехмесячной упорной борьбы Грозненская Красная Армия под руководством товарищей Левандовского и Гикало сегодня нанесла контрреволюционным бичераховским офицерским бандам смертельный удар... Миллионы пудов бензина и керосина спасены. Размеры захваченных трофеев выясняются».

...Неунывающий Шакро очень любил свою поговорку: «Вверх-вниз, вверх-вниз». В трудные минуты он вспоминал ее особенно часто. А сейчас было — труднее некуда!..

ГИКАЛО
Николай Федорович

Член Коммунистической партии с июля 1917 года. Весною 1918 года — председатель Грозненского комитета РКП(б) и исполкома Совета. Будучи также командующим вооруженными силами города Грозного, возглавил его стодневную оборону от бичераховцев. В боях с деникинцами командовал Терской повстанческой армией. Военком Терской области и Дагестана.

Потеряв Грозный, Деникин понял, что если не разгромить красных горцев, то не видать ему и Москвы! Нельзя наступать, имея в тылу кипящий котел.

Большие силы собрал генерал, сто тысяч штыков и сабель. Бросил на Владикавказ дивизии генералов Шкуро, Улагая, Геймана, Покровского. Послал с ними английские броневики.

Конечно, Орджоникидзе немедленно прибыл во Владикавказ. Но что можно сделать, если у тебя всего две тысячи бойцов и у каждого по два-три патрона?..

В начале февраля 1919 года белые почти полностью окружили город, перерезали дороги.

Остались только крутые горные тропы в Ингушетию.

Сначала по ним переправили раненых и больных тифом.

Сами ушли последними. В старинную крепость Шамиля — Назрань.

Молча сидел Серго на крутом склоне. Понурив голову, молчал Асланбек Шерипов. И только Шакро говорил:

— Вниз-вверх, вверх-вниз! Ты не волнуйся, Серго. Пожалуйста, не волнуйся! Ты сейчас сидишь и думаешь, что мы идем вниз, что нас побили... Нет, мы идем вверх — в горы! В аулы ингушей. И если мы идем вверх, значит, мы идем к победе.

— Ты прав, Шакро, — поднял голову Орджоникидзе. — Все равно победим мы. Непременно. Но победу нельзя ждать сидя, сложа руки.

Орджоникидзе достал маузер, еще раз убедился, что патронов в нем немного, сказал:

— Есть у меня к тебе просьба, Шакро. Проберись в Тифлис, найди там Камо. Скажи: «Нужны патроны!» Камо обязательно найдет. Он умеет находить. И к тебе, Асланбек, есть у меня просьба. Поезжай в чеченские аулы, собирай бедноту в отряды.

— Прямо сейчас?

— Да, сейчас. Только сначала поговорим со стариками.

Старики уже ждали. Сидели полукругом на разостланных бурках.

Серго сел к ним лицом, сказал невесело:

— Владикавказ пришлось сдать. Белый генерал Шатилов идет в горы. Четвертый день расстреливает он из пушек чеченский аул Гойты. Сейчас нам очень трудно. Но даю вам слово, Советская Россия не оставит нас в беде. Она придет, пришлет нам патроны. И до тех пор пока не придет сюда Красная Армия, я буду с вами.

Ответил старик Сеид:

— Сын мой, Эрджкинез, князь бедных, вождь обездоленных! Говорю сегодня от народа я, говорю потому, что все знают, как знаешь и ты, что я раньше был недоволен Советской властью, не верил ей. Тем ценнее, дороже, тем вернее мое слово сегодня, когда надвигается на всех нас время плохое, — вот почему сегодня от народа говорю я... Много прошло перед нашими глазами разных людей — и своих, и приезжих. Все они говорили, что желают нам добра... Но правды в их словах и делах не было... Пришла Советская власть. Пришел ты, Эрджкинез. Пришел от Ленина со своей правдой. Правда твоя как строгая мать. Ты ничего не сулишь. Ты ничем не балуешь. Ты говоришь: «Берите с боем! Берите в борьбе!..» Не всякому эта правда может быть матерью. Кто слаб духом, кто ждет милости — тот не примет этой правды... Она сурова, правда

твоя, но она, и только она, несет народу счастье... Ты орел с могучими крыльями. Сейчас твои крылья связаны. Но придет время — мы это знаем,— ты расправишь их и снова будешь парить над горами и степью. Мы пойдем за тобой, Эрджкинез!

Старый Сеид едва успел закончить свою речь, как из-за скалы вылетел на коне молодой ингуш, прокричал:

— Белый конница!

Кто-то подал Серго коня:

— Скачи в горы!

Но он не поскакал в горы. Это не важно, что у него не было шашки, — Орджоникидзе выхватил маузер с несколькими патронами и поскакал к скале, за которой скрылся молодой ингуш. В пути обогнал его Асланбек Шерипов, и где-то чуть сзади скакал Шакро.

Белые не ожидали удара с фланга. Их строй рассыпался, потом, изогнувшись дугой, повернул обратно к Владикавказу.

К Орджоникидзе подъехал Асланбек.

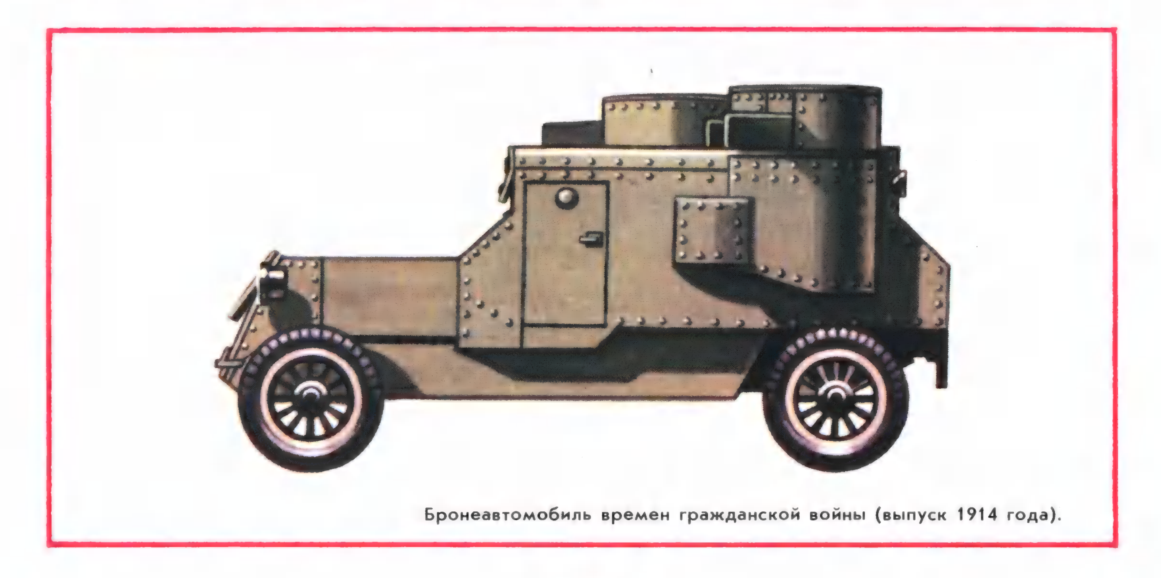
— Не помню, — выдохнул он, придерживая коня, — кто это ругал меня в Грозном? Кто говорил мне: нельзя сломя голову? Что делаешь, Серго? Без шашки, без патронов!..

— Ты прав, — улыбнулся Орджоникидзе. — Но ведь я тоже человек...

Маленькая победа немножко успокоила. Но была она далеко не окончательной. Серго понимал, что скоро сюда придут большие силы белогвардейцев, надо уходить в горы.

И потянулись узкие нитки горных троп. Вверх, вверх...

Высоко, в вечных снегах Хевсурских гор, берет свое начало река Асса и летит, летит вниз к Судже, к Тереку, прыгает с круч стремительными водопадами, гонит белую пену между камнями, шумит. Так быстро бежит Асса, что

Бронеавтомобиль времен гражданской войны (выпуск 1914 года).

даже в самые лютые морозы не замерзает. Как нож режет горы Асса. Потому-то такие узкие ущелья над ее берегами. По тропам в этих ущельях едва может пройти лошадь.

Снег, снег, снег...

Высоко в горы забрался Серго — в Верхний Датых. Не в сакле поселился — в пещере. Когда-то в ней скрывался неуловимый Зелимхан. Войска русского царя искали его по всем горам, и бесстрашный борец за свободу горцев в трудные дни уходил сюда. Только старики-ингуши знали тайну этой пещеры, мимо которой можно было сто раз пройти и не заметить. Они и показали ее другу Эрджкинезу. В пещеру можно было попасть только ползком. Зато внутри ее стоял стол, два стула, на стенах висели войлочные коврики, на полу лежали ковры, сплетенные из камыша.

Не часто спал на этих коврах Орджоникидзе. Скорее его можно было увидеть то в одном, то в другом ауле. Неутомимо сколачивал он отряды красных партизан. Вот только патроны, патроны!.. Их не было.

Апрельским утром разбудила его какая-то возня у входа в пещеру. Серго схватил маузер и тут же услышал:

— Фу, черт! Кто придумал такие двери?!

Орджоникидзе узнал и расхохотался: это могучий Шакро никак не мог пролезть в пещеру, фигура не позволяла. Пришлось вылезать самому.

Друзья обнялись.

— Оружие тебе привез,— сообщил Шакро. — Патроны привез. Камо достал. Получай — и пошли в Тифлис. Камо скучает. Жена твоя Зина скучает. И Жордания пора выгонять.

— Нет, друг дорогой, — качнул головой Орджоникидзе. — За оружие тебе спасибо. А уйти отсюда я пока не могу. В аулах еще много раненых красноармейцев, больных тифом. Они уже поправляются. Скоро возьмут в руки винтовки, которые ты привез. У нас уже много отрядов партизан. Асланбек создал хорошую конницу. Скоро мы обрушимся с гор!

— Вверх-вниз, — покачал плечами Шакро. — Вверх-вниз!..

МОСКВА, КРЕМЛЬ, ЛЕНИНУ.

14 НОЯБРЯ, ГОРОД ГРОЗНЫЙ.

СЕГОДНЯ УТРОМ ИЗ ВЛАДИКАВКАЗА В ГРОЗНЫЙ ПРИБЫЛ НАШ БРОНИРОВАННЫЙ ПОЕЗД. БЫЛО ВЗЯТО НАМИ ДЕВЯТЬ ОРУДИЙ, ДВА БРОНИРОВАННЫХ ПОЕЗДА, БРОНИРОВАННЫЙ АВТОМОБИЛЬ... СТАРЫЕ ПРОМЫСЛЫ В ГРОЗНОМ НАМИ ЗАНЯТЫ. ПРИСТУПАЕМ К ТУШЕНИЮ ПОЖАРОВ НА НОВЫХ ПРОМЫСЛАХ И К ОРГАНИЗАЦИИ ДОБЫЧИ НЕФТИ.

ОРДЖОНИКИДЗЕ.

КОМАНДАРМ

В мае 1970 года в Москве проходил XVI съезд комсомола. Когда в зале появились члены президиума, по рядам прошелестело: «Буденный!.. Буденный!..»

Прославленный маршал, трижды Герой Советского Союза сел, отыскал глазами внесенное в зал знамя 1-й Конной армии и долго смотрел на него. Знамя держал дважды Герой Советского Союза, Герой ЧССР генерал армии Дмитрий Данилович Лелюшенко. Вполне возможно, что вспомнились в те минуты Семену Михайловичу и другие полководцы, державшие это знамя в своих руках, его боевые соратники: Ока Иванович Городовиков, Ефим Афанасьевич Щаденко, Тимошенко Семен Константинович, комиссар дивизии Павел Васильевич Бахтуров... Сколько с этим знаменем связано! Сколько пройдено! Армии скольких белых генералов разгромлены с ним!.. Каледина с ним били. Краснова били. Мамонтова, Шкуро, Деникина, пана Пилсудского, барона Врангеля, бандита Махно!..

Семен Михайлович даже рукой к шашке потянулся, что на коленях лежала. И тут ему слово предоставили. С шашкой на трибуну и вышел.

«Дорогие товарищи! — сказал. — С этой шашкой я защищал наше Советское государство, а теперь передаю ее вам как эстафету старшего поколения младшему. И разрешите пожелать вам больших успехов в дальнейшем развитии нашей революции, в умножении побед нашей Родины. Храните боевые традиции, несите их вперед и вперед!»

...О славной 1-й Конной десятки книг написаны, песни о ней поют.

А начиналась она с горстки храбрецов...

Осенью по донским станицам обычно гармошки звенят, свадьбы играются — чего и не повеселиться, коли урожай в закрома засыпан! В том же, 1917 году станица Платовская притихла, словно притаилась. Больно уж непонятное происходило вокруг. В стране власть Советов, а генерал Краснов на Дону свое «войсковое правительство» объявил. Бегут к нему на Дон царские генералы, офицеры. Из-за моря какая-то Антанта плывет — иностранные интервенты...

В ноябре вернулся в родную станицу старший унтер-офицер Семен Буденный. Четыре Георгиевских креста на груди привез, четыре медали. И еще... Декрет, подписанный Лениным. О земле, о воле. В тот же день собрал он у себя дома сходку, пригласил друзей верных: урядника калмыка Оку Городовикова, подпрапорщика Никифорова, братьев Сорокиных, начальника почты Лобикова, соседа Филиппа Новикова, фронтовиков Долгополова и Сердечного. Первонаперво речь о земле зашла. Не было для крестьянина ничего на свете дороже земли. Сколько лет мыкались на ней безземельные, перепахивая чужие поля, сколько пота пролили, работая на богатеев!.. А тут — вот он, лежит на столе

БУДЕННЫЙ
Семен Михайлович

Участник первой мировой войны, унтер-офицер. Член Коммунистической партии с 1919 года. Командир конного отряда, полка, комбриг, командир корпуса, командующий 1-й Конной армией.
Маршал Советского Союза.
Трижды Герой Советского Союза.

ленинский декрет! Печатными буквами написано в нем: земля отныне принадлежит тем, кто на ней трудится.

— Не отдадут, — вздохнул Степан Долгополов.

— Сами возьмем, — ответил Буденный. — Создадим в станице Совет, как в Петрограде, в Москве. Выберем в него честных, достойных, Совет по справедливости землю поделит.

В воскресное утро 12 января 1918 года ударил в Платовской набатный колокол, собрал народ. И хотя не жалели глоток местные богатеи, собрание пошло за Буденным. Долгополов с Лобиковым скинули со стены вывеску с царским орлом: «Станичное правление» — прикрепили красное полотнище с белыми буквами: «Станичный Совет рабоче-крестьянских, казачьих и солдатских депутатов». Одной из первых в Сальских степях стала Платовская красной станицей. В окружной станице Великокняжеской еще казачий атаман правил, а в Платовской уже алый флаг на ветру трепетал.

На нее на первую и удары обрушились.

Не случайно сбегались на Дон белые офицеры, знали, что собирают там генералы большое войско, готовятся идти походом против большевиков. Генералы Краснов и Алексеев повели свои дивизии на Кубань, походный атаман войска Донского Попов двинулся в Сальские степи.

Донеслись до станицы Платовской пушечные раскаты. Перешел реку Маныч генерал Гнилорыбов. Привел с собой пехоты семьсот штыков, конницы поболе сотни сабель. Ударил по отряду Никифорова — заставил его отступить. Захватили белые казаки Платовскую.

Буденный в ту пору был на хуторе Козюрине. Прискакал к нему брат Денис:

— Семен, отца арестовали! Корнея Новикова тоже. Еще многих. Долгополова с Лобиковым живыми сожгли. Остальных в Куцей Балке утром расстреливать будут.

Конечно, отбить своих надо, да сил-то — чуть...

Крикнул Семен Буденный тех, что поблизости оказались. Так и пошли они в первый бой за власть Советов всемером: братья Буденные, Филипп Новиков, Федор Морозов, Николай Баранников, Федор Прасолов да Петр Батеенко. У каждого по винтовке да по четыре патрона. Клинки еще. У Семена Буденного револьвер да шашка.

Сквозь моросящий дождь по глубокой балке подобрались к станице.

— Главное — шума не поднимать, — предупредил Буденный. — Мы с Новиковым подберемся к правлению, снимем часовых. Вы помалкивайте, пока я фонарь над крыльцом не разобью. Тогда уж — всей гурьбой!..

Станица спала. Похрапывали в казармах белые солдаты. Возле правления стояли молчаливо две пушки. Пушкари прямо на лафетах спали. Над крыльцом раскачивался на ветру керосиновый фонарь.

Неожиданно дверь правления распахнулась. Пинками да плетками вытолкнули из нее солдаты несколько человек со связанными руками.

— Гони эту сволочь к Куцей Балке! — прохрипел офицер.

Звонко ударил по фонарю камень. Выскочили из засады буденновцы, обрушили клинки на головы белогвардейцев.

Разорвал тишину громкий голос:

— Станичники, бей их! Я — Буденный! За мной!

Вихрем ворвались в казачьи казармы. Мгновенно захватили стоящие в пирамидах винтовки, сложенные шашки.

Белые казаки и проснуться еще не успели, как услышали:

— Встать! Выходи строиться!

Только лишь атаману Аливанову удалось тогда удрать по огородам.

С того ночного боя потянулись к Буденному трудовые казаки.

Пришел к нему сын бедняка Гриша Пивнев:

— Семен Михайлович, возьмите меня в кавалерию!

— В кавалерию, значит, — нахмурился Буденный, озадаченный невеликим возрастом Гриши. — Без коня? Без шашки? Не возьму.

И трех дней не прошло — Гриша явился снова. С конем уже. При полном вооружении.

— Готов в кавалерию, — докладывает.

Семена Михайловича порадовала расторопность паренька, но все же возразил.

— Коня вижу, — говорит, — шашку вижу. А ведь рубить-то ею ты не умеешь.

— Семен Михайлович, — улыбается Пивнев, — так я ведь когда-то и кашу есть не умел. Вот увидите: выучусь.

Не соврал Пивнев — выучился. Стал командиром эскадрона, а там и командиром полка.

Присоединился к Буденному краснопартизанский отряд Думенко.

Не хватало коней — отбирали у бывших помещиков, коннозаводчиков. Винтовок не хватало, шашек — у белогвардейцев в боях добывали.

Весною 1919 года Буденный командовал уже полком. Вскоре полк вырос в конный корпус, а 17 ноября стал Семен Михайлович Буденный командармом 1-й Конной армии.

Сколько пройдено конармейцами дорог — и сосчитать трудно! Их версты отмечены кровопролитными боями, тяжелыми победами, лихими атаками, а то и просто воинской смекалкой, находчивостью.

Есть, к примеру, в истории 1-й Конной такой эпизод...

Шел ноябрь 1919 года. Громя конницу белого генерала Мамонтова, буденновцы наступали на Касторную.

Ранние морозы завернули круто. Пурга мела с такой силой, что у впереди идущего коня и хвоста не видно. Белогвардейцы боялись нос на улицу высунуть. А наши шли. Продиралась сквозь снежную круговерть 4-я кавдивизия Оки Городовикова. Ехал вместе с ней и Буденный.

Пользуясь пургой да темнотой, подобрались к станции Суковкино. И впрямь как снег на голову свалились на беляков. Мигом захватили оперативный пункт штаба генерала Постовского, за шиворот вытащили из-за работающего телеграфного аппарата белого офицера. Заикаясь от страха, доложил он, что в Касторной держат круговую оборону свыше пяти тысяч белогвардейцев, есть у генерала Постовского четыре бронепоезда и даже четыре танка.

Телеграфный аппарат продолжал стучать. Разматывалась катушка белой бумажной ленты, покрывалась точками и тире.

— Соедините меня со штабом генерала Постовского, — приказал Буденный белому офицеру. — Вызовите дежурного по штабу.

Офицер послушно застучал телеграфным ключом. Минут через десять доложил:

— Дежурный у аппарата.

— Передавайте, — ответил Буденный. — «Несмотря на метель, разъезды противника проникают к станции Горшечная, пересекли железную дорогу севернее и южнее Суковкино. Для прикрытия оперативного пункта прошу срочно выслать бронепоезд». Спросите заодно уж, нет ли у них данных о противнике.

Снова закрутилась катушка с бумажной лентой. Дежурный по штабу сообщал, что бронепоезд будет немедленно выслан. Что же касается противника, то захвачен приказ Буденного о наступлении, но скорее всего это просто хитрость: наступление в такую погоду маловероятно.

Семен Михайлович довольно руки потер. Улыбнулся Городовикову:

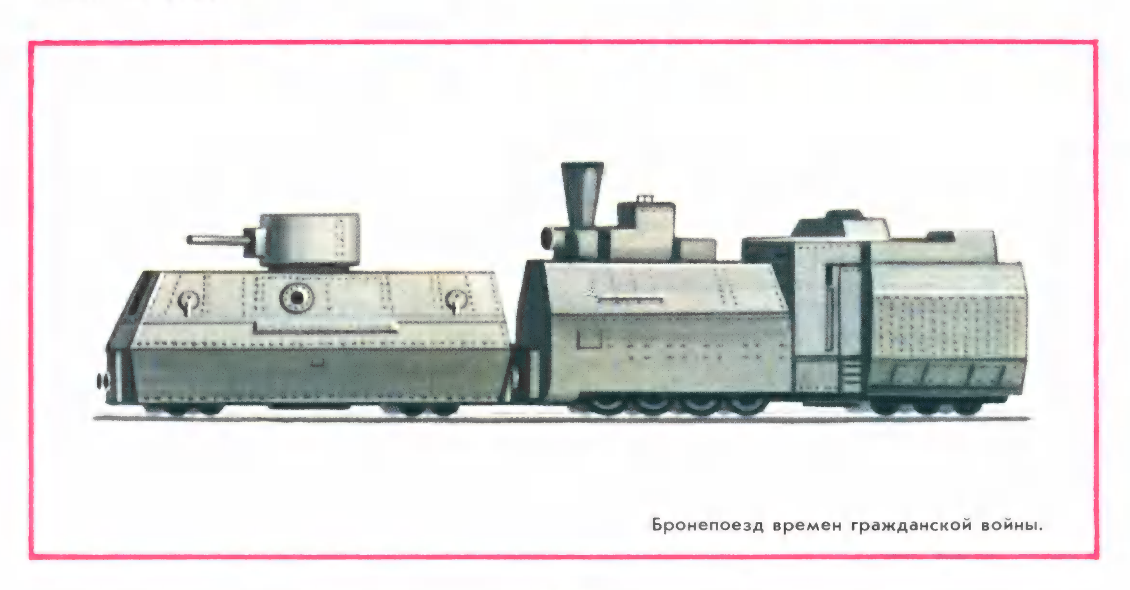
— Ну, что ж, Ока Иванович, давай к встрече готовиться. Мы с тобою оба в бурках, нас от беляков не отличишь, для маскировки поставим еще на платформу этих вон, — кивнул Семен Михайлович на захваченных в плен офицера и жандарма. — А бойцам укрыться по обе стороны полотна железной дороги.

На всех парах подкатил к платформе белогвардейский бронепоезд. Выглянул из его дверей командир. Увидел высокого усатого человека в бурке — принял его за Мамонтова. Тут же на платформу соскочил, вытянулся по команде «смирно», докладывает:

— Господин генерал, бронепоезд «Слава офицерам» прибыл в ваше распоряжение.

— Пригласите команду на перрон, — отвечает Буденный. — А сами пройдемте со мной.

В вокзале офицерика быстро обезоружили. Буденновцы тем временем бронепоезд захватили. К радости наших артиллеристов, в нем оказался большой запас снарядов.

Бронепоезд времен гражданской войны.

Не успели раздать их пушкарям, вбегает связной, докладывает:

— Еще едут!

И впрямь едут. У платформы остановился эшелон из четырнадцати вагонов. На этот раз прибегнуть к маскировке буденновцы не успели. Бросив состав, его командир задумал удрать на паровозе. Но рельсы за станцией оказались уже разобраны... В эшелоне оказались семь десятков белых офицеров, сорок лошадей и продукты. Офицеров — в плен, продукты — на кухни отправили.

Буденный же тем временем вновь офицера-телеграфиста вызвал.

— Стучи, — приказывает. — Генералу Постовскому. Диктую. «Присланный бронепоезд используется для сопровождения прибывающих эшелонов. Противник проявляет активность со стороны станции Нижнедевицк. Желательно на разъезд Благодатинский выслать еще один бронепоезд».

Связному же говорит:

— А ты, братец, скачи в Третью бригаду к Алтухову. Передай, что теперь его очередь белогвардейский бронепоезд встречать.

К утру связной назад вернулся, доложил, что алтуховцы уже сидят в том бронепоезде и готовы на Касторную двигаться.

15 ноября Касторная была взята. Генерал Постовский убит. Два дня трофеи считали. Насчитали четыре бронепоезда, четыре танка, а еще сто пулеметов, двадцать два орудия, десятки тысяч снарядов, миллион патронов, тысячу лошадей. Около трех тысяч белогвардейцев в плен сдались.

Только вот передышки настоящей не получилось. Три дня прошло — снова приказ: «Вперед!» Некогда отдыхать было. Надо деникинцев дальше гнать да громить. Впереди у 1-й Конной лежало еще немало боевых дорог.

«СЛУШАЛИ:

О подарке рабочим Москвы, Петербурга и Тулы ко дню 3-й годовщины Пролетарской революции от Первой Конной армии.

ПОСТАНОВИЛИ:

Составить маршрутный поезд в 25 вагонов с продовольствием для рабочих Москвы, Петербурга и Тулы ко дню 3-й годовщины Пролетарской революции в подарок от бойцов Первой Конной...

Реввоенсовет: Ворошилов, Буденный».

В СТЕПИ

Мотор ревел так, что в его металлическом визге тонула пулеметная трескотня. Липкая черная жижа далеко улетала из-под колес.

Но броневик не двигался. Топкая канава словно засасывала его. Колеса крутились вхолостую, и мотор надрывался напрасно.

Машину толкали руками, плечами, раскачивали из стороны в сторону. Все было зря. А вскоре стало и невозможным. Белые казаки подошли уже так близко, что могли прицельно уложить каждого.

— В машину! — коротко приказал начдив Киквидзе.

Захлопнулись дверцы. Пулемет с башни послал несколько очередей и замолк.

Доценко выключил мотор, и сразу стало слышно, как цокают пули, отскакивая от брони.

— Влипли, — заметил немногословный Железняков.

— Похоже, — откликнулся Доценко.

КИКВИДЗЕ
Василий Исидорович

Участник первой мировой войны.
В 1917—1918 годах — командир Ровенского красногвардейского отряда в боях с контрреволюционными войсками украинской Центральной рады и немецкими оккупантами. Затем — начдив. В 1919 году смертельно ранен в бою у хутора Зубрилов (ныне поселок Киквидзе Волгоградской области).

— Бывало и похуже, — спокойно отозвался Киквидзе. — В феврале семнадцатого я в одиночке сидел. В камере смертников. Утром должны были повесить, а ночью телеграф: царя скинули.

Доценко и Железняков примолкли, успокоившись. Крепко верили они своему начдиву, его беспримерной храбрости, его находчивости. Давно ли Доценко вместе с ним в гости к белякам ездил? Поди, месяца не прошло.

...Тогда наши разведчики перехватили белого курьера. С важнейшим секретным пакетом. Сообщалось в нем, что к белоказакам, недавно сдавшим донскую станицу Преображенскую, едет офицер. Не просто офицер, а грузинский князь. Посланный самим генералом Красновым! Дескать, будете ответ держать: почему станицу какому-то Киквидзе сдали?!

Прочитал начдив депешу, говорит Доценко:

— Заправь машину, дорогой. Поедем.

Подал Доценко машину к штабу — чуть не ахнул!.. Вместо начдива выходит к нему золотопогонник с Георгиевскими крестами на груди. Сел в машину, говорит спокойно:

— Поехали. Звездочку с фуражки сними.

Так прямо к белым казакам и прикатили. Киквидзе ихнему полковнику документы предъявил. Тот увидел подпись генерала Краснова — в струнку вытянулся. А Киквидзе вежливо так говорит:

— Очень сожалею, господин полковник, но мне приказано вас арестовать и препроводить к генералу. Вам предстоит дать ответ в связи с невыполнением приказа и сдачей станицы Преображенской противнику. Захватите штабные документы.

Полковник от страха дрожит весь, а Киквидзе спокойно ему подсказывает:

— Все документы. Секретную переписку, коды, шифры, списки об оружии, конском и людском составе...

Все выложил на стол перепуганный полковник.

— А теперь прошу в мою машину, — так же любезно говорит Киквидзе.

Сели и поехали. Белые казачьи заставы миновали. К себе повернули. Полковник еще сильнее забеспокоился. Головой вертит. В темноту, прищурившись, вглядывается...

— Князь, туда нельзя! — говорит. — Там Киквидзе!

— Успокойтесь, — отвечает начдив. — Киквидзе гораздо ближе. Я — Киквидзе.

...Уж не с теми ли казаками снова встретиться довелось? Те, поди, очень на них злы. Не простят им украденного полковника.

Только рядом с таким начдивом сидеть не страшно. Сам-то он ничего не боится! Не было еще такого боя, в котором бы Василия Исидоровича не видели впереди. Сколько под ним лошадей убили? С десяток-то будет!.. Да и самому доставалось. То рука на перевязи, то черная голова в бинтах белых, то в ногу пуля ужалит — хромает. Тринадцать ранений! И ни разу в госпиталь не пошел. Бойцы его даже спросили как-то:

— Товарищ начдив, вы заговоренный, что ли?

— Зачем заговоренный? — улыбнулся Киквидзе. — Дед у меня кузнецом был, Виссарион Рухадзе. А кузнецы — люди крепкие! С огнем дело имеют, с металлом.

Кожанка на начдиве всегда ладно сидит, белая папаха набекрень, но не сваливается. Хоть и весь он в бинтах порою, все равно всегда подтянутый, стройный.

...Белоказаки ближе подобрались: пули зацокали чаще и злее.

— За наградой спешат, — съязвил Доценко, и все его поняли. За голову «красного бандита» Киквидзе генерал Краснов обещал двадцать пять тысяч рублей золотом.

Железняков снова взялся за ручки пулемета, дал очередь.

— Стреляй пореже, — прокричал ему в самое ухо начдив. — Сейчас выберемся. Дай еще две-три очереди — и все.

Пулемет на броневике и впрямь замолчал.

А белоказаки уже совсем рядом. Молчит броневик. Даже револьверных выстрелов не раздается.

— Сожгут, поди. Солому притащат, костер устроят, — прошептал Доценко.

— А вознаграждение как же? — откликнулся начдив. — Да и броневики не каждый день в плен берут.

Казаки тем временем окончательно убедились: кончились на броневике патроны, получился из него железный ящик. С комиссарской начинкой.

В стенки прикладами застучали:

— Эй, краснопузики, вылазь!

— Дождь собирается, — прокричал им в ответ Доценко. — Под крышей нам сподручнее.

— И докель сидеть будете? — спросил другой голос.

— Не долго. Сейчас наши должны подойти.

Казаки перестали стучать прикладами. О чем-то меж собой заспорили. В смотровые щели было видно, как трое из них побежали к балке. Вернулись, ведя десяток лошадей.

— Правильно поступают, — одобрил их действия Киквидзе. — Сейчас привяжут нас веревками, впрягут лошадей — и поехали!

Угадал начдив. Под машиной зашуршали, заелозили на животах. Веревки к коням протянулись.

ЖЕЛЕЗНЯКОВ
Анатолий Григорьевич

Балтийский матрос. Участник штурма Зимнего дворца. Будучи начальником караула в Таврическом дворце, по приказу Советского правительства распустил Учредительное собрание. В 1918 году — председатель Революционного штаба Дунайской флотилии, командир Еланского полка в дивизии В. Киквидзе. С мая 1919 года — командир бронепоезда. Погиб в бою у станции Верховцево в 1919 году.

Броневик вздрогнул, покачнулся раз-другой с боку на бок, с улицы сразу донеслось:

— Пошел! Давай погоняй!

Киквидзе руку на плечо Доценко положил. Тот поудобнее в водительском кресле устроился. Железняков новую ленту в пулемет вставил.

Качнуло броневик. Тряхнуло броневик. Вылез он из проклятой канавы. Почувствовал под колесами твердую дорогу.

Начдив легонько сжал плечо Доценко, сказал тихо:

— Будь любезен, включай.

Взревел мотор.

Шарахнула с башни пулеметная очередь.

Кони, порвав веревки, в галоп пустились.

А броневик — в степь, к своим.

ВСЕМ ОРГАНИЗАЦИЯМ РОССИЙСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ

Центральный комитет Российского коммунистического союза молодежи принял постановление о введении обязательного военного обучения для всех членов союза. Пояснять много это постановление не приходится. Всякий молодой рабочий, крестьянин понимает, что он сейчас должен уметь владеть оружием. Кроме внешних врагов, внутри республики каждую минуту поднимают головы различные контрреволюционеры, вроде Колчака, Григорьева и др. Рабочее юношество должно быть готово в любую минуту стать на защиту революции.

Постановление Центрального комитета должно быть немедленно проведено в жизнь во всех организациях союза. Надо бросить спячку и развинченность, если они еще есть, и приняться энергично за работу. Чем скорее, тем лучше для революции...

Центральный комитет РКСМ

МОСКВА, КРЕМЛЬ, ЛЕНИНУ.

25 НОЯБРЯ КОРАБЛИ АНГЛО-ФРАНЦУЗСКОЙ ЭСКАДРЫ ВТОРГЛИСЬ В СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ПОРТ...

27 НОЯБРЯ В ОДЕССУ ВОШЛА АНГЛО-ФРАНЦУЗСКАЯ ЭСКАДРА...

9 ДЕКАБРЯ КОРАБЛИ АНГЛИЙСКОЙ ЭСКАДРЫ ЗАХВАТИЛИ ЛИБАВСКИЙ ПОРТ...

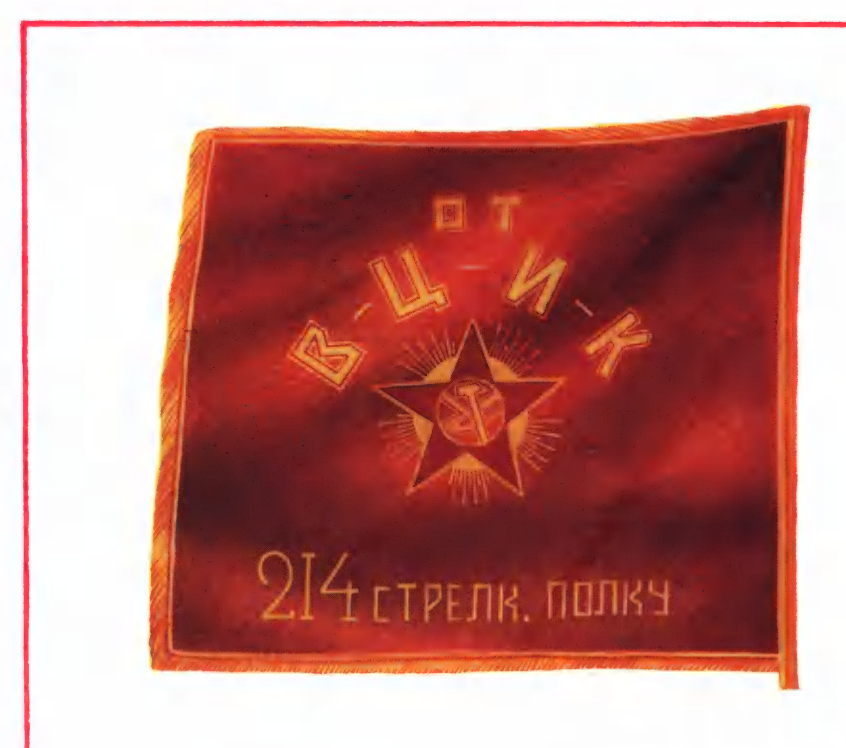

12 ДЕКАБРЯ В РЕВЕЛЬСКОМ ПОРТУ АНГЛИЙСКИЕ КОРАБЛИ...

18 ДЕКАБРЯ АНГЛИЧАНЕ ВЫСАЖИВАЮТСЯ В РИЖСКОМ ПОРТУ...

23 ДЕКАБРЯ АНГЛИЙСКИЕ ИНТЕРВЕНТЫ РАЗГРУЖАЮТСЯ В БАТУМИ...

25 ДЕКАБРЯ В ТИФЛИС ВСТУПИЛИ ВОЙСКА АНГЛИЧАН...

Почетное революционное Красное знамя ВЦИК.

1919

Вперед заре навстречу,
Товарищи в борьбе!
Штыками и картечью
Проложим путь себе!

АНГЛО-АМЕРИКАНО-ФРАНЦУЗСКИЕ ИНТЕРВЕНТЫ И БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ
БЕЛОЕ
АРХАНГЕЛЬСК
ОНЕГА
СЕВ. ДВИНА
ЛАДОЖСКОЕ ОЗ.
ОНЕЖСКОЕ ОЗ.
ПЕТРОЗАВОДСК
СЕВЕРНЫЙ ФРОНТ
КРОНШТАДТ
ПЕТРОГРАД
НАРВА
ЧУДСКОЕ ОЗ.
БЕЛОЕ ОЗ.
ВОЛОГДА
РИГА
ПСКОВ
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ
ЗАП. ДВИНА
ТВЕРЬ
МОСКВА
ПЕРМЬ
ЕКАТЕРИНБУРГ
КАМА
ВОЛГА
КАЗАНЬ
ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ
МИНСК
ОРША
ДНЕПР
БЕЛОЧЕХОСЛОВАКИ
УФА
СИМБИРСК
ОКА
ДОН
ОРЕЛ
ДЕСНА
УКРАИНСКИЙ ФРОНТ
САМАРА
ЧЕРНИГОВ
ЧАСТИ МЯТЕЖНОГО ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КОРПУСА И БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ
РОВНО
КУРСК
ВОРОНЕЖ
ЮЖНЫЙ ФРОНТ
ОРЕНБУРГ
ОРСК
КИЕВ
ГЕРМАНО-АВСТРИЙСКИЕ ИНТЕРВЕНТЫ
БЕЛОКАЗАЧЬЯ АРМИЯ КРАСНОВА
ХАРЬКОВ
АКТЮБИНСК
ПОЛТАВА
ВЕШЕНСКАЯ
БЕЛОКАЗАКИ
ЦАРИЦЫН
КИШИНЕВ
ДНЕПР
ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМИЯ ДЕНИКИНА
АЗОВСКОЕ МОРЕ
АСТРАХАНЬ
КЕРЧЬ
СЕВАСТОПОЛЬ
СТАВРОПОЛЬ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
СУХУМ
ТИФЛИС
ГЕРМАНО-АНГЛО-ТУРЕЦКИЕ ИНТЕРВЕНТЫ
БАКУ

В КОЛЬЦЕ ФРОНТОВ

Не счесть, не перечесть врагов
Республики Советов!
На кручах волжских берегов
Огнем пылает лето.
Бои грохочут на Дону,
На Мурмане, на Каме...
Война изрезала страну
Окопами-фронтами.
И корабли — идут, идут!..
Спешат из моря в море.
Винтовки новые везут
Белогвардейской своре.
Британский флот...
Японский флот...
Снаряды,
пушки,
грузы...
Америка с востока жмет,
А с юга жмут французы,
Идут петлюровцев войска
По нивам Украины,
Себе кусок исподтишка
Спешат урвать румыны.
Со всех сторон который год —
Нашествия, десанты!
Один поход...
Другой поход...
Идут войска Антанты.
Гром перестрелок.
Стук подков.
Палатки лазаретов.
В кольце фронтов,
В кольце боев
Республика Советов.

Районы действий красных партизан.

Линия фронтов.

Направление ударов Красной Армии.

Районы контрреволюционных мятежей.

Основные направления наступления войск Антанты и белогвардейцев.

НАЧДИВ И КОМИССАР

В Твери удалось достать газеты. Пристроившись возле окна, Солодухин развернул «Правду». Сразу бросился в глаза заголовок: «Пример петроградских рабочих». Статьи Ленина Петр Адрианович всегда старался читать неторопливо. О питерских рабочих Владимир Ильич писал и раньше. Писал с большой верою в их силы, в их преданность делу революции. И теперь пишет о том, сколько им пришлось испытать, перетерпеть всяких лишений...

«И все же мы видим, — говорилось в статье, — что ни малейшего уныния, ни малейшего упадка сил среди питерских рабочих нет. Наоборот. Они закалены. Они нашли новые силы. Они выдвигают свежих борцов. Они превосходно выполняют задачу передового отряда, посылая помощь и поддержку туда, где она более всего требуется».

Перед глазами сразу всплыли события последних дней, красные полотнища лозунгов с белыми буквами: «Все на борьбу с Деникиным!», митинги на заводах, торопливая суета сборов, эшелон за эшелоном... Пять отрядов посылали питерцы на Южный фронт. Самых опытных своих партийцев посылали, работников Советов, самых стойких рабочих. Совсем недавно отстаивал он с ними Петроград от полчищ генерала Юденича, командовал 6-й дивизией, и вот сразу — Южный фронт.

Солодухин, конечно, знал, что Деникин силен. Денег на вооружение его армий Англия с Францией не жалели. О точных цифрах Петр Адрианович, разумеется, не ведал. Известны они стали только спустя много лет. Английский премьер Черчилль проговорился о том, что к началу наступления было доставлено Деникину двести пятьдесят тысяч винтовок, двести орудий, тридцать танков.

А кроме того, около двух тысяч английских офицеров прибыли в белые полки советниками да инструкторами, в штабе Деникина тоже советник засел — засел генерал Пуль.

Солодухин знал другое, главное: грозной лавиной катятся белогвардейские полки к Москве. Они уже захватили Курск, Воронеж и вот совсем недавно — Орел...

«Иностранные радио кричат на весь мир об открытой дороге на Москву, — вернулся к статье Петр Адрианович. — Так хочется капиталистам запугать нас...»

Строчки прыгали в такт постукиванию колес. За окном постепенно темнело, читать становилось труднее, но Солодухин упорно вглядывался в шеренги черных букв. «...Никогда еще не был враг так близко от Москвы. Но для отражения этой опасности, в добавление к прежним силам войска, мы двигаем новые отряды передовых рабочих, способных создать перелом настроения в отступающих частях».

За Тулой колеса под вагонами стали стучать помедленнее. В эшелоне засуетились, готовясь выходить. Стоя возле открытых дверей, Солодухин издали разглядел толпу встречающих, а вглядевшись попристальнее, даже узнал одного из них: Восков!

На сердце стало сразу как-то спокойнее. Семена Воскова он знал хорошо. Еще по Шенкурску. Тогда они встретились впервые.

В такой же трудный час.

Шла зима 1919 года. Был он тогда, Петр Солодухин, командиром бригады 1-й Камышинской дивизии. Дрался на Северной Двине с американцами, канадцами, белогвардейцами. Интервенты шли тогда на Вологду, надеясь соединиться с войсками адмирала Колчака. Небольшой город Шенкурск они превратили в свой опорный пункт, опоясали его тройной линией окопов, понастроили блокгаузов с пулеметными гнездами, отгородились от леса рядами колючей проволоки.

Наступать на Шенкурск командование нашей 6-й армии решило тремя колоннами, с трех сторон. Самая трудная дорога выпала ему, Солодухину. Через непроходимые леса. По глубокому снегу. И мороз еще такой, что и старожилы тех мест удивлялись: под сорок градусов.

Одно было хорошо: уж с этой-то стороны белогвардейцы никак не могли ожидать красных! Леса с незамерзающими болотами, бездорожье, снега, в которых человек во весь рост проваливается, — поди сунься! А солодухинцы пошли. Из толстых бревен связали волокушу — с выдвинутым вперед острым углом. Приладили к бревнам днище из толстых досок. Впрягли лошадей и — вперед! По брюхо проваливаются лошади, но тянут. Волокуша острым носом своим, словно плуг, режет снежный наст, разгребает дорогу, добирается до твердого снега. За волокушей можно уже и пулеметы на санках везти, пушку, поставленную на полозья.

Пятеро суток в снегах пробирались. Спали прямо под открытым небом. Нарубят еловых лапок, кинут их на снег — и вся постель. У костров грелись с осторожностью, старались не дымить, не выдавать себя.

С белогвардейцами встретились лишь на шестой день пути, у деревни Кодема. Нагрянули на них неожиданно. Солодухин приказал еще нательное белье поверх полушубков натянуть. В вечернем сумраке бойцы совсем со снегом слились.

Первый бой выиграли по всем статьям. Пленных несколько сотен взяли. Остальные в панике к Шенкурску удрали — там панику поднимать.

Уже у самого города к солодухинцам пополнение прибыло — Петроградский Железный батальон. Солодухину тогда доложили: так, мол, и так, вместе с питерцами прибыл член Реввоенсовета армии Восков.

— Где он?

— В цепи с бойцами лежит...

Солодухину, помнится, это не очень понравилось: как так, его, командира, и не навестил даже? Поскакал искать этого Воскова. Нашел там, где пули свищут.

Шенкурск они уже вместе брали. Ну и драпали тогда американцы вместе с канадцами!

Второй раз он с Восковым встретился под Петроградом.

СОЛОДУХИН
Петр Андрианович

**Участник первой мировой войны.
Член Коммунистической партии с 1918 года.
Начдив и комбриг в годы гражданской войны.
Погиб в бою под Каховкой в 1920 году.**

И снова нашел его в цепи! В бою с войсками генерала Юденича под деревней Бегуницы.

И вот — снова встретились!

— Семен! — спрыгнул на перрон Солодухин. — Ты как здесь? Что делаешь?

— Встречаю командира своей дивизии.

— Не твоей. Нашей Девятой дивизии.

— Все равно здорово!

Принимать дивизию в боевой обстановке всегда непросто. Принимать же дивизию, которая отступает, а порою и просто бежит, еще труднее. Ведь не только остановить ее надо, снова в батальоны да в полки собрать — надо еще заставить бойцов поверить, что не разбиты они, не разгромлены, что они сильнее врага, сами бить его могут и скоро будут!

Правда, кое-что уже успел сделать прибывший в дивизию раньше него Восков. Остановил отступавших в беспорядке бойцов, послал в роты и полки новых, крепких командиров, присоединил к дивизии партизанский кавалерийский отряд Федора Попова.

Дальше они уже работали вместе — начдив и военкомдив, комиссар. И если год назад, в боях с финскими контрреволюционерами, бойцы называли Воскова «скользящим начальником» (за то, что неутомимо, словно на лыжах, «скользил» он с одного решающего участка сражения на другой), то теперь их вместе с Солодухиным прозвали «бескоечниками». Ибо начдив с комиссаром в штабе почти не бывали, жили в полках и бригадах, где и спали урывками на чужих койках.

Дивизия готовилась к контрудару.

«Значит, так, — говорил Солодухин на совещании командиров. — Деникин пригласил генералов Антанты на обед в Москву. Наша задача — навсегда отбить ему аппетит. В Орле. — И, уже переходя на серьезный, деловой тон, сказал: — Дивизия будет наступать на город с севера и северо-востока. Начало наступления — в ночь на девятнадцатое октября».

Деникинцы пытались сорвать это наступление. Они сами пошли в психическую атаку. Во весь рост, плечом к плечу, под барабанный бой шагали корниловские офицеры на прижавшихся к земле бойцов 76-го полка.

— Спокойно! Спокойно! — перебегал от взвода к взводу Восков. — Без команды не стрелять. Подпустим до двухсот метров. Ближе в атаку бежать будет.

Уже можно было различить потные, злые лица корниловцев, когда Солодухин скомандовал:

— Огонь!

Цепь белогвардейцев дрогнула, но не остановилась.

Из-за нее ударила артиллерия. Рассыпала над головами наших бойцов смертоносную шрапнель.

— Вперед! — пронеслось над полем.

И встал 76-й полк. Ощетинился штыками. Пошел навстречу корниловцам.

— Комиссар, опять в цепи? — успел заметить Солодухин.

— Здесь мое место политработы! — успел крикнуть на бегу Восков.

А слева окопы врага уже забрасывал гранатами 80-й полк.

Перескакивая через заграждения, летели на беляков конники Федора Попова. Их передовые эскадроны уже скакали вдоль заборов окраинных улиц.

Восков вошел в город вместе с пехотинцами. Увидев на стене одного из домов синие буквы: «Почта. Телеграф», тут же достал из полевой сумки тетрадный листок и написал телеграмму в Петроград:

«Сообщаю, что частями дивизии взят город Орел. Дивизия приносит глубокую благодарность Питерскому Совету и комитету партии за оказанную помощь мобилизованными коммунистами...»

На железнодорожных путях наткнулись на белогвардейский бронепоезд. Команда его в страхе бежала, и он стоял грозный и молчаливый. «На Москву!» — прочитал на борту бронепоезда Солодухин. И тут же потребовал: «Найти мел! Быстро!»

Потом, не слезая с коня, перечеркнул белогвардейское имя бронепоезда и крупными буквами написал: «Не видать белым Москвы!»

Деникинцы, однако, не собирались сдавать позиций. Перегруппировав свои части, они снова пошли на Орел. Отброшенные, они полезли опять. День за днем не прекращался бой.

«Никогда не было еще таких кровопролитных, ожесточенных боев, как под Орлом, — говорил 24 октября Владимир Ильич Ленин, выступая перед слушателями Свердловского университета, уезжающими на фронт, — где неприятель бросает самые лучшие полки, так называемые «корниловские», где треть состоит из офицеров наиболее контрреволюционных, наиболее обученных, самых бешеных в своей ненависти к рабочим и крестьянам, защищающих прямое восстановление своей собственной помещичьей власти. Вот почему мы имеем основание думать, что теперь приближается решающий момент на Южном фронте».

ВОСКОВ
Семен (Самуил) Петрович

Рабочий. Участник революционного движения с 1905 года.
Член Коммунистической партии с 1917 года. Участник Октябрьской революции в Петрограде. В годы гражданской войны — член РВС армии, военком дивизии.
В 1920 году умер на фронте от тифа.

Надвигалась зима. Все чаще схватывали землю утренние заморозки. Холодные ветры пронизывали до костей. Туго приходилось бойцам 9-й дивизии. Большинство из них были обуты в лапти, шинели почти у всех продраны и прожжены у костров. У некоторых и вовсе шинелей не было — в пиджаках шли, в куртках. Боезапас — снаряды, патроны — вечно был на пределе. Никак не удавалось дивизии получить хоть маленькую передышку. Надо было идти вперед и вперед.

К Малоархангельску вышли в начале ноября.

— А что, друзья, — сказал как-то в 82-м полку Восков, — преподнесем Советской власти к годовщине Октября подарок — возьмем Малоархангельск!

— Неплохо бы! — заулыбались бойцы. — А вы, товарищ военкомдив, Зимний брали?

— Считайте, что брал, — ответил Восков. — Я его штурмовать еще летом начал.

Если точнее — то еще весною. 17 апреля 1917 года приехал он в Сестрорецк. Посылая Воскова туда, Яков Михайлович Свердлов говорил: «Поедете к оружейникам. Постарайтесь стать своим человеком для рабочих. Ну, а то, что оружие для революции крайне необходимо, объяснять вам, наверное, излишне...»

Кое-что о Сестрорецком оружейном заводе Восков узнал уже в пути, в поезде. Отыскал в вагоне старика заводчанина, тот охотно рассказал: «Завод наш

старейший! Еще Петром Первым построен. Шесть тысяч рабочих. До последнего времени слали мы винтовки да пулеметы в царскую армию, теперь больше на склад работаем. Подгоняет Керенский: «Давай-давай!» Война до победного конца нужна ему, окаянному».

Столяры заводу требовались. Хорошие — тем более. Семена Петровича взяли. Делать для винтовок приклады и ложа.

С рабочими Восков сдружился быстро, мгновенно. Ему ли, подпольщику с 1905 года, было не знать их, не понимать. В мае его уже выбрали в районный Совет, а там и председателем завкома.

В июле наступили тревожные дни. В Петрограде юнкера и офицеры Временного правительства расстреляли мирную демонстрацию. По рабочим окраинам шли повальные обыски. Был отдан приказ об аресте Ленина. Со дня на день карателей «временных» можно было ожидать и в Сестрорецке. Кадетские газеты вовсю подняли крик о «заговоре» в «Сестрорецкой республике». Да и без газет было ясно, что сюда, к озеру Разлив, крепкий магнит Керенского притягивает — оружие! Но должно оно попасть совсем не к Керенскому, а к отрядам Красной Гвардии. Надо его до поры до времени скрыть, спрятать. И еще очень надо сберечь людей. Не идти ни на какие провокации. Не дать солдатам и казакам «временных» никаких поводов для арестов, избиений. Люди нужны для будущих боев, их час — еще впереди.

Только вот как, где укрыть тысячи винтовок и пулеметов? Оставить на складах? Увезут. Раздать по домам? Найдут — и начнутся аресты. А если увезти из Сестрорецка? Куда-нибудь на ту сторону озера! И спрятать там. В подвалах генеральской дачи. В бывших полицейских бараках на Угольном острове.

Говорят, там даже пещера какая-то есть...

А людям объяснить: потребуют — несите всякое старье, сдавайте.

Войска «временных» нагрянули в ночь на 11 июля: рота гвардейского Финляндского полка, казачья сотня, даже броневики! И впрямь к сражению готовились! Окружили завод, оцепили клуб. Предъявили ультиматум: всем рабочим немедленно сдать имеющееся оружие.

И рабочие сдали его. Старинные берданки, охотничьи ружья других систем. Невелика оказалась добыча карателей, да что поделаешь — больше нет!

Воскова и еще нескольких заводчан на всякий случай арестовали. Очень он тогда боялся, что сестроречане вступятся за него, уже и чей-то голос услышал: «Братва, бей офицерье!» Нельзя было этого допустить. Как мог успокоил. Не первый раз, мол, в тюрьму садиться. Еще царь Николашка ознакомил его с десятком тюрем. Да и не надолго ведь.

Так оно и вышло. Рабочие Сестрорецкого оружейного выступили с протестом. Керенский вынужден был дать приказ об освобождении арестованных.

А оружие обнаружилось позже — в конце сентября, в октябре уже. Винтовки, пулеметы, патроны неведомо как доставлялись в поселок Лисий Нос, партиями грузились на буксиры и плыли по Финскому заливу к Путиловской верфи. Там уже их распределяли по районам, раздавали красногвардейцам, посылали даже рабочим Урала и Донбасса. Много лет спустя историки подсчитали, что «арсенал революции» Сестрорецкий оружейный завод вооружил более семнадцати тысяч красных бойцов.

Нет, Семен Петрович не бежал с винтовкой в руках по Дворцовой площади к Зимнему дворцу. За пять дней до штурма он был послан в Лугу. Через этот город должны были пройти эшелоны с войсками, вызванными Керенским в поддержку Временного правительства. Восков сделал все, чтобы эти эшелоны к Питеру не прошли.

А в ночь на 25 октября он вместе с красногвардейцами Сестрорецка громил юнкеров, засевших в Инженерном замке, бежал в цепи отряда Александра Никитина рядовым бойцом. Короткими перебежками подобрались они тогда под оружейным огнем к воротам замка, ворвались в двери, взлетели по мраморным лестницам на второй этаж. Юнкера сдались.

Потом он был в Смольном. Не жалея ладоней, хлопал прозвучавшим с трибуны словам Ленина: «Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась!»

Под Орлом Восков и сражался за эту революцию. Теперь уже против Деникина.

Пять часов длился бой за Малоархангельск. Корниловцы дрались зло, патронов и снарядов не жалели. Но все-таки не выдержали, дрогнули, побежали.

Дальше был Курск. Казалось, не только противник, но и зима встала на пути дивизии. Намела снежные заносы на дорогах, старалась прижать метелями бойцов к земле, не давала поднять головы.

У станции Орешково ударную группу встретили два деникинских бронепоезда. Роты залегли под огнем.

— Орудия на прямую наводку! — стараясь перекрыть вой ветра, кричал Солодухин.

Спрыгнул с седла. Вцепился в колесо пушки, завязшей в снегу.

— Раз-два!.. Вперед!.. — Сам встал к панораме прицела.

Восков шел к городу с кавалеристами Попова. Кони выбивались из сил. Утомленные длительным переходом, бойцы засыпали прямо в седлах. Снег слепил, залеплял глаза.

— Семен Петрович, — хрипел ехавший рядом с Восковым Попов, — мы здесь уже проходили. Точно помню — проходили. Вон те две сараюшки снова торчат. Компас, по-видимому, врет.

Восков собрал несколько компасов. Стрелки их показывали полную неразбериху. «Курская магнитная аномалия», — подсказала память из далекого школьного курса.

— Убрать компасы, — приказал он. — Доверимся лошадям.

— Товарищи командиры! — подскакал весь залепленный снегом разведчик. — Слева по дороге идет какая-то колонна. Корниловцы, поди.

— Велика ли колонна?

— С полк будет.

— Давай! — махнул рукой Попову Восков.

Корниловцы не ожидали удара. Пытались отстреливаться, но вскоре начали поднимать руки.

До Курска было уже близко. Казалось, вот-вот и вырвутся полки из метели, нырнут в тихие улицы, прикрытые дощатыми заборами. Но встала на пути железнодорожная насыпь. Хорошо укрепили ее корниловцы. Все поле перед нею прикрыли перекрестным пулеметным огнем.

И раз, и два, и три шли на них в атаку красноармейцы — и всякий раз откатывались, оставляя на снежном поле своих товарищей.

«Посылать бойцов на верную гибель мы не имеем права, — сказал, собрав командиров, Восков. Помолчал. Добавил: — Но и не выполнить приказа тоже не имеем права. В следующую атаку пойдут только добровольцы. Коммунисты — вперед!»

Яростной была эта атака. Карабкались на насыпь и скатывались с нее. Штыками добирались до пулеметных точек. Дрались врукопашную. И все-таки ворвались в тихие улицы Стрелецкой слободы.

Солодухина Восков нашел в каком-то приземистом каменном доме, определенном под штаб дивизии. Начдив писал. Это было уже совсем необычно, за перо Солодухин брался крайне редко. Поставив последнюю точку, протянул листок Воскову:

— Можешь прочесть.

Семен Петрович придвинул поближе керосиновую лампу, стал читать:

«Ходатайствую о непременном награждении комиссара дивизии Воскова за его выдающуюся храбрость... Несмотря на ураганную бурю и мороз, вел части в наступление. Проведя целую ночь в лесах, он сумел личным примером поддержать дух пехоты и конницы и 17 ноября в 10 часов, несмотря на продолжающуюся вьюгу, повести части в атаку на Долгую, преодолеть ожесточенное сопротивление противника, разбить последнего, забрать в плен 200 человек, пулеметы, винтовки, снаряды, инженерное имущество... При всей дальнейшей операции, при двух атаках на Курск товарищ Восков всегда был вдохновителем бойцов и первым вступил в город. Начдив-9 Солодухин».

— Все правильно, — сказал он, закончив чтение, — только вместо моей фамилии поставь «Юрий Грузинский». Погиб комиссар наших конников. Могу и других назвать. Они больше нас с тобой наград достойны.

Орден Красного Знамени РСФСР.
Орден Красного Знамени Азербайджанской ССР.
Орден Красного Знамени Армянской ССР.

А в начале декабря чуть не захватили в плен самого генерала Мамонтова. Устав от непрерывного драпа, решил он дать коням передышку, расположился на отдых в деревне Львовка. Наша разведка на него там и наткнулась. Тихо ушла обратно в метель. Доложила Солодухину.

— Вот незадача! — вскочил с лавки начдив. — У нас и конницы-то нет. Сам их в обход послал.

— Телеги остались, — подсказал Восков.

— Грузи! — тут же откликнулся начдив.

Вереницу телег с нашими батальонами мамонтовцы приняли за свой отставший обоз, подпустили к самой деревне. Дальше была у них одна лишь паника. В одном нижнем белье выскакивали казаки из изб, метались по улице в поисках лошадей, плюхались между грядами по огородам.

Мамонтова разбудил ординарец: «Красные! Спасайтесь!»

Генерал успел лишь хозяйский полушубок схватить — и в окно. Ускакал все-таки. Зато весь его штаб со всеми документами достался солодухинцам.

Дни армии Деникина были уже сочтены. 9-я стрелковая плечом к плечу с 1-й Конной выбила белогвардейцев из Таганрога.

Почти три месяца непрерывных боев, конечно, дали себя знать. Люди не просто устали — не было уже никаких сил шагать, сидеть в седле, даже говорить. А тут еще — сыпняк...

Не сразу разглядел начдив, что с Восковым что-то неладно. Думал, просто вымотался, как все. Но однажды Восков рухнул прямо за столом. Солодухин едва успел его подхватить. Медицина была неумолима: сыпной тиф.

Он лежал в маленькой таганрогской больничке, часто бредил, охваченный жаром.

В ночь на 14 марта 1920 года, когда 9-я дивизия шла уже на Кубань, Восков уснул и не проснулся.

Орден Красного Знамени Грузинской ССР.
Орден Красной Звезды 1-й степени Бухарской НСР.
Военный Красный орден Хорезмской НСР.

А начдива Солодухина звали другие фронты. Командуя 47-й стрелковой дивизией,гнал он белополяков с украинской земли. Возле самой границы страны получил приказ: прибыть в распоряжение Реввоенсовета Юго-Западного фронта.

Новая опасность нависла тогда над молодой Республикой Советов. Выполз из Крыма черный барон Врангель. Антанта хорошо снабдила последнего генерала русской белогвардейщины, прислала ему тысячи новых снарядов, пушки, даже танки доставила из-за моря. Были у черного барона и опытные, может быть самые опытные, выстоявшие, выжившие во всех предыдущих сражениях офицеры. Снова собрались они в полки, в дивизии, в бригады, двинулись в новый поход, вытеснили наши части за Днепр, прорвались на Дон, на Кубань, захватили Донбасс и Александровск (нынешний город Запорожье).

Широк Днепр в своем нижнем течении. Еще Николай Васильевич Гоголь говорил, что не всякая птица решится перелететь через него. Врангель же считал, что Красной Армии и вовсе Днепра не одолеть, не форсировать. Ну, а коли и переплывут на лодках, то как драться, имея за спиной такую реку? Отступать-то некуда. Врангелевский генерал Слащев заявлял, что на это могут решиться только «люди, потерявшие голову». Спокоен был Врангель за свой левый фланг.

Но Красная Армия пошла через Днепр, к Бериславу, где река чуть поуже, всего четыреста метров. Стягивались, смолились рыбачьи лодки, на правом берегу вязались плоты, накапливались бревна для будущего моста.

В ночь на 7 августа 1920 года красноармейцы Латышской дивизии и 15-й дивизии Солодухина тихо, без плеска весел, переправились на левый берег.

Врангелевцы их не ждали. Спокойно пьянствовали офицеры в штабе Слащева. Пулеметы врага ударили с большим опозданием. Тогда уже, когда над левым берегом летело в утренний рассвет лихое «ура!».

Орден Красного Знамени Хорезмской ССР.
Нагрудный знак «Красная гвардия». 1919 год.
Командирский знак об окончании кавалерийской школы. 1919 год.

К полудню белые были выбиты из Большой и Малой Каховки. Бойцы 15-й выгнали их из Корсунского монастыря.

Все свои силы бросил Врангель, чтобы ликвидировать наш плацдарм на левом берегу. Очень тяжело пришлось соседям солодухинцев — бойцам Латышской дивизии. Вздымая тучи коричневой пыли, полетел на них конный корпус старых казаков-фронтовиков. Соседям надо было помочь, не позволить врагу отрезать их от переправы. Начдив-15 бросил туда весь свой резерв, сам поскакал с кавалерийским полком.

Конную лавину белоказаков удалось остановить, но врангелевцы не унимались. Новая их кавалерийская бригада и два офицерских полка ударили в стык между нашими дивизиями.

Где-то над Днепром возле деревни Черненьки есть старая братская могила. Целый полк Латышской дивизии спит в ней вечным сном.

— Беляки прорвались! — подскакал к начдиву-15 ординарец. — Идут на монастырь!

Солодухин тут же вскочил в седло. Прискакав в свой штаб, вбежав на колокольню, взглянув в бинокль, понял: будет жестокий бой. Черной тучей ползла по выжженной солнцем рыжей степи врангелевская пехота, скакали кавалерийские эскадроны, покачиваясь на кочках, двигались броневики.

Своих полков рядом не было... Они дрались далеко на фланге, поддерживая Латышский полк.

Во дворе монастыря выстроились все, кто остался: писари штаба, связные, повара... Восемьдесят человек. Всего восемьдесят. Против нескольких сотен.

Выход был один: продержаться, пока подоспеет подмога.

— Занять оборону под прикрытием батареи! — приказал начдив.

Дивизионная батарея стояла под самыми стенами монастыря. Артиллеристы выкатили орудия на прямую наводку. Уже с первых выстрелов подбили вражеский броневик. Чуть завалившись набок, он перестал рычать мотором, прекратил огонь. Другой броневик повернул обратно. Повернули и казаки.

Но это была только уловка.

Едва Солодухин вскочил на коня, поднял оставшихся бойцов в преследование, сбоку ударил молчавший до того пулемет подбитого броневика. Казаки, перескочив через цепи своей пехоты, остановились.

Пришпоривая коня, Солодухин не заметил, как во фланг его небольшого отряда повернули свои головы пулеметы врага, выставили прямо перед ним стволы винтовок залегшие офицеры. Начдив-15 летел вперед...

Споткнулся на бегу его верный конь, упал замертво. Петр Андрианович успел соскочить, тут же залег за тело коня, начал отстреливаться из нагана.

Жгуче обожгло ногу. Сапог мгновенно наполнился теплом.

Все меньше оставалось в нагане патронов.

И все ближе подползали врангелевцы.

Он уже слышал их крики:

— Сдавайся! Сохраним жизнь!

И тогда Солодухин встал.

— Я коммунист! — крикнул он. — Я красный командир! И белой сволочи в плен не сдаюсь!

Приложив ствол нагана к виску, он нажал спусковой крючок. Но выстрела не было. Барабан нагана оказался пуст.

Солодухин просто упал без чувств от потери крови.

Разъяренные врангелевцы сорвали с его груди орден Красного Знамени, вцепились в золотую шашку.

Всего этого Солодухин уже не слышал: чуть раньше в его голову ударила вражеская пуля...

...Три года спустя комбриг П. Н. Александров, прошедший весь путь 9-й стрелковой дивизии, писал:

«Две колоритные фигуры знала гражданская война, почти легендарных... Солодухин и Восков — это удачное созвездие в Красной Армии: первый с гигантской волей, с яркой самобытной оперативной мыслью, весь заряженный революционным энтузиазмом, и второй — тонкий марксист, глубокий теоретик с исключительным дарованием, страстно преданный делу социализма».

Они и сегодня рядом — начдив и комиссар.

У пламени Вечного огня Марсова поля на розовых плитах гранита выбиты их имена:

СОЛОДУХИН ПЕТР АНДРИАНОВИЧ

ВОСКОВ СЕМЕН ПЕТРОВИЧ

И рядом лежат цветы.

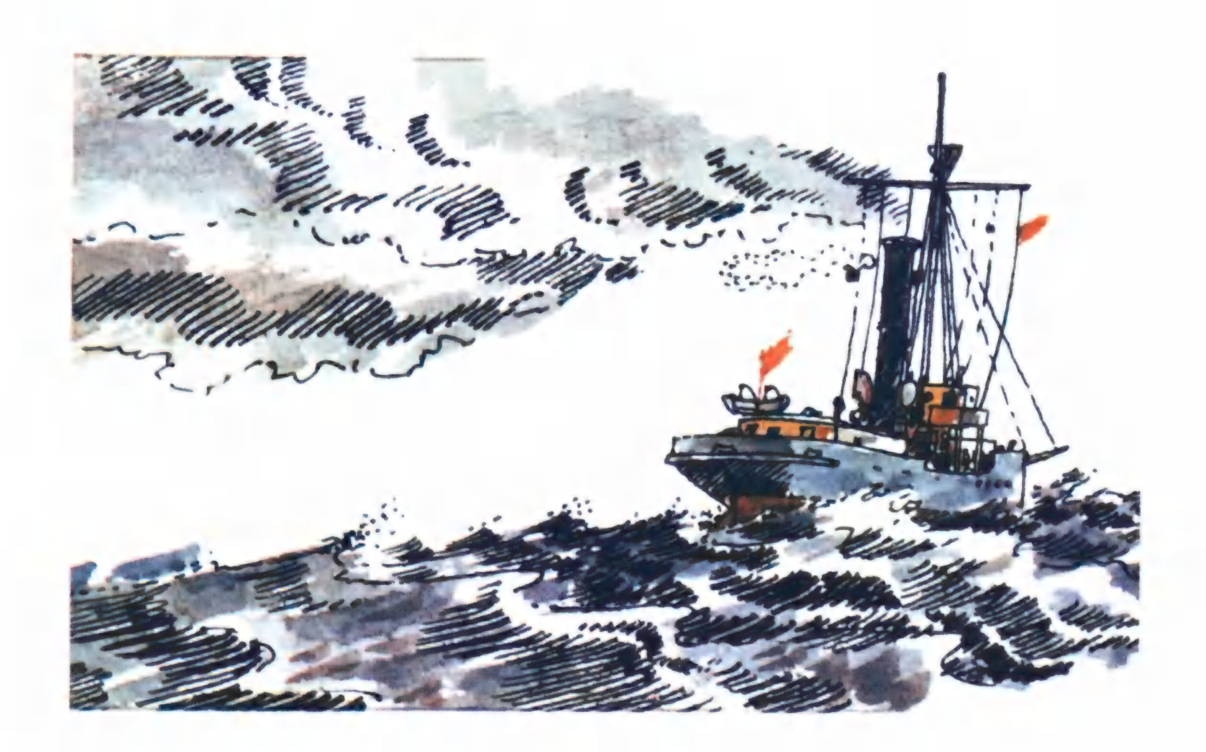
МОСКВА, КРЕМЛЬ, ЛЕНИНУ.

11 ЯНВАРЯ. ПОД ХУТОРОМ ЗУБРИЛОВСКИМ ГЕРОЙСКИ ПОГИБ В БОЮ НАЧДИВ-16 КИКВИДЗЕ...

19 ЯНВАРЯ. ПОСЛЕ СЕМИ АТАК ПЕХОТНЫЕ И КАВАЛЕРИЙСКИЕ ЧАСТИ 2-Й УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ ДИВИЗИИ ВЫБИЛИ ПЕТЛЮРОВЦЕВ ИЗ ПОЛТАВЫ.

22 ЯНВАРЯ. 24-Й ДИВИЗИЕЙ ОСВОБОЖДЕН ОРЕНБУРГ. ВОЙСКА ВОСТОЧНОГО ФРОНТА СОЕДИНИЛИСЬ С ВОЙСКАМИ СОВЕТСКОГО ТУРКЕСТАНА. НАСТУПЛЕНИЕ 1-Й АРМИИ В НАПРАВЛЕНИИ ГОРОДА ОРСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

23 ЯНВАРЯ. ЧАСТЯМИ 25-Й ДИВИЗИИ ГОРОД УРАЛЬСК ОЧИЩЕН ОТ БЕЛОКАЗАКОВ.

КРАСНАЯ АСТРАХАНЬ

Тревожная радиограмма поступила из Владикавказа. Серго Орджоникидзе сообщал в Москву:

«...Нет снарядов и патронов. Нет денег. Шесть месяцев ведем войну, покупая патроны по пяти рублей. Владимир Ильич, сообщая Вам об этом, будьте уверены, что мы все погибнем в неравном бою, но честь своей партии не опозорим бегством».

Красным войскам Северного Кавказа надо было срочно помочь. Послать все необходимое. Вот только как?.. Дорога через Ростов перерезана, там Деникин. Рвется белый генерал к Москве, стремится выйти к Волге. С востока на соединение с ним лезут белогвардейские дивизии адмирала Колчака. Берега Волги огнем полыхают.

Пробиться с эшелонами Ленин поручил Сергею Мироновичу Кирову.

Добрались до Самары, оттуда — к Саратову. Как добирались — и вспомнить страшно. На железнодорожных станциях — ни дров, ни угля! Станет

эшелон у леска, выбегут из него бойцы и ну валить сосны да березы — в топку, в топку! Киров вместе с бойцами бревна по снегу таскает — к паровозу, к паровозу! Дальше едут — завал на путях. Бандиты дорогу перерезали. Тут уж не топор, не пилу — винтовку в руки! Отгонят бандитов — завал тоже в топку!

Добрались до Астрахани. Дальше железнодорожных путей нет. К Северному Кавказу надо добираться через дикую калмыцкую степь. Без дорог. Сквозь ледяные метели.

Оружие, снаряжение погрузили на автомашины. Поползли они по пескам, схваченным лютыми морозами. В кузове одной из машин пулемет установлен. Накрепко к ящикам привязан. Из-за щитка его вглядывается в снежную пелену Киров. Сколько раз его в легковую машину звали — не идет. Только он да еще четверо знают: в ящиках лежат деньги! Пять миллионов рублей. Ох как нужны они подпольщикам Баку, красным партизанам Дагестана, Чечни, Осетии!..

Полпути уже проехали, когда повстречали толпы измученных, изнуренных, израненных людей. Кто в изодранной шинели идет, кто в рваном полушубке, все чуть ли не босиком, все голодные, замерзшие, навстречу идут, в Астрахань. Тяжело, очень тяжело досталось бойцам 11-й армии: беляки несметными тучами со всех сторон, а тут еще — сыпняк. Десятками сыпной тиф бойцов косит. Но ни один в плен не сдался. Из последних сил бредут к Астрахани — передохнуть, подлечиться и снова на врага.

Пришлось и Кирову свои автомобили поворачивать.

Опять к Волге пришли.

Осталось только пересечь ее по льду — и в городе. Первая машина благополучно до берега добралась. Вторую нагрузили потяжелее — и она другого берега достигла.

— Трогай! — постучал Киров по крыше кабины.

Тоже почти до самого левого берега доехали. Но — затрещал лед, черной пастью разинулась полынья. Киров и шофер едва выпрыгнуть успели.

КИРОВ
(Костриков)
Сергей Миронович

Член Коммунистической партии с 1904 года. Участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Один из руководителей борьбы за Советскую власть на Нижней Волге и на Кавказе.
С 1926 года — первый секретарь Ленинградского губкома и Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б). С 1930 года — член Политбюро ЦК КПСС.

Молча стоял Киров на краю полыньи. Нет, не мог он отдать реке деньги, предназначенные для борьбы с контрреволюцией, с белыми генералами, с английскими оккупантами.

— Разыщите водолазов! — приказал.

Рядом с полыньей поставили часовых. Брезентовую палатку натянули. Прибыли водолазы. Первый под лед спустился — нету машины! Второй более часа искал — нету!.. Только на пятый день нашли. Чемодан Кирова на лед подняли, а ящиков с деньгами нет как нет.

Да не может того быть!

Киров бекешу сбросил, к водолазному скафандру шагнул, попросил:

— Помогите-ка надеть.

— Сергей Миронович, — растерялись водолазы, — как же вы?.. Без подготовки-то...

— Ничего, управлюсь. Качайте только!

Спустился. Минут двадцать по дну ходил. Водолазы уже не на шутку перепугались. В зимнюю пору под водой долго не работают! Наконец поднялся. А ящиков нет...

Не один рассвет уже закатом сменился — ищут. Киров со льда не уходит. И не унывает вроде. Даже напевает порой:

> **Эх ты, Волга, мать родная,**
> **Волга русская река,**
> **Получила ты подарок**
> **От терского казака.**

Терским казаком не случайно себя называет. Немало ему на Тереке поработать пришлось, устанавливая там власть Советов.

Только на одиннадцатый день ящики с деньгами были наконец обнаружены. Оказалось, что течением отнесло их вместе с пулеметом далеко в сторону.

Ликовать, однако, было некогда, на Астрахань со всех сторон лезли враги. Белоказачьи сотни колчаковского генерала Толстова жгли уже городские предместья. Едва от них отбились — в самой Астрахани вспыхнул контрреволюционный мятеж. С ним справились — сообщение пришло: восточнее города окружен и прижат к волнам Каспийского моря отряд красных моряков. Там уже и отбиваться нечем, патроны кончаются.

Кинулись к морякам на выручку миноносец «Москвитянин», крейсера «III Интернационал», «Каспий» и «Демосфен». На «Москвитянине» ушел в море и Киров.

На рассвете подошли к окруженным. Сели в шлюпки, нырнули в туман. Тихо, без плеска, заработали весла. Беляки и выстрелить не успели, как все окруженные были уже на кораблях.

Можно было идти в Астрахань, встречать там праздник 1 Мая.

Беляки так и посчитали: красные, дескать, праздновать поплыли! Не могли они ожидать от них в этот день никаких других военных действий.

Этим-то Киров и воспользовался. В открытом море корабли сделали небольшой поворот и взяли курс к полуострову Мангышлак. Стоял на нем форт Александровский. Ничем особо не примечательный. Белых войск там было немного, стратегического значения форт не имел.

Но была на Александровском мощная радиостанция — главный канал связи между белыми генералами. Получала она депеши из Петровска (нынешнего города Махачкала) от Деникина и передавала в Гурьев Колчаку. Ответные — в обратном порядке, из Гурьева в Петровск, с одного берега Каспийского моря на другой.

Захватить эту радиостанцию нужно было внезапно. Так, чтобы беляки и сообщить ничего не успели.

В ночной тишине корабли подошли к Александровскому. Еще не занялся рассвет, а шлюпки с десантом уже ткнулись в прибрежный песок. Без единого выстрела моряки сняли сторожевые посты белых, спокойно вошли в помещение и — руки вверх!

Правда, белый радист оказался матерым волком, наотрез отказался дать ключ шифра. А без него все депеши генеральские — темный лес! Цифры да цифры. Шифровальщика в отряде Кирова не было.

Пришлось ему самому заняться секретом шифра. Заперся он в одной из комнат радиостанции, положил на стол перед собой груды журналов с регистрациями радиограмм, депеши секретные, начал их тайну разгадывать. А время

идет. Из аппаратов новые цифры вперемежку со словами сыплются. Торопиться надо! Чтобы не успели белые заподозрить неладное.

Час прошел, другой, третий...

И все же разгадал Сергей Миронович тайну шифровального ключа! Полетели в Гурьев и Петровск телеграммы: так, мол, и так, неисправность в аппаратах устранена, станция работает нормально.

В ответ с обоих берегов — по депеше. На одной «совершенно секретно» и на другой «совершенно секретно». В каждой — сообщения о ходе боевых действий, передвижении неприятельских войск. Не знали и не ведали генерал с адмиралом, что появился у их депеш и третий адрес: штаб 11-й армии красных.

5 мая Петровск сообщил:

«К адмиралу Колчаку на судне «Лейла» направлена военная делегация во главе с генералом Гришиным-Алмазовым. Ввиду особой важности необходимо встретить судно в море и сопровождать до Гурьева».

«Сопроводим!» — улыбнулся Киров и вышел.

«Лейлу» взяли просто на абордаж. Генерал Гришин-Алмазов застрелился, адъютант его за борт сиганул. Делегация же деникинская, а главное — все документы благополучно прибыли в Астрахань. Был среди документов один сверхважный: детальный план похода всех белых генералов на Москву. А с ним еще и письмо Деникина Колчаку. «Главное, — писал генерал, — не останавливаться на Волге, а бить дальше, на сердце большевиков, на Москву. Я надеюсь встретиться с вами в Саратове... Поляки будут делать свое дело, что же касается Юденича, он готов и не замедлит ударить на Петроград».

Все захваченные документы и письма были срочно доставлены Ленину. Узнав планы врага, молодая Республика Советов смогла своевременно подготовиться к отпору, сорвать замыслы белогвардейщины и интервентов.

А красная Астрахань продолжала сражаться. Била наседавших на нее врагов и формировала новые полки и дивизии. Настал день, и 11-я армия сама перешла в наступление, устремилась к Северному Кавказу.

Киров ушел вместе с нею.

29 марта 1920 года прислал он из Пятигорска телеграмму:

«Красные бойцы 11-й армии шлют свой боевой привет астраханскому пролетариату.

Шествуя победоносно по Северному Кавказу, 11-я армия твердо помнит восемнадцатый год, когда она, усталая, больная, раздетая и голодная, вынуждена была отступать под натиском противника по безмерным астраханским степям в Красную Астрахань, где нашла братский приют астраханского пролетариата. Защищая в течение долгих месяцев Астраханский край от контрреволюционных набегов бандитов, она вынуждена была черпать источники питания и обмундирования за счет астраханского пролетариата.

Ныне мощная 11-я армия отвоевала лучшие источники хлеба и топлива. Астраханский пролетариат скоро увидит в своих краях ставропольский хлеб и грозненскую нефть.

Захваченный у противника бронепоезд «Терек», державший в когтях грозненскую нефть, назван нами «Красная Астрахань».

Да здравствует Рабоче-Крестьянская Советская власть!

Да здравствует пролетариат Красной Астрахани!»

БЬЕТ КРАСНЫЙ НАБАТ!

В полки, рабочие и крестьяне!

Царский генерал, мракобес, душитель рабочих и крестьян Деникин собрал последние силы и ударил на нас.

Мы пошатнулись. Мы отступаем.

Враг захватил у нас угольные копи и железные заводы Донецкого бассейна, он перерезал на юге нашу кормилицу — Волгу, он отнял у нас бахмутскую и славянскую соль и двинулся на хлебородную Украину, чтобы вместе с помещиками собрать урожай с полей, засеянных крестьянами.

Грабитель напал на нас.

К оружию, рабочие и крестьяне!

Дадим отпор зарвавшемуся разбойнику в золотых погонах!

...О наши красные штыки обломались уже сотни тысяч белых штыков. Так неужели не сломится теперь о них генеральско-казацкая нагайка?

Бьет красный набат.

Слышите ли, братья рабочие и крестьяне?

Вас зовет на бой кровь сотен тысяч замученных, повешенных, зарубленных и застреленных русских, украинских, еврейских, латышских, польских и финских пролетариев — ваших братьев.

Отомстите!

Вас зовут на бой слезы ваших жен, детей, матерей и сестер...

Защитите!

Бьет красный набат, и железный звон его разносится по всему миру.

...К оружию, в полки, рабочие и крестьяне!

Стоголовое чудовище душит нас. Девяносто девять голов его мы уже снесли. Осталась одна, последняя. Долой ее! Долой голову Деникина!

Вперед, Красная Армия!

Бьет красный набат.

Политуправление Реввоенсовета Республики. 1919 год

ОЛЕКО ДУНДИЧ

Пылало лето 1918 года.

Медленно двигались по выжженной степи эшелоны. Конники легко обгоняли их, посылая разъезды вперед либо в стороны. Который уже день разведчики докладывали одно и то же: «Немцы».

Всюду были они. Со всех сторон. В любую минуту могли посыпаться на эшелоны снаряды их пушек. А то и бомбы: германские самолеты легко разыскивали медленные эшелоны, низко проносились над ними.

Часто подъезжал к широко распахнутым дверям теплушек командарм Ворошилов, подбадривал стариков да жен донецких шахтеров, луганских металлистов:

— Пробьемся! Мы ведь по своей земле идем, каждый куст, каждая балочка для нас — свои, а для них — чужие.

— Так ведь который уже месяц идем-то, — грустно откликались из теплушек. — Теперь вот и вовсе стоим...

— Впереди пути разобраны, — объяснял Ворошилов. — Восстанавливаем. Потерпите еще немного, скоро в Царицыне будем.

Говорил бодро, но на душе было невесело. Уже больше месяца 5-я армия не имела связи с центром. Где сейчас наши? Держится ли Царицын?.. А тут еще последний эшелон отстал. Правда, там Александр Пархоменко — командир надежный, но сил у него маловато... И с ним тоже никакой связи! Что там с последним эшелоном?..

А эшелон вел бой. Наседали на него немецкие уланы. Сквозь марево пыли все ближе видны были их лакированные каски, сверкали сабли. С крыш наших теплушек гремели пулеметы. С бронеплатформы ухала трехдюймовка, осыпая немцев шрапнелью. Но те лезли и лезли. Все ближе к железной дороге.

— Командир, гляди, еще скачут! — Старый шахтер показывал рукой влево.

Оттуда и впрямь неслись какие-то непонятные всадники в красных рейтузах и таких же пилотках. Не раздумывая врубились они в строй немецких улан.

В бинокль Пархоменко видел, как лихо сверкал саблей командир неожиданной подмоги. Все время был он в самой гуще рубки, и всюду вокруг него валились из седел уланы. Неудержимый всадник перекидывал саблю из правой руки в левую, одновременно стрелял из нагана, конем своим правил только ногами, крутился, вертелся волчком и рубил, рубил!.. Конь под ним рухнул. Но всадник тут же вскочил в седло только что зарубленного им улана и снова — в гущу боя.

Германцы не выдержали, побежали.

Вскоре лихой рубака уже стоял перед Пархоменко.

— Командир Интернационального эскадрона Олеко Дундич, — вскинул он руку к красной пилотке. — Прибыл в ваше распоряжение.

ДУНДИЧ
Томо (Олеко)

Хорват - интернационалист. С октября 1917 года—в Красной Гвардии. Участник обороны Царицына. Боец 1-й Конной армии, помощник командира кавполка. Погиб в бою под Ровно в 1920 году.

— Ну, молодец! — обнял его Пархоменко. — Кто же ты такой будешь?

— Я серб. В моем эскадроне есть еще венгры, хорваты, гуцулы. Третий день вас разыскиваем. Услышали бой — поскакали.

С того боя и месяца не прошло, а имя Олеко Дундича уже знали все: и красные, и беляки; бойцы 1-й Конной и просто крестьяне. В буденновских полках бойцов робкого десятка не было, но даже они частенько удивлялись совершенно отчаянной смелости, лихости Дундича. И еще его находчивости, смекалке.

В Конармии он стал помощником командира полка. Но в полку бывал не всегда, чаще отпрашивался у своего командира Стрепухова или у самого Буденного «в тыл к белякам сбегать» — в разведку, за «языком» либо по другому важному поводу.

Дрались теперь уже не с немцами — с белыми генералами, пришедшими на смену оккупантам.

Однажды посетовал Стрепухов на то, что нет у них в полку артиллерии.

— Хорошо, — тут же откликнулся Дундич. — Привезу пушку.

— Откуда? — поинтересовался комполка.

— У беляков возьму. Вчера в разведку ходил — в балке батарею видел. Две пушки.

— Пушки не сами по себе стоят, — покачал головой Стрепухов, — любую батарею пехота прикрывает.

— Побью.

— Сколько же тебе людей для этого надо?

— Калажвари возьму, Яноша Береная, Шандора... Десять человек надо.

Не ждали, не гадали беляки — услышали топот сотен копыт. Выглянули из балки — катится на них огромное коричневое облако пыли. И не разобрать в нем: то ли пехота идет, то ли всадники скачут? Ударили из пулеметов — не останавливается облако, катится. Открыли огонь из орудий — катится. Совсем уже над балкой нависло. Не выдержали беляки, побежали. Доложили потом генералам своим, что были атакованы превосходящими силами противника, вынуждены были отступить, потеряли орудие...

На самом же деле «атаковало» их овечье да коровье стадо. Правда, большое стадо. Во всю прыть неслось оно, подгоняемое бойцами Дундича.

Выполнил он свое слово, привез в полк пушку. Ее так бойцы и прозвали: трехдюймовка Дундича.

В другой раз он еще более ценный «трофей» доставил.

Ранили беляки Яноша Береная. Серьезно ранили, в живот. Требовалась срочная операция. А тут, как на грех, в лазарете один лишь санитар остался! Фельдшер накануне в бою погиб, врач еще до него получил контузию. Некому делать операцию, спасать Береная.

Грустный сидел Дундич рядом с товарищем. Потом вскочил, выбежал из лазарета, на бегу крикнул ординарцу: «Седлай!» — и поскакали они вдвоем в степь.

Верст двадцать проскакали. Впереди показалось занятое белогвардейцами большое село. Остановились.

— Доставай, юнак, маскировку, — говорит Дундич.

Ординарец мигом из сумки погоны вытащил. Себе — урядника, Дундичу — штабс-капитана.

Дундич тем временем голову себе бинтом замотал. Там у него и впрямь темнел шрам от недавнего сабельного удара.

В село въехали тихим шагом. Никто на них и внимания не обратил. Осмотрелись. Отыскали лазарет. Дундич спешился. Бурку свою ординарцу скинул, на крыльцо поднялся, в двери вошел.

Полнехонек лазарет у беляков! Койки раненых прямо в коридорах стоят. Из отдаленной комнаты разговор слышится. Двух женщин. Дундич пошел на голоса.

Щелкнул в дверях каблуками молодцевато. Две дамочки на него глаза вскинули.

— Штабс-капитан Станко Дарваш, — вежливо поклонился вошедший. — Могу ли я видеть вашего хирурга? — На забинтованную голову показал.

Одна из дамочек поднялась:

— Давайте я вас посмотрю.

— О! Я счастлив! — еще раз поклонился Дундич. — Счастлив и удивлен: такое юное прелестное создание — и уже хирург!

— Да, я делаю операции, — подтвердила докторша.

Дундич сел на табуретку. Дамочка размотала его бинты, оглядела шрам, чем-то его смазала и, словно утешая больного, сообщила:

— Заживает хорошо. Можете больше не носить повязку.

— Нижайше вам благодарны! — поднялся Дундич. — Признаюсь, я рассчитывал встретить здесь врача-мужчину. Даже хороший коньячок приготовил. Но если вы позволите, буду несказанно рад вручить вам французские духи! Я — интендант, мне все доступно. Да и интендантство мое рядом у крыльца стоит. Прошу вас, мой милый доктор!..

Улыбаясь, «милый доктор» вышла на улицу, подошла к лошадям. А дальше и сама не заметила, как оказалась плотно закутанной в необъятной ширины бурку. Дундич ее поперек седла перекинул — и снова в степь!

Беренай был спасен. А «милый доктор» так и осталась в красном полку, не захотела возвращаться к белогвардейцам, хотя Дундич и обещал отпустить ее.

Буденный знал о смелых рейдах Дундича к белякам, ценил его умение перевоплощаться то в белого офицера, то в грузинского князя. Потому и дал ему одно очень ответственное задание.

Было это уже под Воронежем.

Крепко засел в нем белый генерал Шкуро — калачом не выманишь. Шесть казачьих дивизий втянул он в город. Буденновцев было ровно втрое меньше. Да и погода помогала белому генералу: дожди лили не переставая, затопили все низины, размыли дороги. Вязкий чернозем пудовыми гирями прилипал к ногам пехотинцев, вязли копыта коней.

Три дня стояли красные полки в чистом поле, поджидая белого генерала, — не дождались. Шкуро тем временем лютовал в Воронеже. На площади у Круглых рядов установил он виселицы. На них головами вниз висели казненные, замученные революционеры.

Генерал собирался засесть в Воронеже надолго. Потому мобилизовал даже купеческих сынков, чиновников, гимназистов — выгнал их строить вокруг города оборонительные сооружения, нести охрану.

Буденный понимал: конной атакой города не возьмешь. Надо заставить Шкуро принять бой в поле, выманить его из города. Тогда тройное превосходство в силах белому генералу не поможет. Только как его оттуда выманить?..

Думали, думали — решили разозлить Шкуро. Написать ему письмо. Да такое, чтобы он просто взбесился от злобы. Всем штабом сочиняли его, словно запорожцы турецкому султану. Получилось примерно так:

«Генерал-майору А. Г. Шкуро, лично, совершенно секретно.

Завтра мною будет взят Воронеж. Обязываю все контрреволюционные силы построить на площади Круглых рядов. Парад принимать буду я. Командовать парадом приказываю тебе, белогвардейский ублюдок. После парада ты за все злодеяния, за кровь и слезы рабочих и крестьян будешь повешен на телеграфном столбе там же, на площади Круглых рядов. А если тебе память отшибло, то напоминаю: это там, где ты, кровавый головорез, вешал и расстреливал трудящихся и красных бойцов.

Мой приказ объявить всему личному составу Воронежского белогвардейского гарнизона. Буденный».

Вот тогда и вызвал Буденный Дундича:

— Отвезешь, Иван Дмитриевич? — Дундича в Конармии еще и так называли.

— Непременно. Прямо в гостиницу «Бристоль», в штаб Шкуро. Лично в руки передам.

— Можно и через адъютанта, — посерьезнел Буденный. — Себя тоже поберечь не мешает.

Дундич немного смутился (вроде хвастуном себя выказал), но ответил:

— Если все время думать о собственной безопасности, то о смелости надо забыть.

Что тут ему ответишь? Буденный добавил только:

— Систему их обороны заодно разведай. Особенно батареи.

Выехали впятером.

В утреннем тумане услышали: «Стой! Кто идет?»

Пароль на сегодняшний день Дундич уже знал. (По дороге к городу захватили в плен высланного в дозор беляка, он, трясясь от страха, и сообщил.)

Воронеж напоминал какой-то военный табор: всюду кони, кони, телеги, составленные в козлы винтовки, орудия...

Большую Дворянскую улицу отыскали быстро.

— Ждите меня здесь, — приказал Дундич четырем своим ординарцам. Сам с коня соскочил, погоны поправил, четким спокойным шагом пошел к дверям гостиницы.

В вестибюле дежурный есаул вытянулся перед штабс-капитаном в струнку, четко доложил:

— Его превосходительство будет через час. Пакет сдайте мне.

Дундич снисходительно кивнул. Пакет на стол положил. С есаула расписку потребовал. Все как положено! Так же не спеша вышел.

— Придется часок по улицам поколесить, — сообщил ординарцам. — Посмотрим, где тут у них что... Ты, Шандор, здесь останешься. Когда Шкуро войдет в «Бристоль», посмотри, какие окна засветятся.

За час чуть не весь город обскакали. Шесть батарей насчитали, казармы, полные казаков, два бронепоезда на станции. Когда вернулись, Шандор доложил:

— На втором этаже окна засветились. Три первых от угла.

— Давно?

— Минут двадцать.

— Прочитал, значит, — кивнул Дундич. — Теперь мы ему докажем, что это не шутка его приятеля генерала Мамонтова.

Дундич подскакал к гостинице и одну за другой бросил в освещенные окна две гранаты.

Что тут в Воронеже началось!.. Выстрелы! Крики! Стук подков! Дундич и сам носился по улицам, неистово крича: «Держи! Лови!»

Наконец, устав ловить самих себя, пятеро буденновцев выскочили к крайней заставе.

— Пропустили?! — накинулся Дундич на часовых. — Дали уйти красным диверсантам?!

— Никак нет... — оправдывался какой-то бородач с погонами урядника. — Не проскакивали тута, ваше высокородие...

— Значит, у соседей проскочили! — Дундич обернулся к своим. — Догнать! В плен не брать! Вперед!

Через час все пятеро были уже в родном полку.

Шкуро же и впрямь из города вылез. В ночь на 19 октября. Несколькими колоннами пошел на буденновцев. Пять дней грохотал бой. А рано утром 24 октября 1919 года 4-я и 6-я красные конные дивизии ворвались в город.

Один лишь генерал Шкуро приказ Буденного не выполнил: не построил войска свои для парада, удрал.

Буденновцы отдыхали.

Олеко Дундич чистил своего любимого коня Мишку. Впереди ожидали их новые бои и походы.

ОТВЕТ ПАНУ ГЕТМАНУ ПЕТЛЮРЕ

Мы, таращанцы, богунцы и другие украинцы, казаки, красноармейцы, получили твое похабное воззвание.

Как встарь запорожцы султану, так мы тебе отвечаем.

Был у нас гетман Скоропадский, сидел на немецких штыках. Сгинул проклятый.

Новый пан гетман объявился — Петлюра.

Продал галицийских бедных селян польским панам, заключив с панами помещиками мир.

Продал Украину французским, греческим, румынским щукам, вошел в союз с ними против нас, трудовых бедняков Украины. Продал родину-мать. Продал бедный народ. Скажи, Иуда, за сколько грошей продал ты Украину?

Сколько платишь своим наймитам, чтобы песьим языком мутили селянство, поднимали его против власти трудовой бедноты?

Скажи, Иуда, скажи, предатель, только знай, не пановать панам больше на Украине!

Мы — сыны ее, бедные труженики — головы сложим, а ее обороним, чтобы расцвела на ее вольной земле рожь на свободе и сжата была свободным селянством на свою пользу, а не жадным грабителям и кровососам кулакам и помещикам.

Да, мы — братья российских рабочих и крестьянства, как братья всем, кто борется за освобождение трудящихся.

Твои же братья — польские шляхтичи, украинские живоглоты, кулаки, царские генералы, французские буржуи.

И сам ты брехлив и блудлив, как польские шляхтичи, мол, всех побьешь!

Не говори «гоп», пока не перескочишь! Лужа для тебя готова, новый пан-гетман буржуйской французской да польской милостью!

Не доносить тебе штанов до этого лета.

Именем крестьян-казаков Украины
командиры Щорс, Боженко и др. 1919 год

И ПОШЛИ НА КИЕВ

Генерала Терешковича вызвал к телефону сам гетман Петлюра. Генерал слушал своего главнокомандующего внимательно. Иногда угодливо улыбался, порою брезгливо кривился. Кто он такой, этот Петлюра, чтобы выговаривать ему, генералу Терешковичу, служившему еще царю-батюшке?! Жалкий бухгалтер! Польский прихвостень!.. Но в данном случае... Генерал привык подчиняться дисциплине, и потому презрительная гримаса на его лице сменялась улыбкой, голос звучал приветливо и уверенно: «Не извольте беспокоиться, Симон Васильевич, в Чернигов заяц не проскочит! Щорс? Да, знаю. Бывший военфельдшер. А фельдшеры, как вы понимаете, операций не производят. Для этого надо быть хирургом».

Николай Александрович Щорс и впрямь был военфельдшером. Всего лишь три года назад.

Но пришли на Украину солдаты кайзера Вильгельма, и он стал командиром партизанского отряда.

Что верно, то верно: военных академий он не кончал. Воевал, как умел. Главное — не боялся, если врагов больше. Была у него на этот случай своя тактика.

Впервые применил ее Щорс в Семеновке.

Стояло то село над рекою Снов на заросших сосняком песчаных холмах, бежали от него рельсы к Кролевцу. Большое село. Для противника — важное. Потому и сидели в нем сразу две петлюровские банды. Посгоняли селян из окрестностей, напялили на них синие жупаны — заставили служить батьке Петлюре. В отряде же Щорса было в ту пору всего три десятка партизан. И все же решил он овладеть Семеновкой.

Да так это сделал, что, считай, и боя никакого не было. Взял с собою нескольких товарищей — и прямо в штаб петлюровцев. Те как раз чай пили. На вошедшего уставились удивленно. А тот вынул из кобуры маузер и негромко приказал: «Оружие на стол!»

Из-за спины вошедшего несколько винтовочных стволов высунулось.

Пришлось главарям банд поднимать руки вверх.

Остальным же петлюровцам Щорс просто приказал собраться на сельской площади, влез на телегу и объяснил, кто он такой, за что воюет. Рассказал, зачем понадобилось Петлюре звать немцев на Украину, какую судьбу простым селянам он готовит. Слушали не перебивая. Даже благодарили.

«Кабы ты, мил человек, раньше нам повстречался, — посетовали. — А то ведь воюем, за что про что — сами не знаем. Пиши нас в свой отряд!»

Из Семеновки Щорс выехал уже не с тридцатью бойцами, а с тремя ротами пехотинцев, с конным эскадроном и даже с пушкой.

Под Чернигов он уже во главе бригады пришел.

Только что для генерала Терешковича бригада, если у него в городе целый корпус! Кто посмеет сунуться! Полный порядок в Чернигове: магазины торгуют, электричество сверкает, газеты про победы над большевиками пишут.

Генерал даже бал назначил! Как в доброе старое время. В доме бывшего губернатора. Съехались бывшие помещики, бывшие заводчики, бывшие купцы, бывшие царские офицеры. А также барышни, дамы и господа. Два полковых духовых оркестра в трубы свои дунули — полетели из окон вальсы, мазурки, польки!

За трубами и не услышали, как к губернаторскому дому еще один гость пожаловал.

Щорс.

Еще поутру собрал он комбатов Богунского полка, поставил перед каждым задачу: кому зайти петлюровцам в тыл, кому перерезать дорогу на Киев, кому ворваться в город по гомельскому шоссе.

К губернаторскому дому Щорс не один пожаловал, с конным эскадроном. Часовых без единого выстрела сняли. Усатый швейцар с перепугу сам перед Щорсом двери распахнул. Мраморная лестница ковром перед ним расстелилась.

Ликует бал! Танцует бал!

Правда, сквозь музыку залетели в окна винтовочные выстрелы... Генерал Терешкович успокоил:

— Это сечевики балуются. Совершенно недисциплинированная публика!

ЩОРС
Николай Александрович

Участник первой мировой войны, подпоручик. Член Коммунистической партии с 1918 года. Командир партизанского отряда, затем — 1-го Богунского полка, начдив. В 1919 году — комендант освобожденного Киева. Громил немецких интервентов, петлюровцев, белополяков. В 1919 году погиб в бою.

Даже дверь на заснеженный балкон распахнул, крикнул:

— Прекратить стрельбу! Запорю!

Генералу дружно в ладошки захлопали. И не заметили, как в двери вошел стройный, подтянутый молодой человек с черной бородкой и аккуратными усиками. Увидев же, плечами пожали: что это он на бал прямо в черной кожанке явился? На кожаную же фуражку с красной звездой и внимания не обратили.

А молодой командир прошел к оркестру, стал перед ним и поднял руку:

— Кончен бал, — сказал он спокойно. — В город вступила Красная Армия. Здания никому не покидать. Оружие сдать.

К губернаторскому дому был поставлен караул. Сам же Щорс прямо с бала в бой ушел, добивать оставшихся без командования петлюровцев. Богунцам в этом и горожане помогли — Черниговский подпольный комитет большевиков. Со Щорсом они заранее договорились о совместных действиях и теперь окружали казармы петлюровцев, рвали телефонную связь, перегораживали улицы баррикадами.

Тут уж петлюровцам не до побед стало, удрать бы за Десну!.. Не получилось: на другом берегу тоже стояли богунцы.

Терешковича в сани усадили, повезли по улице.

— Где же мой корпус? — сердито ворчал он.

— Это который? — спросил боец, шагавший рядом с санями. — Бывший, что ли? Тю-тю твой корпус!

— Как ты смеешь?! — возмутился Терешкович. — Я генерал.

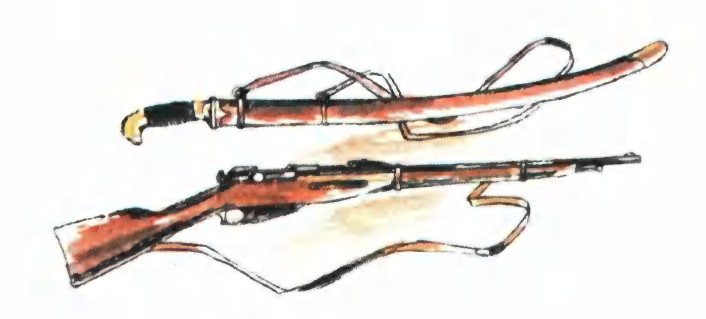
— Бывший генерал, — поправил его боец. — А теперь пленная контра. Сиди и не рыпайся.

За городом увидел генерал стройные ряды шагающих богунцев, ветер донес до него песню:

Витер буйный повива,
Диброва шумить —
То богунцы й таращанци
Идут панив бить.

Богунцы и таращанцы шли на Киев.

5 февраля 1919 года они вошли в него.

МОСКВА, КРЕМЛЬ, ЛЕНИНУ.

25 ЯНВАРЯ. ЧАСТЯМИ 6-Й АРМИИ СОВМЕСТНО С ПАРТИЗАНАМИ ОСВОБОЖДЕН ШЕНКУРСК. АМЕРИКАНЦЫ И БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ БЕГУТ. ТРОФЕИ ПОДСЧИТЫВАЮТСЯ.

1 ФЕВРАЛЯ. КРЕМЕНЧУГ ОЧИЩЕН ОТ ПЕТЛЮРОВЦЕВ. ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ ДНЕПР В НАШИХ РУКАХ.

2 ФЕВРАЛЯ. ВОЙСКАМИ ИНТЕРВЕНТОВ ЗАХВАЧЕН НИКОЛАЕВ...

5 ФЕВРАЛЯ. В КИЕВ ВСТУПИЛИ БОГУНСКИЙ И ТАРАЩАНСКИЙ ПОЛКИ. ПЕТЛЮРОВЦЫ БЕГУТ.

7 МАРТА. ЧАСТЯМИ 1-Й УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ ДИВИЗИИ ОСВОБОЖДЕНЫ КАЗАТИН, БЕРДИЧЕВ. ВОЙСКА ДИРЕКТОРИИ ОТСТУПАЮТ.

ПЕТЛЮРА

Пан гетман Петлюра
Служил оккупантам,
Помещикам жирным,
Любым фабрикантам.

Хотел он плетьми,
Новоявленный пан,
В любви своей нежной
Уверить селян.
А как его любят селяне —
Предателя в синем жупане —
Досталось подлюге Петлюре
Изведать на собственной шкуре.

КТО ТЫ, ТОВАРИЩ?

«Кто ты, товарищ?» Если тебя спросят, отвечай: «Я защитник всех трудящихся».

«За что ты бьешься?» Если спросят, отвечай: «За правду, чтобы земля и фабрики, и реки, и леса, и все богатства принадлежали бы рабочему люду».

«Чем ты бьешься?» Отвечай: «Я бьюсь винтовкой, и штыком, и пулеметом, а еще верным словом к неприятельским солдатам из рабочих и крестьян, чтобы знали, что я им не враг, а брат».

«Кто же твой враг, товарищ?» Если тебя спросят так, отвечай: «Мои враги те кровопийцы, кулаки, помещики, капиталисты, что отнимают у трудящихся их кровное добро и заставляют трудовой народ друг друга истреблять».

«Как же ты бьешься с врагами?» — «Без пощады, пока не сокрушу».

«Много ли вас, защитников труда?» Если тебя так спросят, отвечай: «В резерве у меня весь пролетариат и трудовые массы; трудящиеся всего мира спешат ко мне на помощь».

(Из «Книжки красноармейца», 1919 год)

МОСКВА, КРЕМЛЬ, ЛЕНИНУ.

16 ИЮНЯ. БЕЛОГВАРДЕЙСКИЙ МЯТЕЖ ФОРТА

КРАСНАЯ ГОРКА ЛИКВИДИРОВАН.

К РАБОЧИМ И КРАСНОАРМЕЙЦАМ ПЕТРОГРАДА

Товарищи! Наступил решительный момент. Царские генералы еще раз получили припасы и военное снабжение от капиталистов Англии, Франции, Америки, еще раз с бандами помещичьих сынков пытаются взять красный Питер. Враг напал среди переговоров с Эстляндией о мире, напал на наших красноармейцев, поверивших в эти переговоры. Этот изменнический характер нападения — отчасти объясняет быстрые успехи врага. Взяты Красное Село, Гатчина, Вырица. Перерезаны две железные дороги к Питеру. Враг стремится перерезать третью, Николаевскую, и четвертую, Вологодскую, чтобы взять Питер голодом.

Товарищи! Вы все знаете и видите, какая громадная угроза повисла над Петроградом. В несколько дней решается судьба Петрограда, а это значит наполовину судьба Советской власти в России.

Мне незачем говорить петроградским рабочим и красноармейцам об их долге. Вся история двухлетней беспримерной по трудностям и беспримерной по победам советской борьбы с буржуазией всего мира показала нам со стороны питерских рабочих не только образец исполнения долга, но и образец высочайшего героизма, невиданного в мире революционного энтузиазма и самоотвержения.

Товарищи! Решается судьба Петрограда! Враг старается взять нас врасплох. У него слабые, даже ничтожные силы, он силен быстротой, наглостью офицеров, техникой снабжения и вооружения. Помощь Питеру близка, мы двинули ее. Мы гораздо сильнее врага. Бейтесь до последней капли крови, товарищи, держитесь за каждую пядь земли, будьте стойки до конца, победа недалека! Победа будет за нами!

В. Ульянов-Ленин
17 октября 1919 года

ТРИ ПУЛИ

Враги, укрываясь в тумане,
Готовят последний удар.

Три пули остались в нагане.
Три пули...
Держись, комиссар!

Сочится недавняя рана,
В глазах наплывают круги.
Уже не подняться...
Но рано
Победу ликуют враги.

Штыки за кустами сверкнули,
Как будто идут косари.
Остались в нагане три пули.
Три пули...
Последние три.

И ротный, который из «бывших»,
Казавшийся верным вчера,
Сегодня лепечет чуть слышно:
«Сдаваться... Сдаваться пора!»
Он руки дрожащие тянет...
И белая тряпка видна...

Три пули.
Три пули в нагане.
Предателю — первая:
На!

Держись, комиссар!
За тобою
Стеною встает Петроград.
Ты сам призывал его к бою:
«Ни шагу! Ни шагу назад!»
Пусть жить тебе самую малость,
Тускнеет в тумане заря —
Нельзя, чтобы белым досталась
Свобода и свет Октября.

Пускай окружен ты врагами,
Но можно поспорить еще:
Две пули остались в нагане.
Держись, комиссар Толмачев!

Враги окруженье сомкнули.
«Сдавайся!» —
кричат на бегу.

Две пули остались.
Две пули.
Пошли-ка одну по врагу!

Метет тополиною вьюгой.
Шуршит камышами река.
Над маленьким городом Лугой
Плывут в вышине облака.
Наверное, там и не знают,
Что рядом — рукою подать! —
Бойцы на заре погибают...
А как нелегко погибать!

Сливаются пламя восхода
И жаркого боя пожар...
Всего тебе двадцать три года,
Гражданской войны комиссар!
Враги, твою жизнь карауля,
Со всех подползают сторон...
Осталась последняя пуля.
Точнее — последний патрон.

Кричат петухи за деревней.
Над озером — свет голубой.
А сердце:
«Последний...
Последний...
Последний...
Решительный...
Бой...»

Враги на притихшей поляне
К твоей подползают судьбе...

Последняя пуля в нагане.
Последняя пуля —
себе.

«ПАНТЕРА»

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ. Английский адмирал Вальтер Коуэн о русских военморах Бахтине и Сакуне ничего знать не знал и знать не желал. Изо всех русских имен и фамилий для него было достаточно фамилии Юденич. Согласно приказу, адмирал Коуэн обязан был помогать генералу Юденичу в его наступлении на Петроград. Генерал вел свои войска по суше, адмирал должен был поддерживать их с моря. И еще не допускать того, чтобы корабли красного Кронштадта обстреливали войска белого генерала.

Адмирал Коуэн считал свою задачу совсем не сложной. Тем более что в его распоряжении было двадцать восемь кораблей, гидросамолеты, торпедные катера, подводные лодки!.. Наконец, эсминцы «Виттория» и «Верулам»! Совершенно новенькие! Постройки 1917 года. Ах как они быстро резали волны! Как великолепно были вооружены!..

А что у этих кронштадтцев? Старенький линкор, тихоходные тральщики, несколько подводных лодок с какими-то звериными названиями: «Тигр», «Вепрь», «Волк», «Пантера»... Ему ли, адмиралу всемогущего британского флота, бояться этого зоосада?!..

Нет-нет, адмирал Коуэн ожидал впереди только побед и славы!

И поэтому знать не знал, знать не желал и слышать не хотел ни о каком-то Бахтине, ни о каком-то Сакуне.

Были же два военмора почти ровесниками и на подводную лодку «Пантера» пришли почти одновременно, весною и осенью 1918 года.

Молодого командира Александра Николаевича Бахтина пантеровцы встретили приветливо. «Лодкой и ее составом, — написал он жене, — я очень доволен... Дело все знают отлично. Все исключительно дружны и спаяны. Готов с такой командой идти за Советы куда угодно».

Минно-машинного унтер-офицера Федора Сакуна встретили строже. Невзирая на то что моряком он был опытным, на «Пантеру» пришел с другой лодки, с погибшего «Единорога», пришел добровольно, сам попросился, — экзамен ему устроили!

— Да вы что? — удивился Сакун. — Я же пятый год на лодках плаваю!

— И мы не по первому, — спокойно ответил боцман Григорий Иванович Гутта. — А проверяем всех. На деле. Пойдем-ка вот...

Подвели Сакуна к компрессору:

— Запусти.

Что-то тогда не понравилось Федору в этом компрессоре. Пригляделся — оба поршня неисправны. Так и доложил. Добавил при этом: «Если хотите, починю». И починил.

Тогда поверили. Оставили на «Пантере».

За год со всеми он уже свыкся. Дни за днями своим чередом бежали. Добежали до 3 августа 1919 года.

В тот день лодка принимала торпеды. Грузили их осторожно. Федор Сакун так просто ладошкой каждую оглаживал, к малейшим царапинкам приглядывался. Бахтин даже спросил:

— Что это вы, товарищ Сакун, ищете на торпедах?

— Знакомцев ищу, — ответил Федор.

— Как это — знакомцев?..

— Тут, товарищ командир, целая история, — не спеша отозвался Федор, так же внимательно оглядывая следующую торпеду. — Мы тогда в Гельсингфорсе стояли. С англичанами бок о бок. Они ведь нашими союзниками считались. Вместе, мол, против германского кайзера.

— Это когда флотом командовал Щастный? — уточнил Бахтин.

— Он, шкура. Ведь что удумал: наши торпеды англичанам сдать. На хранение, дескать. И сдал. Погрузили их на британский «Амстердам». А тут — Брестский мир!

— Согласно его условиям, наши корабли должны были перейти в Кронштадт, — напомнил командир.

— Вот-вот... Ледовый поход был. А британцы не пошли. Решили свои лодки, что рядом с нашими стояли, вывести в море и взорвать. И «Амстердам»с ними. Узнали мы про это в самый, что называется, последний момент. В Центробалт звонить, советоваться уже некогда. Что делать? Прыгнул я в шлюпку — и к англичанам. «Так и так, — говорю ихнему коммодору Кромми, — отдавайте наши торпеды. Имею на то срочный приказ Центробалта». Кромми этот улыбается хитренько. «Хорошо, — отвечает, — выгружайте. В вашем распоряжении тридцать минут. Ровно через полчаса «Амстердам» будет выведен на внешний рейд». Рассчитывал, что не управимся. Торпеды по трюмам запрятаны, а у нас ни кранов, ни судов, ни людей... Прыгнул я снова в шлюпку — и к нашим! На «Тосно», на «Куйвасто». Взбудоражил всех. «Выручайте, братишки! — кричу. — Торпеды-то наши! Народные! Советские!» Вот эти, стало быть, — похлопал Сакун по корпусу торпеды.

— Успели, значит, — подытожил Бахтин. — Вот и пригодятся, вернем парочку англичанам, а?

— На память, — кивнул Сакун.

«Пантера» уходила на боевое задание. Приказ был краток: крейсировать в районе Копорского залива, не допустить в наши воды вражеские крейсера и эсминцы, не дать им обстреливать отряды, защищавшие Петроград от войск Юденича.

Утро 31 августа 1919 года выдалось светлым, безветренным, теплым. Раннее солнышко уже засверкало на золотом куполе Морского собора, пробежалось по окнам кронштадтских домов, рассыпалось веселыми «зайчиками».

Привычно одна за другой следовали команды:

«По местам стоять, со швартовых сниматься!»

«Приготовить балластные цистерны к затоплению!»

«Рули на погружение!»

Все это Федора Сакуна касалось пока лишь постольку-поскольку. Мог он не беспокоиться, пока не подадут команды: «Аппараты — товсь!». Где-то высоко

над его головой гуляли волны Балтийского моря. Мерно текли минуты... Под водой лодка находилась уже часов шесть. Спокойствие позволяло даже перекинуться словечком с боцманом:

— А что, Григорий Иваныч, ты вот с двенадцатого года плаваешь, а слышал ли когда-нибудь такое, чтобы наша лодка кого-нибудь потопила?

Гутта вспоминал долго.

— Нет, не помню, — признался честно. — Только это не значит, что потопить не может. Ты вот попади, когда надо будет, сам себе и ответишь.

Снова примолкли. Слышно, как винты жужжат...

«Все по местам!»

Судя по голосу, команду дал вахтенный начальник Генрих Генрихович Таубе. Минуты не прошло — все по местам. Командир к перископу прильнул. В оптику видно: из Копорской губы английский эсминец идет. За ним — второй...

Атаковать?

Не сразу... Надо удобный момент выбрать. Самый удобный! Тем временем торпеды к заданной глубине подготовить. Чтобы наверняка!

Ушли поглубже. Затаились. Эсминец над ними прошел. Снова под перископ всплыли. Идут англичане...

«Вперед помалу!»

Федор Смольников на горизонтальных рулях стоит. Ведет лодку как по ниточке. Это он мастер! На всей Балтике второго такого рулевого поищешь!

Федор Сакун тоже весь подобрался, замер на центральном посту управления торпедной стрельбой.

Стрелки на часах 19.00 показывают.

Снова перископ подняли.

Вот они! Стали на якорь у острова Сескар. Хорошо, как по линеечке стали! Одной торпедой оба эсминца прошить можно.

Задребезжали по лодке звонки. Боевая тревога!

«Открыть передние крышки носовых аппаратов!»

«Носовые аппараты — товсь!»

«Правый аппарат — пли!»

«Левый — пли!»

Ушли торпеды. Качнули лодку. Сакун толчки эти каждой клеточкой своей ощутил. Теперь еще бы толчочек! Подводный!

И хотя вода плохо пропускает звук, взрыв все же услышали.

Да и командир в перископ увидел: вздыбилась у борта английского эсминца вода, полыхнул он огнем, окутался дымом. А главное — накренился, стал погружаться в воду.

— Обе торпеды попали в цель, — сообщил командир.

Известие это по лодке до Сакуна докатилось.

— Привет коммодору Кромми! — не сдержался, крикнул он. — И наше балтийское спасибо за хорошую сохранность торпед!

Приятно, конечно, боевой приказ выполнить. Только радоваться пантеровцам можно было не более пяти минут: надо было уходить. Понимали: сейчас за лодкой такая охота начнется — только держись!

Загремели вокруг взрывы. Погас свет.

— Ныряющими снарядами бьют, — определил Сакун. «Ну, тезка, выручай!» — крикнул он мысленно Смольникову.

«Лодка днищем чертит и скрипит по грунту, — записал Бахтин в вахтенном журнале. — 21 час 50 минут: в корме слышна отдаленная стрельба. 22 часа 25 минут: всплыл под перископ, осмотрелся, но ничего не видел, так как уже сильно стемнело»...

Из-под взрывов удалось уйти. Начали кружева плести — маневрировать. Чтобы англичан с толку сбить. Таких наплели, что сами запутались. Всплыть бы надо, определить свое местонахождение, найти проход в минных полях — и к Кронштадту!

Нельзя всплывать. Все время гул чужих винтов преследует.

А на лодке уже дышать нечем. Запасы кислорода кончаются. В воздухе углекислота одна. Спички гаснут мгновенно. Комиссар Иванов Владимир Георгиевич из отсека в отсек пробирается:

— Крепитесь, ребятки! Вы же пантеровцы!

Всплыть все же попытались. Ночью. Тут же хлестнул по иллюминаторам рубки луч прожектора...

«Погружайсь!»

Снова на тридцатиметровую глубину нырнули.

Лишь в утренней дымке Александр Николаевич Бахтин разглядел в перископ башню знакомого маяка. А коли так, определили и проход в минном заграждении.

К полудню были уже в Кронштадте.

Кто смог — выполз ветра дыхнуть. Остальных на руках вынесли.

Потом уже, на берегу, подсчитали: «Пантера» прошла под водой почти восемьдесят миль, без воздуха находилась около тридцати часов. По тогдашним меркам — рекорд!

Но самое-то главное было в том, что, отправив на дно британский эскадренный миноносец «Виттория», наша подводная лодка «Пантера» открыла тем самым счет вражеских кораблей, потопленных советскими подводниками. Первой она была! За ней уже список ого-го какой потянулся!

Измотанная походом команда получила трехдневный отдых. При всех трудностях нашли для пантеровцев и дополнительный паек. И наградили героев: каждый получил по кожаной тужурке! Восемнадцать пантеровцев были награждены также именными часами — от Петросовета. А китель Александра Николаевича Бахтина украсил орден Красного Знамени.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ. Британский адмирал Вальтер Коуэн действиями «Пантеры» был весьма разгневан. Девять эсминцев, подводную лодку и гидропланы бросил он на преследование «Пантеры». В том числе и эсминец «Верулам». «Найти! Потопить! Взорвать!» — летели приказы адмирала. Но «Пантера», как вам уже известно, ушла, ускользнула и, как говорится, оставила британского адмирала с носом...

Что же касается эсминца «Верулам», то он так настойчиво гонялся за «Пантерой», что на подходах к бухте Пейпия со всего разбега наскочил на нашу мину и затонул вместе со всей командой.

ЭПИЛОГ. А «Пантера» прожила долгую и славную жизнь. Довелось ей повоевать и в годы Великой Отечественной войны. И здесь она совершила подвиг.

Шел сентябрь 1941 года. «Пантера» стояла в гавани Кронштадта, невдалеке от линкора «Октябрьская революция». Стояли здесь крейсера «Максим Горький», «Адмирал Бутаков», лидер «Минск», пограничные катера, буксиры, даже ледокол «Леваневский».

Гитлеровцы, конечно, знали о скоплении многих наших кораблей в одном месте и, разумеется, бросали туда одну эскадрилью бомбардировщиков за другой. Сыпались листовки: «Сделаем из Ленинграда поле, из Кронштадта — море!». Нахальны были захватчики в 1941 году. А защитники Ленинграда и Кронштадта — стойки.

Шел день 23 сентября 1941 года. Четвертые сутки подряд кружились над Кронштадтом стервятники с черными крестами на крыльях. Одна волна их сменяла другую.

На «Пантере» у зенитного орудия стоял наводчик Ахмет Мутагиров. Стрелял и стрелял. Минутной передышки у него не было. Вскоре все фугасные снаряды на лодке кончились.

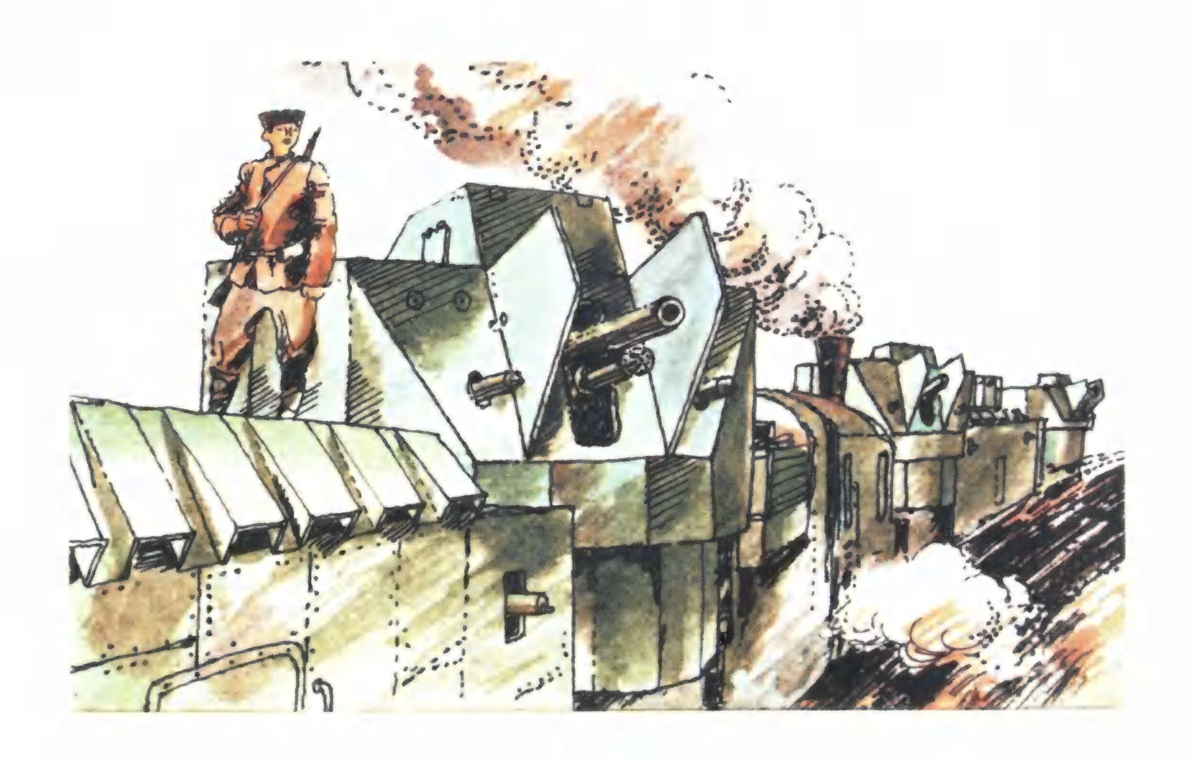
Стали подавать ему зажигательные.

И тут один из фашистских «юнкерсов» начал пикировать на линкор «Октябрьская революция». Еще мгновение — и вот-вот отделится от него черная туша тяжелой бомбы, полетит в цель...

«Вот-вот» не состоялось. Крыло «юнкерса» прошила яркая огненная полоса. Не промахнулся Мутагиров! «Юнкерс» даже из пике выйти не смог — вспыхнул как свеча и рухнул в воду.

То, что наши подводные лодки потопили сотни вражеских кораблей, — это всем известно. Но вот то, что подводная лодка сбила вражеский бомбардировщик!.. Это не часто бывает.

БРОНЕПОЕЗД ИДЕТ ВПЕРЕД

Все нравилось Лехе: сам бронепоезд, командир его Авраамий Шмай, комиссар Иван Газа. Больше всего нравилось то, что свой он, бронепоезд, путиловский!

Три раза просился Леха, чтобы взяли его беляков бить. И в Путиловский Стальной дивизион просился, и на бронепоезд. Вечно одно и то же слышал: маловат еще!..

А тут пришел на завод — во дворе бронепоезд стоит!

№ 6 имени товарища Ленина!

Не отойти от него было.

До темноты ходил вокруг, разглядывал. Хотел сосчитать, сколько на нем вмятин, да сбился.

У бронепоезда на охране тогда Чадов стоял. Спросил Леху:

— Любопытствуешь, как мы дрались? По-всякому бывало. Эту вон вмятину

от самой станции Лиски возим. Первыми тогда мы на нее ворвались, первыми и в борт получили.

— Стали, поди? — насторожился Леха.

— Зачем? Проскочили и — вперед. Так рванули, что всю нашу пехоту позади оставили. Разведка докладывает: «Белые идут», а возле нас ни одной цепи.

— Так как же вы?

— А так же. Бойцы к комиссару пошли: разрешите, мол, сами в цепи заляжем. Газа по-другому рассудил, послал бойцов по окрестным деревням, крестьян на подмогу звать. Они, бедолаги, крепко от беляков натерпелись! Целыми деревнями к бронепоезду пришли. Не только мужики, но и бабы даже. Сняли мы с площадок пулеметы. Все вместе в снег залегли. И комиссар с нами. Держались, пока наши не подошли.

ТОЛМАЧЕВ
Николай Гурьевич

Политработник Красной Армии. Член Коммунистической партии с 1913 года. Участник Февральской революции в Петрограде и Октябрьской революции на Урале.
В 1918 году — комиссар 3-й армии Восточного фронта. В мае 1919 года — особоуполномоченный РВС 7-й армии Петроградского фронта. Пал в бою с врагами в 1919 году.

Леха дальше осматривать бронепоезд принялся.

— А бревна зачем на платформу навалены?

— Бревно на бронепоезде — вещь полезная, — серьезно объяснил Чадов. — Оно тебе и дрова, оно тебе и стропила. Про речку Хворостань слышал? Где тебе!.. Есть такая под Воронежем. Не велика и речка-то, а вот взорвали беляки мост — и стоп наш бронепоезд.

— Назад пошли?

— Эка хватил! Наш комиссар такого слова не знает. Огнем орудий отогнали беляков, мост построили и — вперед.

— Что же, — прищурился Леха, — так вас никто и остановить не мог?

— Было дело... — отозвался Чадов. — Остановили. Не мосты, не пушки — снегопад! В такую пургу попали, не то что рельсы — паровоз по самую трубу засыпало. Вот уж лопатами-то поработали! Одиннадцать дней копали. Так намахались — руки не поднять. А комиссар знай свое: «Быстрее, быстрее, товарищи! Нас войска ждут!» — и первым лопату в снег.

— Он что, двужильный? — вспомнил Леха батину присказку.

— Иван-то? Такой, как все. Я его еще мальчишкой помню. В нашем цеху слесарил. Такой же худерящий, как и сейчас, был. Газеты нам приносил, листовки большевиков. Ни одна забастовка без него не обходилась. В шестнадцатом его в штрафной батальон отправили, так через год он весь этот батальон с красными флагами привел в Питер.

Чадов на Леху попристальней посмотрел, добавил:

— Ежели ты к нам целишь, иди к Ивану Ивановичу. Он завсегда к молодым добрый. До революции еще путиловских парней в кучу сбивал и сейчас за них горой.

Пошел Леха к комиссару Ивану Газа. И стал бойцом бронепоезда.

Мамка тогда напустилась на Леху: куда, мол, надумал?! Какой из тебя солдат!..

Батя ее успокоил: «Это мне с покалеченной ногой воевать неловко, а у Лехи все цело. Опять же — среди своих будет. Вроде как в своем цеху». Наказал от товарищей не отбиваться, без приказа под пули не лезть да на комиссара почаще поглядывать.

Комиссар-то, правда, под пули лезет. Когда надо, конечно. И пути ремонтирует под выстрелами, и огонь орудий прямо с брони корректирует, и в цепи первый.

ГАЗА
Иван Иванович

Рабочий-путиловец. Член Коммунистической партии с 1917 года. Депутат Петроградского Совета. Военком бронепоезда, сражавшегося против войск генерала Юденича и белополяков.

Леху как раз к орудию и определили, к наводчику дяде Степану. Снаряды подавать.

Впереди бронепоезда Леха ехал, на открытой орудийной платформе. Ветер свистит. Дождичек сечет. Колеса постукивают. Леха впереди всех!

Ехали к Ямбургу.

На каком-то разъезде остановились. Всех на собрание позвали. В вагон-клуб. Большой вагон! В нем даже пианино поместилось, вместе с путиловцами по фронтам каталось.

Сидели молчаливые, сосредоточенные. Слушали комиссара. Иван Газа говорил, как всегда, негромко. Но к его тихому голосу уже привыкли, различали в самые гулкие минуты перестрелок, когда бронепоезд тарахтел всеми пулеметами и с платформы ухало орудие.

— Приказ нам дан четкий: удерживать Ямбург, — говорил Газа. — Но по данным разведки, там уже хозяйничает белая дивизия князя Ливена. Отбить город без пехоты бронепоезду не по силам. Положение сложное, приказ говорит — «вперед», обстановка — «назад».

— Приказ допускает и учет обстановки на месте, — откликнулся сидевший в углу командир Шмай.

Иван Газа кивнул головой, соглашаясь с ним, и продолжил:

— Принято решение идти вперед. Вполне вероятно, что Ямбург мы не отобьем, но то, что наступление Юденича на Петроград задержим, — это безусловно. А задержать его необходимо! Хоть часа на три, хоть на час! Нужно дать нашим отступающим частям возможность перестроиться, занять оборону.

Первым поднялся с табуретки Майлов. Никто этому не удивился: с машиниста все движение начинается. Остальным еще и поговорить можно, а ему надо уже пары разводить.

Вскоре и впрямь вагон-клуб слегка тряхнуло, скрипнули по рельсам колеса.

Путиловский бронепоезд № 6 имени товарища Ленина двинулся в сторону Ямбурга. В смотровых щелях замелькали верхушки елок.

Командир с комиссаром ушли в штабной вагон.

Никогда не унывающий Лешка Запевалов по клавишам пианино пальцем прочертил. Музыки не получилось, но он все же пропел:

Плохо били давеча
Мы, видать, Юденича,
Вот и жмем теперича
Снова на Юденича.

— Били-то не плохо, — отозвался Чадов. — До конца не добили.

Первое наступление генерала на Петроград всем было памятно. Много ли с тех пор прошло? Тогда был июнь восемнадцатого, а теперь октябрь. Кто только тогда не помогал генералу! Русские буржуи, финские, эстонские! Балтийское море английские крейсера бороздили. В самом Питере заговорщиков выловили столько, что целую дивизию из них собрать можно!

А все равно не вышло Юденичу на белом коне в город въехать! И конь готов был, и седло на нем, шелком крытое. Только скакать им довелось в другую сторону.

Теперь вот новые силы собрал, новые пушки от англичан получил, опять лезет. Большими силами прет!

Неподалеку от Ямбурга бронепоезд остановился. Послали в разведку Чадова и Ефремова.

Долго их назад ждали... Не дождались. Потом уже, при наступлении, нашли их, штыками заколотыми.

Командир Шмай в который раз часы из кармана достал, на стрелки взглянул, крышкой щелкнул.

— Все сроки прошли. Ждать больше нельзя. Вперед!

Не успели из леска выскочить — наблюдатели докладывают:

— Аэроплан! Над нами летит!

— Сейчас белые канальи что-нибудь придумают, — заметил заместитель командира бронепоезда недавний путиловский токарь Петр Никитин.

И впрямь придумали беляки...

Лехе тот первый его бой на всю жизнь запомнился. Очень просто мог он стать и последним.

Рельсы бежали к Ямбургу словно две натянутые струны. Утро выдалось ясным, путь просматривался далеко вперед. Вот там-то вдалеке и заметил Леха какую-то черную точку. Она будто висела над рельсами и все время росла, становилась больше.

— Паровоз! — крикнул за его спиной Силин. — Степан, слышь, паровоз на нас прет!

— Вижу, — откликнулся Сенюшкин. — Доложи по телефону.

Красноармеец. Помощник командира взвода. Командир взвода.

Почти сразу же вздрогнули тормоза. Платформу толкнуло, и она тут же начала ползти назад. Леха и не заметил, как на платформе оказался комиссар.

— Орудие к бою!

Леха к снарядам кинулся. Степан Сенюшкин к прицелу припал.

— Огонь!

Вырвался из ствола орудия грохот. Ветер отнес сизый дым, прижал его к кустам.

— Мимо... — крикнул Силин.

Вражеский паровоз, не сбавляя паров, летел на бронепоезд.

Теперь уже было понятно, что нет в нем ни машиниста, ни кочегара. Выпрыгнули оттуда беляки. Разогнали паровоз, а сами — ходу! Вот и прет он, никем не управляемый.

— Спокойнее, спокойнее, Степан! — донесся до Лехи голос комиссара. — Точнее целься!

Грохнул второй выстрел.

И снова мимо.

Леха третий снаряд подал.

— Сзади на путях завал!

— Ловушка, значит, — кивнул головой Газа.

Бронепоезд теперь вовсе остановился.

А встречный паровоз летел и летел.

С третьего выстрела Сенюшкин все-таки попал, снес с него трубу. Паровоз летел теперь в туче черного дыма. Но летел ведь! Прямо на них!

Командир роты. Командир батальона. Летчик.

Четвертый снаряд угадал ему в тендер. Следующий разворотил котел. Со свистом брызнул во все стороны белый пар. Паровоз нехотя остановился.

Леха услышал пулеметную трескотню сзади. Следом — голос Ивана Газа:

— Наводчик и заряжающий на месте, остальные за мной!

Леха понял: завал разбирать.

Сидя на снарядном ящике, он подумал, что никогда раньше не уставал так. А чего сделал-то? Подал с десяток снарядов... Велика работа! А вот на тебе!.. Завал разбирать он, наверное, уже не смог бы. Упал бы в траву и лежал ничком. Как убитый... Непонятно... Другие ведь побежали под пули! И наверняка разберут этот завал. Потому что там Иван Иванович Газа и Петр Никитин.

Платформу дернуло. Леху качнуло. Он словно очнулся от забытья, спросил:

— Едем, дядя Степан?

— Куда-то едем. Похоже, к Гатчине. К своим, видать, пробиваться будем.

Ох, не легок был этот путь к своим!.. Далеко в тылу белых войск оказался бронепоезд. Воду для паровоза — с боем брать надо, дрова — тоже с боем. Всем работы хватало: кому огнем прикрывать, кому таскать да грузить. А тут еще привязалась к бронепоезду какая-то дрезина белогвардейская. По сравнению с ним — шавка деревенская. Но с пушкой! Стоит путиловцам на насыпь выскочить — бьют шрапнелью! Два дня сзади таскалась, пока ее Сенюшкин не разнес точным выстрелом.

Аэропланы тоже: висят над головой, и все тут! Из винтовок по ним палили, из пулеметов пробовали — висят!..

На одной станции, где воду брали, телеграмму белогвардейскую обнаружили: «Бронепоезд путиловцев в наших руках».

«Как бы не так! — засмеялся Алексей Запевалов. — Шиш с маслом у них в руках, а не наш бронепоезд!»

Продукты тоже кончились. Последние сухари доели. Никитин в каком-то сарае капустные кочерыжки отыскал. Их и ели: «кофе» варили.

Один раз только сварили — дерг! Так тормознул паровоз, что повалилось все.

Никитин тут же к паровозу кинулся:

— Что случилось?

Алексей Майлов кивнул в сторону смотровой щели:

— Чуть не налетели... Саженей пятнадцать рельсов разобрано. Похоже, что беляки их уволокли куда-то...

В щели ворвался гул винтовочных выстрелов, конский топот.

— Леша, а дрова у тебя есть? — неожиданно спросил Никитин.

— Есть, — недоуменно ответил Майлов. — Березовые...

В ту же минуту Никитин распахнул тяжелую дверь паровоза, спрыгнул на землю.

— Кидай!

Майлов сбросил полено. Никитин подхватил его, пополз вдоль полотна. Тогда уже и Майлов сообразил, что хочет сделать помощник командира. Скинул еще несколько поленьев и тоже пополз к разрыву рельсов с березовой чуркой.

А бронепоезд вел бой.

К Шмаю подбежал Алексей Запевалов:

— Товарищ командир, я их пулеметом отвлеку. Сбоку. Вон с той сопочки! Как врежу во фланг! Разрешите?

— Действуй, — кивнул головой Шмай.

Нырнул Запевалов со своим «максимом» в кусты придорожные. Минут через пятнадцать ударил с сопки его пулемет. Точненько в бок белогвардейцам. Заметались они от неожиданности, повскакивали с земли.

— Шрапнельный! — скомандовал Лехе Сенюшкин. Леха тут же снаряд подал. За другим кинулся.

А Никитин с Майловым таскали и таскали березовые поленья, укладывали одно к другому впритык.

Прошло еще минут двадцать, и паровоз прерывисто загудел, просигналил Алексею Запевалову: «Возвращайся!»

Беляки, наверное, глазам своим не поверили, когда увидели, что бронепоезд, чуть сдав назад, снова двинулся вперед — по лежащим на земле березовым поленьям. И прошел ведь!

Когда враги остались уже позади, Шмай отстегнул от ремня маузер, протянул его Никитину.

— Держи, Петр! — сказал. — Это тебе за смекалку и храбрость.

Леха при этом не присутствовал, потом уже от товарищей узнал.

К ним тогда на орудийную платформу комиссар пришел.

— А все-таки мы, товарищи, прорвались! — улыбнулся. — Гатчина уже рядом. Там — наши.

ЮДЕНИЧ

Шел Юденич к Петрограду:
«Всех побью! Меня не тронь!»
Приготовлен был к параду
Генералу белый конь.

Только белые полки
Напоролись на штыки!
И хвастливый генерал
Так проворно удирал,
Так бежал, не чуя ног, —
Конь догнать его не мог!

КОННИЦА, ВПЕРЕД!

В тучах небо сизое.
На траве — роса.
Конная дивизия
Уходит на рысях.
Трубы голосистые!
Острые клинки!
В бой идут башкирские
Красные полки!

Где-то под Полтавою
Был их первый бой:
Развернулись лавою,
Понеслись стрелой,
Засверкали пиками:
— Эй, поберегись! —
В штабе у Деникина
Стекла затряслись.

Степь дрожит под топотом,
Вьется пыль дорог.
— Это чьи окопы там?
Кто там поперек? —
Лаву краснозвездную
В битве не свернешь!
И летело грозное,
Громкое:
— Да-ешь!

• • •

Много у республики
Недругов-врагов.
Много у республики
Огненных фронтов.
Генералов вражеских
Всех и не сочтешь!..
Чуть с одним расправишься,
Только разобьешь, —
Глядь, другой надеется:
Может, повезет...

Армия Юденича
К Питеру ползет.

• • •

Прямо из теплушек —
В седла — и в огонь!
Сам на голос пушек
Скачет верный конь.
Конь горячий, храбрый, —
Видно, в седока.
Скачет, скачет Гагрин,
Командир полка.

В черных клубах дыма
Тает горизонт.
Встал неколебимо
Петроградский фронт.
Как тут ни старался,
Как ни напирал,
Только просчитался
Белый генерал.

Словно раки задом,
Медленно пока
Пятятся на запад
Белые войска.
Ничего... Погоним —
Побегут быстрей!
— Третий полк,
по коням!
Сабель не жалей!

• • •

Не буря ходит волками,
Сметая бурелом, —
Сверкают сабли —
молнии!
Грохочут пушки —
гром!
Летят в атаку конники:
— Поберегись, ожгут! —
И золотопогонники
Бегут,
бегут,
бегут!

• • •

Первую награду
Получает полк:
Знамя Петрограда —
Алый шелк!
И под красным стягом
Впереди башкир —
Сам товарищ Гагрин,
Красный командир.
Кони бьют копытами —
Чудо-хороши!
И бойцы испытаны —
Бик якши!

• • •

Солнце к ночи клонится.
Слышен звон подков.
Дальше, дальше конница
Гонит беляков.
Силою ударною
Рвет заслон любой.
Над рекою Нарвою
Не смолкает бой.

...Свищет звон металла.
...Вой снаряда.
Взрыв!
Дыбом поле встало,
Солнце заслонив.
Словно в полдень ясный
Туча наплыла...
Вздрогнул конник красный,
Выпал из седла.
Выронила шашку
Крепкая рука.
На листве опавшей —
Командир полка...

— Ординарец, слышишь?
Не юли, постой...
Я из боя вышел,
Но не кончен бой.
Передай ребятам:
Из-за рощи бьет...
По ложбине надо...
Конница, вперед!

• • •

В бой летят башкиры
Третьего полка:
— Ну, за командира
Всем секир башка!

Был Юденич — нету.
Навсегда удрал
Из Страны Советов
Белый генерал.

...Цокают подковы.
Брякает узда...

Фронт открылся новый.
Дан приказ:
туда.

Наказ красноармейцу
БЕРЕГИ ПАТРОН!

1. Береги патрон — он обеспечит тебе, товарищ, завоевание свободы.

2. Храбрый солдат стреляет тогда, когда видит цель. Трус палит в небо, чтобы не было страшно.

3. Стреляй редко, но метко.

4. Частая стрельба только портит винтовку, а врагу вреда не приносит.

5. Патрон стоит денег. Деньги твои — народные. Расстреливая патроны и выпуская их зря, разбазариваешь народные кровные деньги.

6. Не бери с собой лишних патронов и не теряй их. Помни, каждый патрон может спасти товарища и уничтожить врага.

7. Лучше один-два патрона толково, чем десяток-другой — бестолково.

8. На мушку лови, а потом и пли.

9. Не выпускай обойму, когда можно сразить врага одним патроном.

10. Штык — молодец, а пуля лучше: начинает издалека бить врага.

11. Сколько патронов сбережешь до конца, столько врагов положишь наверняка.

12. Хочешь победить — береги патрон: он тебя не выдаст.

Политуправление Реввоенсовета Республики.
1919 год

ПЕРЕПРАВА

26 декабря 1918 года приказом Реввоенсовета Республики командующим 4-й армией Восточного фронта был назначен Михаил Васильевич Фрунзе. До этого дня никогда он в армии не служил.

В «Послужном списке» командарма-4 можно было найти строчки о том, что когда-то окончил он городское училище в Пишпеке (ныне город Фрунзе), потом гимназию в городе Верном (ныне Алма-Ата), стал студентом Петербургского политехнического института. А дальше... Борьба. Революционная работа подпольщика. Стачки текстильщиков. Бои на баррикадах. Два приговора к смертной казни. Тюрьмы. Каторга. Побег.

И когда Реввоенсовет Республики приказал члену партии с 1904 года Фрунзе стать командармом, он стал им. Повел полки и дивизии молодой Красной Армии против адмирала Колчака.

Да так умело повел, что заставил колчаковских вояк пятиться, отступать, а то и просто драпать.

19 мая 1919 года командарму-4 пришло распоряжение Реввоенсовета фронта:

«Продолжая преследование противника, овладеть районом Уфы».

...Над рекою Белой плыли утренние туманы. И хотя лето уже вступило в свои права, Белая никак не желала расставаться с весной: как разлилась в половодье, так и плескалась широкой темно-синей лентой, отделив берега друг от друга метров на двести.

Сотни лет была Белая просто рекой — теперь стала водной преградой. На левом берегу стягивал свои войска Василий Иванович Чапаев. На правом — готовились не пустить их в Уфу сорок тысяч колчаковцев.

Были они спокойны: все мосты разрушены, все лодки угнаны, а Белая — река глубокая.

Фрунзе приехал к чапаевцам 6 июня. Доложил ему Чапаев, как думает реку преодолевать, как Уфу брать. Фрунзе согласно кивал головой: план ему нравился.

— Как переправляться будете? — спросил.

— Да сначала думали с помощью подручных средств, — ответил Чапаев. — А тут наши конники подарочек преподнесли: утащили у белых два парохода и буксир.

Из штаба к берегу реки они вышли вместе.

Правый берег поднимался холмистой грядой. Пятна густых кустарников отчетливо темнели среди зеленых полян. Рыжие песчаные полосы выдавали недавно вырытые колчаковцами окопы. Пока над ними было тихо. Над рекою тоже стояла вечерняя тишь. Было слышно, как иногда всплескивала, играючи, мелкая рыбешка.

— Тут, Михаил Васильевич, — негромко говорил Чапаев, — разведчики мои перехватили распоряжение Колчака...

— О чем?

— Да о том, что ежели им, белякам, стало быть, удастся захватить в плен бывшего полковника генерального штаба Михайлова, ныне прозывающегося Фрунзе, то непременно доставить к самому Колчаку.

— Полковника генерального штаба? — удивился Фрунзе. — Ишь ты!

— А как же! Неловко ведь адмиралу драпать неведомо от какого воинского чина, вот и произвел вас в генштабисты. Того гляди, в генералы произведет.

— Не успеет. Скоро мы его самого «разжалуем».

Вернулись в штаб, договорились: переправой будет лично руководить начдив Чапаев, командовать полками на правом берегу — Иван Кутяков, первым переправляется Иваново-Вознесенский полк, за ним — Пугачевский...

Чуть слышно в тишину июньской ночи просочились ритмичные вздохи пароходных котлов, иногда слышалось, как поскрипывают сходни. Но ничего лишнего не звякало, не доносилось никаких громких команд. Неслышно грузились полки. Неслышно отчаливали пароходы, высаживали на том берегу бойцов и спешили обратно — за следующими ротами. Еще тише и незаметнее сновали между берегами плоты, словно растворяясь в ночной мгле.

Фрунзе, Чапаев и комиссар дивизии Фурманов напряженно вслушивались в тишину ночи. Иногда перебрасывались короткими фразами.

— Кутяков уже цепи укладывает, — скорее догадывался, чем слышал, Чапаев.

— Хорошо, что нет луны, — отозвался Фурманов. — Разведчики докладывали: у белых двадцать пять аэропланов.

Утренний холодок сверкнул росами на травах. Первые лучи рассвета прорезали белый туман, разорвали его на клочки, погнали куда-то вдоль реки.

— Пора, — заключил Чапаев.

За спиною командиров грохнули дружным залпом орудия наших батарей. Взметнулись фонтаны земли вблизи вражеских окопов. Минут пятнадцать молотили пушки колчаковскую оборону.

Фрунзе видел в бинокль, как из окопов стали выскакивать черные фигурки, бежать прочь от разрывов, от реки.

И тогда поднялись цепи иваново-вознесенцев.

Со штыками наперевес пошли к окопам, ворвались в них, преодолели и двинулись дальше. Орудия тоже перенесли свой огонь в глубину обороны колчаковцев.

Но вскоре орудия замолчали и сами двинулись к реке, торопясь переправиться на тот берег.

Четыре броневика тоже спешили к реке, первыми забрались на пароходы.

Теперь с того берега доносилась только ружейная перестрелка да скороговорка пулеметов. Хорошо слышная, когда стреляли наши, и глуховатая, когда огонь вели колчаковцы. Чапаев, чутко прислушиваясь, вскоре определил:

— Патроны кончаются.

Они и впрямь были на исходе. Пока переправляли людей, было не до боеприпасов.

Судя по всему, колчаковцы тоже почувствовали, что патронов у наших почти не осталось. В сомкнутых рядах, ощетинившись штыками, двинулись к реке офицерские и юнкерские батальоны.

Наши цепи, словно споткнувшись о стену плотного пулеметного огня, остановились.

Надо их было чем-то поддержать! Немедленно! Но артиллерия еще только грузилась на пароходы. Переправленные на тот берег броневики сразу же забуксовали в рыхлом песке, три из них, упав на бок, и совсем вышли из строя.

— Вот подвели! — рубанул рукой воздух Чапаев. Наблюдая за боем, он не отрывался от бинокля, а теперь, опустив его и оглянувшись, обнаружил только Фурманова. Фрунзе не было.

Командующего он увидел уже на реке, на палубе одного из пароходов. Кораблик ткнулся носом в песчаный берег, развернулся к нему бортом, сбросил трап.

Отчетливо было видно, как Фрунзе повел под уздцы свою неразлучную Лидку, вскочил в седло. Рядом с ним вскочил на коня начальник политотдела армии Тронин.

А вдоль остановившихся цепей бегал Иван Кутяков:

— Патроны беречь! Ни шагу назад! Некуда нам пятиться: река сзади. В резерве только штык!

Ивановозвесенцы отбивали уже третью атаку.

— Патронов давай! — разносилось по цепи.

Но патронов не было.

— Принять в штыки! — кричал Кутяков. Голос его тонул в трескотне перестрелки.

Батальоны колчаковцев приближались.

Дрогнули цепи ивановововознесенцев, попятились. Но и отступая, они все равно смотрели вперед, на врага. И не сразу заметили двух всадников, проскакавших от реки через их ряды. Один тут же спрыгнул с коня, взмахнул рукой с маузером:

— Товарищи, патроны уже везут! Вперед!

— Фрунзе!

— Фрунзе в цепи! — пронеслось по рядам бойцов.

На мгновение цепь замерла.

Качнулась.

И пошла вперед.

Вслед за командующим, который, чуть прихрамывая, бежал впереди.

Вихрем примчался к переправе Чапаев.

— Гони! Скорее! — выдохнул он оторопевшему капитану. — Там Фрунзе в цепи!

И Кутяков заметил командующего. С одним-единственным батальоном шел он навстречу колчаковцам.

— По коням! Прикрыть! — крикнул Кутяков находившимся рядом ординарцам. — Головой отвечаете!

ФРУНЗЕ
Михаил Васильевич

Член Коммунистической партии с 1904 года. В годы гражданской войны командовал армией, Южной группой войск Восточного фронта, всем Восточным фронтом. В 1919 году — командующий Туркестанским фронтом, в 1920-м — Южным фронтом при разгроме Врангеля. В последующие годы — нарком по военным и морским делам, одновременно начальник штаба РККА, член Совета Труда и Обороны.

ФУРМАНОВ
Дмитрий Андреевич

Писатель, партийный работник. Член Коммунистической партии с 1918 года. Секретарь Иваново-Вознесенского губкома РКП(б). Военком 25-й Чапаевской стрелковой дивизии. Заведующий политотделом Туркестанского фронта. Участник подавления контрреволюционного мятежа в городе Верном и разгрома улагаевского десанта. Награжден орденом Красного Знамени.

А батальон перешагнул гребень холма, и только по раскатистому «ура!» было понятно, что он наступает.

От переправы уже спешили повозки с патронами. Вскоре вовсю заговорили наши пулеметы.

С фланга в развевающейся бурке летел впереди эскадрона Чапаев. Видно было, как конники, выгнувшись серпом, заходят в тыл колчаковским батальонам.

И тогда на гребне холма снова появился всадник. Кутяков сразу узнал: Фрунзе.

Веселый, еще не остывший от боя, подскакал он к Кутякову, снял из-за плеча две винтовки:

— Получай, командир, трофеи! Сам взял. Лично.

Бой продолжался.

Он грохотал уже второй день.

Бросались в контратаки офицерские батальоны.

Шли в «психические» каппелевцы.

Над головами гудели моторами вражеские аэропланы.

Со стороны было заметно, как два аэроплана все время кружатся, спускаются до бреющего полета вблизи Фрунзе. Командующий не обращал на это внимания. Он даже не сразу понял, что произошло, когда сзади ухнуло оглушительным взрывом, взвилась на дыбы Лидка, повернулась грудью к звенящему свинцу и рухнула, придавив ему ногу. Глаза заволокло туманом. Из носа, из ушей хлынула кровь.

Контуженного Фрунзе пытались увезти с поля боя, а он в беспамятстве доказывал, что обязан остаться в бою.

Отыскали колчаковские летчики и Чапаева. Полоснули по начдиву пулеметной очередью. Пуля пробила фуражку, застряла в голове. Хорошо, что неглубоко. Тут же, на поле боя, ее и вытащили.

Василий Иванович сидел на табуретке, до боли сжимал в кулаки пальцы, но молчал, терпел. Никто не слышал, чтобы начдив застонал от боли.

Встретились они уже в Уфе.

Фрунзе — с рукою на перевязи. Чапаев — с забинтованной головой.

— С победой, товарищ командующий! — лихо отчеканил Чапаев.

— Спасибо, Василий Иванович. Только почему вы здесь? Я ведь дал указание медикам не отпускать вас из госпиталя. Вы же ранены.

— Царапнуло, — озорно сверкнул глазами начдив. — Вот вам действительно покой нужен, у вас как-никак контузия!..

— Чего уж там!.. — улыбнулся и Фрунзе. — Оба хороши, оба нарушители. Вместе и ответ держать будем. Хотя, как мне помнится, древнее правило гласит: «Победителей не судят»!

ЧАПАЯТА

На германском фронте был у Чапаева хороший друг — Петр Камешкерцев. Чапаев любил над Камешкерцевым пошутить. Камешкерцев любил поворчать. Особенно после чапаевских плясок.

— Шальная твоя голова, Василий, — говорил. — Ну чего ты опять на бруствер выскочил? Пули-то вжикают!

— Ноги затекли, — отшучивался Чапаев. — В окопе-то все на корточках сидим. А тут — балалаечка барыню играет!

— Ну и хлопал бы в ладоши! А то прямо перед германцами вприсядку! Все геройство свое выказываешь? Так и без этого все знают, что ты герой. Вон крестов-то полный бант брякает!

Шутил ли Чапаев, ворчал ли Камешкерцев, а все равно друзья были — водой не разольешь!

Снаряд германский разлучил их. Разорвался поблизости — и не стало Петра Камешкерцева. На руках у Чапаева и умирал.

ЧАПАЕВ
Василий Иванович

Крестьянин. Участник первой мировой войны. Член Коммунистической партии с 1917 года. Командир отряда, комбриг, начдив. Участник боев против войск Колчака. Награжден орденом Красного Знамени. В 1919 году погиб в бою.

— Ты, Василий, детишек моих не оставь... — прошептал перед смертью. — Две дочки в деревне-то...

— Не оставлю, — пообещал Чапаев.

Вернулся он с германского фронта, разыскал в деревне Березово вдову своего друга. Да тут же и порешил: «Ты вот что, Пелагея, перебирайся-ка ко мне. У тебя две дочки без отца, у меня трое мальцов без матери. Пусть они все вместе растут. Будешь моим детям матерью, а я твоим дочкам — отцом».

И все было бы хорошо, да война ведь! Со всех сторон беляки наседают. Чапаевские полки не выходят из боя. Никак Василию Ивановичу к своим ребятишкам не выбраться.

Но если уж случалось такое, распахивал он двери своей избы — что тут начиналось!.. Все его чапаята на батьку в атаку шли! Кто шашку тянет, кому в бинокль посмотреть надо, дочки папаху примеряют, сынишка Аркадий в отцовскую бурку кутается!

Пыль столбом, дым коромыслом!

А Чапаев доволен — в усы улыбается! Кого под самый потолок подкинет, кого на плечи посадит — и рысью по двору! Писк! Визг! Смех!

Однажды, правда, не до смеха вышло...

Так крепко громил беляков Чапаев, так им досадил, что они стали за Василием Ивановичем охотиться. Разузнали, где его семья живет, решили подкараулить.

В тот день как раз между боями передышка вышла. Кликнул Чапаев верного порученца своего Петра Исаева, пригласил командира Разинского полка Ивана Бубенца, позвал еще двух красноармейцев (помочь старику Чапаеву дров к зиме наколоть), и поехали они в гости.

Все было, как всегда: и смех, и писк, и визг. Только вдруг углядел Бубенец в окно, что мимо чапаевского дома возы с сеном тянутся. Да все нескладные какие-то, раздерганные...

— Не нравятся мне эти возы, — говорит.

Чапаев тоже в окно глянул — и за шашку рукой.

— Отец, — кричит, — затворяй ворота! Петька, седлай коней!

А сам — к ребятишкам. Хватает одного за другим и на пол подальше от окон вдоль стены укладывает.

— Лежать! — приказывает. — Голов не поднимать!

В это время как раз — дз-зинь! — пуля стекло вышибла.

Возы на дороге остановились. Из-под сена беляки выскакивают. Бегут с винтовками к чапаевскому двору.

— Многовато, — прикинул Бубенец.

— Значит, бить сподручнее, — отозвался Чапаев. — В одного стрелять — так и промахнуться можно, а в кучу-то уж обязательно попадешь!

Петька во двор к лошадям убежал. Бойцы возле окон с винтовками пристроились.

А с улицы уже крики доносятся:

— Чапай, выходи! Все одно нас больше!

Чапаев сквозь разбитое окно из маузера — хлоп!

— Вот и поменьше стало, — отвечает.

Залегли беляки по канавам, возле соседского забора в траву бухнулись, за возы свои попрятались.

— Выходи! — кричат. — А то спалим!

— Это они могут, — говорит Бубенец. — Сами-то мы как-нибудь и вырвались бы, детишек жалко.

— А коли так, — отвечает Чапаев, — не прорываться нам надо, а искромсать их в капусту. Всех до единого. Выходи во двор! — командует. — По коням!

Никак беляки этого не ожидали. Думали, что Чапаев будет в доме сидеть да отстреливаться, а тут — на тебе! Ворота настежь! Летят на них конники! Шашки наголо! Чапаев так еще и с маузером в другой руке.

Дрогнули беляки, растерялись. Повскакали — и бегом.

Петька еще разворошил ближайший воз, а там под сеном — пулемет!.. Очень кстати прихватили его с собой беляки. Петьке пулемет — только в руки дай. Он ведь еще на германской унтер-офицером служил, с любым оружием знаком!

Скоро уже ни стрелять, ни рубить стало некого.

Чапаев шашку свою в ножны кинул.

— Так-то, — говорит. — Не ходи незваным в гости!

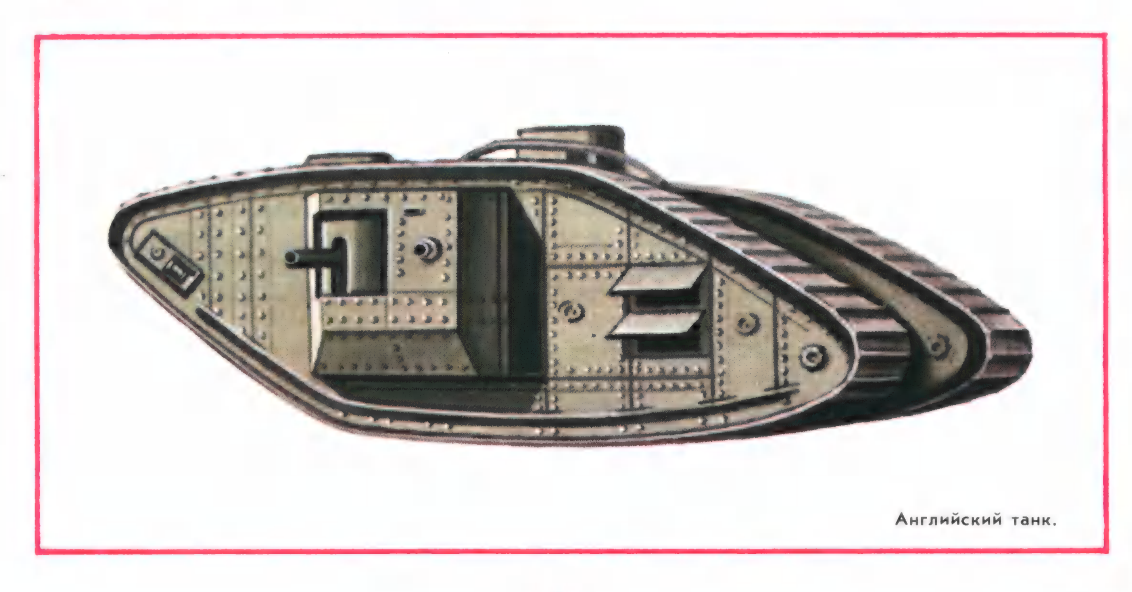
Иван Бубенец радости своего начдива, однако, не разделил.

— Все же, Василий Иванович, — говорит, — надо тебе своих стариков с малышнею в другое место перевозить. Ты же не всякий день дома гостюешь.

— Подумаю, — согласился Чапаев.

Тут в разговор Аркашка встрял. Прибежал и докладывает:

— Мамка велела в избу вертаться. Молоко пить. Холодненькое! Из подпола достала.

Английский танк.

КОГО ПОЗДРАВЛЯТЬ С ПОБЕДОЙ?

Если десять тысяч километров пролететь на самолете, в кресле сидеть устанешь. А если пройти их пешком? И не просто пешком, а с боями, через войну? Это и представить трудно. Но если сложить все пути-дороги, что прошагал по огненным верстам гражданской войны красный командир Дмитрий Петрович Жлоба, получится как раз столько: десять тысяч километров.

В ноябре 1917 года сформировал он в Донбассе Ясиноватский красногвардейский отряд и пошел с ним на Киев, Петлюру громить.

Начался его боевой путь. Сколько на нем боев было — и сосчитать трудно. Но один из них всем жлобинцам навсегда запомнился.

Было это осенью 1919 года. Рвался тогда к Москве генерал Деникин. Лютовали, врываясь в наши тылы, конные корпуса белых генералов Мамонтова и Коновалова. Против них и была послана в сражения 1-я партизанская кавалерийская бригада Дмитрия Жлобы.

Встречные кавалерийские бои всегда самые тяжелые, самые кровавые. А тут еще ни дня передышки нет. Да что там дня!.. Ночные налеты тоже один за другим. Кони устали, бойцы еле в седлах держатся.

Гнали, преследовали беляков жлобинцы — совсем вымотались. Думали, хоть в хуторе Огареве отдохнут. Так ведь нет! Скачут из штаба вестовые с приказом: «Не расквартировываться! Лошадей кормить усиленно!»

Командиры полков к Жлобе побежали:

— Что случилось?

— Самим, что ль, не понятно? Выдыхаются беляки, но кусаются больно. Есть сведения, что намерены они нынешней ночью на наш авангард напасть, что в хуторе Богомолове стоит. Нас там не ждут. Вот мы их и встретим!

Договорить не успел — копыта стучат. Связной прямо из седла докладывает:

— Товарищ командир, беляки на Богомолов идут.

— Видите? — спрашивает Жлоба. — Совсем обнаглели. По коням! Всем через правое плечо белые полотенца повязать, простыни, все что угодно, лишь бы белое. Чтобы не порубать друг друга.

Поскакали.

Недоезжая хутора слышат: «ура!» гремит — беляки их авангард атакуют.

— В лаву! — командует Жлоба.

Развернулась бригада лавой, обогнула хутор с двух сторон, вклинилась в белые цепи — руби с плеча!

Откатились в поле белые цепи, оборону заняли. Отсиделись, дух перевели — в контратаку пошли. Отбили контратаку жлобинцы. Да так вовремя! Скачет к Жлобе командир бокового дозора:

— Товарищ командир, с правого фланга целая бригада беляков на рысях скачет!

— Хорошее дело, — говорит Жлоба. И отдает тотчас приказ: отступать от хутора.

Наши командиры опять в недоумении: как так отступать? Контратаку отбили, — значит, в преследование надо идти, а не отступать!

Жлоба лишь в усы улыбается:

— Победа там и без нас будет. Давайте отводите полки да сидите тихонько.

Ничего командирам не понятно, но приказ есть приказ. Отошли от хутора, спешились, прислушиваются, что в ночи происходит.

А туда, где только что их полки были, беляки на конях ворвались.

— Ура-а-а!

Отрезают с фланга путь своим же белякам, драпающим. Поди разбери в ночи, кто тут чей!

А драпающим что делать? Те коней повернули и на своих!..

Стоят жлобинцы, слушают, как там пулеметы строчат, рубка идет.

— О, лихо они «нас» бьют, — говорит Жлоба. — С двух сторон окружили.

Целый час в цепи шла сабельная катавасия. Потом, когда уже утихать стала, Жлоба скомандовал:

— По коням! Поскачем, посмотрим, кто там кого победил.

На рассвете подсчитали. У беляков семьсот человек убитых и раненых, трофеи — двадцать два пулемета и две сотни лошадей.

ЖЛОБА
Дмитрий Петрович

Член Коммунистической партии с 1917 года. Командир Красногвардейского отряда во время Октябрьского вооруженного восстания в Москве. Начдив на Кубани, под Царицыном, командовал группой войск в Астрахани, конным корпусом на юге, кавалерийской дивизией в Закавказье.
Награжден двумя орденами Красного Знамени.

ЛЕНИН
ШТАБЪ

ПЛАСТИНКА

В неприметную ложбинку,
Что сбегала под уклон,
Комиссар привез пластинку,
Граммофонную пластинку
В красный конный эскадрон.

Первым вроде бы услышал
Возле штаба часовой:
На пластинке-то записан
Голос Ленина! Живой!

Полчаса — и возле штаба
Все бойцы до одного:
— Нам послушать Ильича бы!
Что за голос у него?

В эскадроне — чудо-кони!
Есть тачанки, лазарет,
Есть гармошка в эскадроне!
Граммофона нет как нет...

Вот обида! Вот досада!
Где его на фронте взять?
И сказал разведчик:
— Надо
По деревням пошукать.

Ускакали кони-птицы
В пламенеющий закат.
Эскадронному не спится:
Ждет разведчиков назад.

Зорькой утренней туманной
Возвратился звон подков:
— Есть! Нашелся ненаглядный!
— Где же он?
— У беляков.
Сорок верст. Деревня Бельцы.
Чисто поле с трех сторон.
Там как раз белогвардейцы
Крутят этот граммофон.
— Сколько их?
— Полка поболе.
Пушек вроде не видать.
— Ну так что? По коням, что ли?
Комиссар, вели седлать.

Как пошли, пошли наметом —
Версты длинные не в счет.
И тачанка с пулеметом
Ни на шаг не отстает.

Офицеры в Бельцах спали:
Водку жрали до утра.
Чуть глаза свои продрали —
Под окошками «ура»!
Кто куда!
В кусты!
В картошку!
А полковник — на чердак.
Норовил стрелять в окошко,
Только сам оттуда — шмяк!

Кучку пленных возле клети
Окружили с трех сторон:
— Отвечайте, вражьи дети:
Где тут этот... граммофон?

— У поповны... Во времянке...
И пластинки есть у ней...

Засверкал он на тачанке —
Драгоценнейший трофей!

Шла тачанка осторожно,
Потихоньку к дому шла.
Сорок верст, как только можно,
Ящик с ручкой берегла.

Пулеметчики, разведка,
Даже кухня — все пришли.
Раздобыли табуретку —
Граммофону принесли.
Эскадронный бурку скинул,
Пригляделся, что к чему.
Сам решил крутить пружину,
Не доверил никому.
Покрутил, сказал:
— Готово. —
И, отчетливый вполне,
Голос Ленина родного
Вдруг раздался в тишине.

Ветер спрятался в рябинки.
Пахла мятою трава.
И звучали на пластинке
Всем понятные слова.

Жалко, быстро отзвучала,
Лишь иголочка скоблит...
— Можно это... все сначала?
Хорошо он говорит.

Ленин!
Он, казалось, рядом.
У молоденьких дубков
Говорил:
мол, так и надо
Бить повсюду беляков!

В ПЕСКАХ

Пески...

Море песков.

Океан песков!

Барханы их похожи на волны Каспия. Только у моря волны ласковые, а у Каракумов злые. Солнце накалило их так, что кажется, будто кони идут сквозь пламя.

Пески!..

Они хватают коней за ноги, тянут куда-то вглубь, и коням приходится все время вытаскивать их из желтого сыпучего плена.

Жарко!..

Лошади даже перестали жевать удила. Совсем выбились из сил.

Всадники тоже еле держатся в седлах.

Пески!.. Пески!.. Нет им конца...

Пустыня.

Как же это они взяли мало воды? Надеялись дойти до Мерва за одну ночь? Мальчишки! Нерасчетливые юнцы! И это им старейшины-яшули доверили такое важное задание!..

Всего лишь день назад сказали им яшули: «В Мерв уже вошла Красная Армия. Вы должны перейти пустыню и найти командиров. Скажите им, что англичане ушли из Теджена, что здесь остались только белогвардейцы. И скажите еще, что мы ждем красных воинов. Нет больше сил терпеть!»

Так сказали старейшины-яшули.

И еще сказал Кизыл-хан: «Передайте красным командирам, что мои конники тоже будут бить белых. Больше генералы не обманут нас, не пошлют стрелять в своих братьев».

Им дали выносливых коней, винтовки. Нашли проводника.

Вот только воды они захватили мало...

Их бурдюк уже превратился в высохший чарык [1].

Молча едет Акмурад. Думает о воде. Молчит Ораз. Думает о воде. Берды тоже думает о воде.

Когда в горле давно уже пересохло и язык стал шершавым, как наждачная бумага, в голове не остается никаких дум. Только одна — о воде.

И все время кажется, что за следующим барханом непременно будет вода.

Но там ее нету. И за следующим барханом тоже...

Потревоженный песок мелкими струйками сбегает с барханов. Его ручейки похожи на воду. И от этого еще больше хочется пить.

— Айгерен, — говорит проводник и протягивает вперед руку.

Даже кони поднимают головы. Словно и они знают, что айгерен — это колодец. Вокруг него когда-то жили люди. Теперь не живут. Но колодец остался. И в нем должна быть вода!

Кони сами находят к нему дорогу.

Люди бросаются к черной дыре. Опускают на веревке бурдюк. И...

— Отравлен, — сплевывает воду Берды.

— Нет, — отплевывается Акмурад. — Они побросали в колодец расстрелянных.

Ораз ничего не говорит. Он молча плачет...

Даже кони, едва понюхав воду, отворачиваются.

— Надо ехать дальше, — говорит Акмурад. — Впереди в седловине должна быть вода.

— Если ее там не будет, — с трудом поднимается Ораз, — я сяду в песок, закрою глаза — и дело с концом.

— А кто приведет красных командиров в Теджен? — спрашивает Берды, забираясь в седло.

И снова — пески, пески...

Текут сухие ручейки с раскаленных барханов.

Все сильнее палит солнце.

Чтобы отвлечь товарищей от тяжелых дум, Берды спрашивает:

— Какой сегодня день?

— Жаркий, — отзывается Ораз.

— Двадцатое мая девятнадцатого года, — отвечает всегда серьезный Акмурад.

О чем еще говорить?..

---

[1] Чары́к — туркменская кожаная обувь.

— Люди! — кричит проводник и снова выбрасывает вперед руку.

Может быть, у них есть вода?!

Четверо едут к ним навстречу. Длинные тени верховых ползут вниз по бархану. И сами люди как тени. Просто черные фигуры. Издали нельзя рассмотреть, молоды они или стары, туркмены или русские.

Ораз щурится. Прикладывает ладонь козырьком ко лбу.

— Бурказ, — глухо говорит он.

Руки сами тянутся к винтовкам.

Все знают Джепбара Бурказа. Совсем недавно он служил русскому царю, был агентом его охранки. Потом он служил англичанам. Теперь — белякам.

Бурказ тоже знает каждого из них.

— Куда путь держите, джигиты? — спрашивает он, подъехав. Серо-желтые глазки словно ощупывают четверых.

Четыре против четырех. Силы равны. Если раздастся выстрел, то неизвестно, в чью пользу может закончиться стычка.

— Мы едем в Мерв, — отвечает Ораз. Скрывать нет смысла. — А куда едете вы?

— В Теджен, — совсем ласково говорит Бурказ. — Вы же знаете, что я заготовляю продовольствие. Теперь еду за платой к полковнику Алексееву.

— И к генералу Маллесону поедете? — не выдержал Берды. — За ним тоже, поди, должок остался.

Грозно сверкнули глаза Бурказа:

— Мальчишка! У тебя еще молоко на губах не обсохло, чтобы распускать язык!

— Не гневайтесь, Джепбар-ага, — вмешался Ораз. — Не смотрите на нас так страшно. Ваше время прошло.

Акмурад щелкнул затвором винтовки. Это успокоило Джепбара лучше слов Ораза.

— Что ты, Акмурад, что ты? Неужели ты хочешь стрелять в меня?

— Понимай, как умеешь.

Бурказ еще раз оглядел всех.

Четыре против четырех...

— Молодец, Акмурад! — сказал он. — Настоящий джигит! Идите, да будет светел ваш путь! — Он опустил поводья коня, и тот осторожно прошел стороной.

— Не говори, что не слышал! — крикнул ему вдогонку Берды. — Иди сообщи Сердару: мы идем в штаб большевиков!

Слова будто подхлестнули Бурказа и его спутников. Не поворачивая голов взлетели они на бархан и скрылись за его гребнем.

— Надо было подарить ему пулю, — сказал Ораз.

— Нет, не надо, — отозвался Акмурад. — У нас другое задание.

И снова под копытами коней захрустел, зашипел песок. Они уже еле переставляли ноги, свесив языки.

— У Джепбара была вода, — вздохнул проводник.

— Была, — согласился Берды. — Но никто из нас не захотел попросить ее у врага.

Солнце палило так, что казалось, оно прожигает шерстяные халаты и

лучи его достают до сердца. Но четверо сидели в седлах, и кони шли не останавливаясь.

— Люди! — снова сообщил проводник.

КТО?

Впереди виднелись три верблюда и двое людей.

Кони тоже увидели их, зашагали побыстрее.

Догнав путников, все четверо выдохнули одновременно:

— Воды!..

Они пили и пили.

А путники советовали им:

— Нельзя вам в Мерв на конях и с оружием. Кто поймет, свои вы или чужие? Пока будут выяснять, может пройти не один день. Спрячьте коней, уберите оружие. Найдите в Мерве тех, кто вас знает и кому верят красные командиры.

— Вы правы, — отозвался Берды. — Мы так и сделаем.

...Председателю Реввоенсовета Закаспийского фронта Николаю Паскуцкому доложили:

— Вас хотят видеть трое парней. Говорят, что они из Теджена.

— Теджена? Как же они попали в Мерв?

— Через пески.

— Хорошо. Давайте их сюда.

Они вошли, покрытые пылью пустыни, усталые, но улыбающиеся.

— Значит, из Теджена? — переспросил Паскуцкий. — Чем можете доказать?

— Я знаю вас, — ответил Берды. — Вы жили в Теджене, и вас еще называли «рваным инженером».

— Верно! — рассмеялся председатель Реввоенсовета. — Губу я рассек еще в детстве. И кто же прислал вас?

— Яшули.

Паскуцкий кивнул:

— Садитесь, рассказывайте.

...Быстро промелькнули три дня. Снова надо было идти в пески. Обратно. В Теджен. Теперь уже с заданием Красной Армии.

Оказалось, что если идти через Каракумы с полными хурджинами воды, то дорога к Теджену может стать короче. Кроме воды они везли с собою тоненькие книжечки на татарском и узбекском языках — брошюры, как сказал Паскуцкий. И еще он сказал, что эти брошюры бывают иногда сильнее винтовок.

Они привезли их в Теджен. Отдали в надежные руки.

А следом за ними в Теджен пришла Красная Армия.

И стар и млад вышли встречать ее с водой и хлебом.

Когда же в песках совсем не осталось врагов Советской власти и даже последний басмач поднял вверх руки, Акмурад Оразов и Ораз Аррыков стали ответственными работниками, а Берды Кербабаев стал писателем — одним из первых в Туркмении.

Гуляев-Сусанин
Гуляев

КАК ДЕД ГУЛЯЕВ СУСАНИНЫМ СТАЛ

Жарко летом на Алтае.
Всюду сосен позолота.
Да еще лежит без края
Согра — топкие болота.
В эту согру лезть не пробуй!
Засосет, и след расстает.
Тропы есть. Но эти тропы
Только дед Гуляев знает.
Ходит слух, что партизанам
Он тропинки рассекретил.
Сам укрыл их за туманом
И вернулся на рассвете.

Зол полковник:
                    не догнали!
Не скосили пулеметом!
Вот накрыть бы на привале
Этих красных за болотом!
А ему уже шепнули:
— Дед Гуляев тропку знает... —
Солнце в небе
                    или пулю
Дед угрюмо выбирает.

— Умирать кому ж охота, —
Говорит старик неспешно. —
Проведу через болото.
Но не конных. Только пеших.

Сам на Постникова смотрит:
Мол, беги скорей в Бобровку!
Беляков веду, мол, в согру.
Доложи там обстановку.

По болотине за дедом
Беляки шагают следом.

Всё над согрою спокойно.
Пахнет соснами, смолою.
Спят болота.
Даже войны
Их обходят стороною.
Только — чу! — затрепетала
На безветрии осина.
Где-то крякнула устало
Вечно сонная трясина.
Кочки скинули дремоту.
Тишина в кусты нырнула.
Под присмотром караула
Дед шагает по болоту.

— Далеко ли?
                    — Верст двенадцать.
— Всё по согре?
                    — Не иначе. —
Вот уж начало смеркаться,
Тучи в небе солнце прячут.
Жирно чавкает болото —
Словно ужин предвкушает!..
Отстают солдаты что-то.
Дед быстрей, быстрей шагает.
— Где конец-то? Скоро, что ли?
— Скоро! Вон за той грядою.
— Ну, смотри, обманешь коли,

То заплатишь головою!—
А туманы ниже, ниже!..
Накрывают белой ватой.
Слышит дед:
                    «Постой, не вижу,
Где он, этот бородатый...»
Дед немедля — шмыг в сторонку!
На другую тропку вышел.
Крик летит ему вдогонку!
Да уже он тише, тише...

Партизан под утро встретил.
Командир целует деда.
— Погоди ты, как там эти?
— Пузыри пускают где-то!

А когда врагов прогнали,
Красный орден деду дали.
Ездил он в Москву-столицу.
Ленин деда принимал.
С красным орденом в петлице
У Калинина бывал.
Говорил ему Буденный:
«Ай да дед краснознаменный!
Ты ж у нас Сусанин, дед!
Про такого слышал, нет?
Жил такой под Костромою
Триста лет тому назад.
Снежной лютою зимою
В лес завел врагов отряд.
Сам погиб старик Сусанин,
Но и всем врагам — конец!
Был такой, как ты, крестьянин
И такой же молодец!
Ну, а ты — Сусанин ныне!
Привыкай, коль не привык!»
Вскоре деду это имя
Утвердил Российский ВЦИК.
Дома долгими часами
Внук учил его в тетрадь
И «Гуляев», и «Сусанин»
Через черточку писать.

КОМАНДИР ТРУБКА

Роман Иванович Сокк, командир 2-го Петроградского полка, с комиссаром бригады Чижовым спорил редко. Но уж если вступал в спор, стоял до последнего.

Вот и теперь, меряя шагами единственную комнату избы, говорил запальчиво, твердо:

— Не верю! Совершенно не верю! Ишь явился! Бекеша на меху, папаха черная!

— И лапти на ногах, — вставил Чижов.

— И сапоги в мешке! — тут же отразил Сокк. — Три Георгия!

— И три ранения, — опять вставил Чижов.

— Нет, все равно не верю! — горячился Сокк. — Да не похож он на подпрапорщика! Наверняка переодетый офицер. И возраст подходящий — тридцать пять лет. А трубка! Ты видел, какая у него трубка? Не для махорки точена — для английского табака!

— Я руки его видел, — возразил Чижов. — Руки кузнеца. Тут он не врет.

— Ладно, — неожиданно сдался Сокк. — На твою ответственность. Рядовым бойцом в роту. Кстати, как его фамилия?

— Вострецов. Степан Сергеевич.

В роте его тоже встретили настороженно. Были в ней сплошь питерские печатники, друг за друга держались крепко. А тут, что ни говори, чужак. Правда, товарищей он не чурался, пулемет знал лучше их всех, вместе взятых, под огнем назад не пятился — все-таки фронтовой опыт!..

Может быть, именно из-за этого фронтового опыта и поручили однажды Вострецову самостоятельную операцию.

«Тут невдалеке, — сказали ему, — офицерский батальон захватил деревню. Надо выяснить их намерения. Проведете разведку боем. С собой возьмете два взвода. Пулеметчики и разведка помогут».

К деревне подобрались на рассвете. Поутру, как известно, сон крепок. Если его оборвать внезапно, можно и испугать сильно.

«Действовать будем быстро, шуметь погромче, — объяснил Вострецов задачу. — Пусть думают, что нас тут целый полк».

Дремавший белогвардейский дозор не успел сделать и выстрела. В окна изб полетели гранаты. Дружное «ура!» слышалось сразу во всех концах деревни. Часа не прошло — уже пленных считали, седлали захваченных коней.

«Воевать умеет», — согласился Сокк, узнав о результатах вылазки.

Вскоре погиб командир роты. Заменить его поручили Вострецову.

За Урал он шел уже командиром полка.

...Столица «колчаковии» город Омск пытался создать видимость спокойствия. Расклеенные на заборах газеты утверждали, что от красных город будет защищаться до последнего солдата. Да и где они, красные? За двести верст! Пока по снегам доберутся, верные верховному правителю России войска построят непреодолимые укрепления.

Однако «министры» верховного дружно осаждали железнодорожные эшелоны, иностранные миссии покидали свои насиженные места и тоже спешили на восток. Штурмовали вагоны бородатые купцы и заводчики. Не отставали от них и удравшие с фронта офицеры. Под видом командированных лезли они на верхние полки, а то и под нары.

Но город действительно укреплял свою оборону. На подступы к нему были выдвинуты отборные офицерские части.

Петроградскому, Волжскому и Крестьянскому красным полкам был отдан приказ взять Омск.

Вострецов получил особое задание: захватить железнодорожный мост.

«Учти, — сказали ему, — мост наверняка минирован. Взрыва допустить нельзя. Он еще нам пригодится. Пойдешь командиром ударной группы. В твоем распоряжении — команда конных разведчиков всех полков».

Едва он прискакал к ним, по рядам конников прошелестело:

— Командир Трубка прибыл!

— Видать, жаркое дело будет!

ВОСТРЕЦОВ
Степан Сергеевич

Рабочий. Участник первой мировой войны, подпрапорщик.
Член Коммунистической партии с 1920 года.
В 1919—1920 годах — командир полка, начдив, начальник управления войск ВЧК по охране границ Сибири. Участник разгрома армий Колчака, штурма Спасска и освобождения Приморья. Награжден четырьмя орденами Красного Знамени.

Волжский полк столкнулся с колчаковцами у разъезда Лузино. С ходу захватили бронепоезд. Завязался затяжной бой. Не дожидаясь его окончания, ударная группа Вострецова проскочила сквозь боевые порядки белых, нырнула в темноту надвигающейся ночи.

На рассвете увидели мост. Огромной стальной громадой повис он над Иртышом. По крутой насыпи взбирались на него железнодорожные пути.

Едва приблизились, сразу попали под пулеметный огонь.

— Напоролись-таки! — посетовал Вострецов. — Отсюда моста не взять. Долгий бой вести у нас времени нет.

Развернулись конники, ушли обратно в лес. Где-то далеко от моста пересекли они железную дорогу, спешились. Лошадей оставили коноводам, сами двинулись вперед — ползком, по-пластунски.

Мягок сибирский снег! Но и колюч! В рукава набивается, в валенки. Щеки огнем жжет. Но — надо ползти!

Вон уже и проволочные заграждения с навешанными на них консервными банками. При ветре здесь такой оркестр звучит! Банка о банку бьются, о проволоку трутся — шум за версту! Не помешал бы ударной группе ветер, да нет его... Значит, надо поглубже, поглубже в снег! Под самый нижний ряд «колючки» подкапываться. Проползли. Ни одна банка не брякнула.

Степана Вострецова давно уже считали мастером внезапных ударов. И здесь он себе не изменил: без единого выстрела охрану моста сняли. Какого-то офицерика прямо за шиворот к Вострецову притащили:

— Пытался поджечь бикфордов шнур.

— Выдать ему по шее, чтобы со спичками не баловался, — бросил на ходу Вострецов. — Как с пулеметными точками?

— Все наши.

— Тогда, значит, так... Волжцам беречь мост как зеницу ока. Остальные за мной.

...Белогвардейские офицеры мерзли в окопах. Проклиная мороз, войну и все на свете, отсидев в земле короткое время, бежали они в близлежащие избы греться. Там, где изб не было, в обороне города появлялись щели, «окна». Местные крестьяне знали об этом. Сразу несколько человек вызвались проводить красных конников прямо к вокзалу.

Белые цепи еще лежали в снегу, когда далеко за их спинами в белом тумане морозного утра ударная группа Вострецова шла уже по тихим улочкам Омска. Сверкнули огни станции. Бросился в глаза длинный состав, состоящий сплошь из пассажирских вагонов. «Штабной», — определил Вострецов, направляясь к шикарному международному вагону.

Защелкали выстрелы. Но Вострецов уже вскочил на подножку международного, толкнул ногой дверь в тамбур, пару раз выстрелил вдоль коридора, распахнул дверь центрального купе, увидел растерянное лицо седоголового генерала, испуганных офицеров, растерявшихся, закутанных в меха дам.

— Сопротивление бесполезно! — объявил он. — Кто попытается — получит пулю. Оружие на стол и — выходи! Приехали. Вас, — обратился он к генералу, — попрошу остаться.

Отыскав глазами стоящий в углу аппарат полевого телефона, Вострецов снял с него трубку, протянул генералу, объяснил:

— Город занят красными войсками. Напрасно губить людей нет смысла. Немедленно прикажите командирам частей сложить оружие. Иначе я ни за что не ручаюсь, — добавил Вострецов, поднимая руку с маузером.

Генерал начал вызывать телефонную станцию.

В город, освобожденный от колчаковцев, входило утро 14 ноября 1919 года.

А спустя четыре месяца в маленьком деревянном кинотеатрике «Унион», единственном на весь город Мариинск, собралась полковая ячейка РКП(б). В повестке дня был доклад по текущему моменту и прием в члены партии командира полка Степана Сергеевича Вострецова.

Не успел он рассказать свою биографию, как один из командиров крикнул прямо из зала:

— Знаем Вострецова! Бойцы говорят, что наш Трубка давно партийный, только без билета.

— Не хором! По порядку, товарищи! — постучал ладонью по столу комиссар.

— Можно и по порядку, — поднялся командир 3-й пульроты Иван Булыгин. — Я давал рекомендацию командиру. Знал, кому давал. Нашей партии ох как нужны храбрые люди, толковые и дисциплинированные командиры. А мы ведь всем полком пример с Вострецова берем.

Булыгина сменил обычно молчаливый старшина пешей разведки Павел Олонкин:

— Ведь что удивительно, — сказал. — Я к тому мосту через Иртыш самым первым бежал. На мост самым первым влетел. А Вострецов уже там!..

В протоколе собрания записали: «Единогласно».

МОСКВА, КРЕМЛЬ, ЛЕНИНУ.

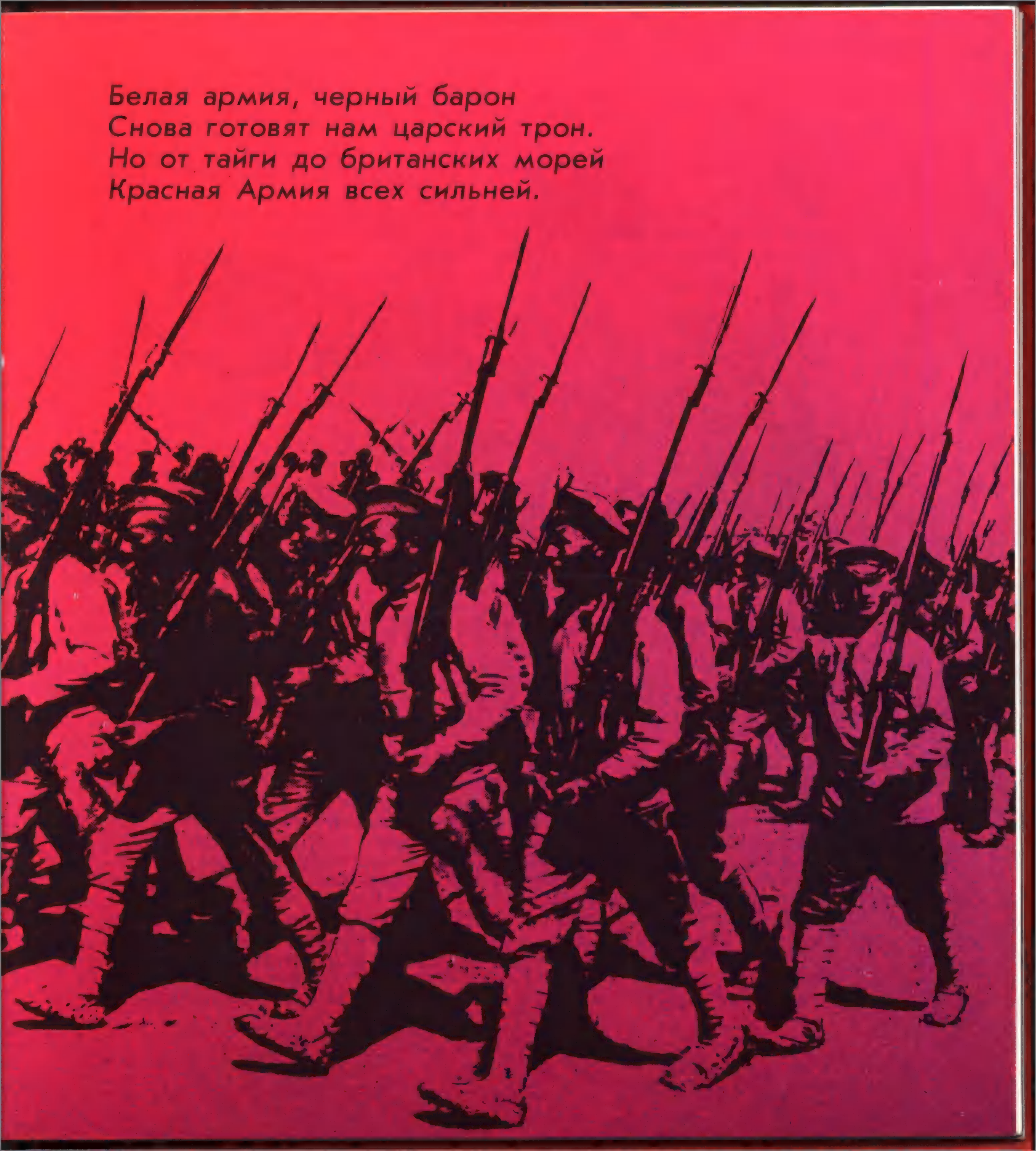
14 НОЯБРЯ ГОРОД ОМСК ОЧИЩЕН ОТ КОЛЧАКОВЦЕВ.
ВЗЯТО МНОГО ТРОФЕЕВ, ПЛЕННЫХ.

16 ДЕКАБРЯ ДЕНИКИНЦЫ ВЫБИТЫ ИЗ КИЕВА.
ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ПРОТИВНИКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

КОЛЧАК

Сухопутный адмирал
По фамилии Колчак
Захватил Сибирь, Урал...
А потом случилось так.
Крепко битый адмирал
Откатился за Урал.
Еле жив, едва дыша,
Добежал до Иртыша.
Отдышался — вновь попало!
Оказался у Байкала.
Тут уж красные войска
И добили Колчака.

1920

Белая армия, черный барон
Снова готовят нам царский трон.
Но от тайги до британских морей
Красная Армия всех сильней.

НЕПРИМИРИМЫЙ, НЕУЛОВИМЫЙ

Пароход слегка покачивало. Казалось, что он вовсе не спешит к одесским причалам, а лениво дремлет на мягкой волне, хорошо нагретой ласковым черноморским солнцем.

Хаджи-Коли, сухопарый грек с франтоватыми усиками, не поднимался на палубу. В каюте было прохладнее и ничто не отвлекало от размышлений. А поразмышлять, прикинуть, припомнить было необходимо. Если его, Хаджи-Коли, приглашает одесская контрразведка, значит, снова Котовский! Он, Хаджи-Коли, давно уже стал «главным специалистом по Котовскому». Никто не может поймать этого отчаянного человека, а он, Хаджи-Коли, ловил его. И не единожды.

Когда они встретились в первый раз? Да-да, в самом начале 1906 года. Все богатые дома Кишинева, да что там Кишинева — всей Бессарабии, дрожали тогда от одного только имени: Котовский! Газеты называли его «бандитом»,

«атаманом шайки», но это было не совсем так... Он, Хаджи-Коли, понимал это. Да, Котовский действительно нападал на помещичьи усадьбы, вытряхивал кошельки промышленников прямо на дорогах, отбирал оружие у стражи... Все это так. Но при этом Котовский не обогащался. Отнятые деньги раздавал крестьянам. Оружие? Это еще одна загадка. Оружие исчезало неведомо куда. Возможно, оно попадало к революционерам. Но — как?..

И еще: этот Котовский отчаянно смел. Смел до нахальства. Тогда ведь, в 1906 году, он удрал не просто из тюремной камеры, а из знаменитой Железной башни. Его одиночка находилась на высоте шестого этажа. Внизу у башни был поставлен дополнительный пост. И — на тебе! Удрал! Руками сломал скобы дверей своей камеры. Вышел в коридор. Перешагнул через спящего надзирателя. Проник на чердак. По веревке, сплетенной из разорванного одеяла, спустился во внутренний двор тюрьмы. Каким-то чудом миновав надзирателей возле внутренних ворот, прошел во второй двор тюрьмы. Подставил доску к ограде и — был таков!..

Полетели тогда секретные телеграммы: «31 августа кишиневской тюрьмы бежал опасный политический преступник балтский мещанин Григорий Иванов Котовский...»

То-то и оно, что — политический! Не уголовный. Не «бандит», не «атаман».

Он, пристав 2-го участка Хаджи-Коли, и не занимался уголовщиной. И не случайно ему поручили тогда вести следствие о побеге и, разумеется, поиск сбежавшего арестанта.

И попробуй-ка найди! У Котовского везде свои люди. В любом большом и малом селе. На любой заводской окраине. У фабричных и железнодорожников. О селянах и говорить не приходится!..

Единственный выход — провокатор. Найти человека, подослать к тем, кто бунтует, через них выйти на людей Котовского, а там уж!..

Но встретились они совершенно неожиданно. Просто шли навстречу друг другу по Тиобашевской улице.

Дело прошлое, но следует признать, что Котовский тогда нашелся быстрее, овладел собой мгновенно. Он, Хаджи-Коли, просто полетел на мостовую от удара кулака. (А силенки у этого Котовского — ого-го сколько!) Но все же, придя в себя, он, Хаджи-Коли, успел несколько раз выстрелить и даже ранить Котовского в ногу.

Все равно ушел!..

Взяли его уже потом. Тоже с помощью провокатора. В доме какого-то железнодорожника. Котовский и тогда старался уйти, выпрыгнул в окно, перемахнул забор. Но там его уже ждали...

Он, Хаджи-Коли, сам защелкнул тогда наручники на запястьях Котовского.

Те наручники сменили кандалы. Ручные, ножные и даже шейные.

Приговор суда гласил: двенадцать лет каторги.

...Хаджи-Коли решил все же выйти на палубу, подышать черноморским ветерком. Кажется, он уже отдохнул. Дорога была не такой уж легкой: на случайных подводах от Кишинева до Измаила, дальше уже на этом пароходе.

На линии горизонта показалась темнеющая полоска берега. Скоро уже Одесса. Непонятно, что в ней сейчас творится. Во-первых, там сейчас немцы. Во-вторых, петлюровские гайдамаки. В-третьих, войска генерала Деникина. Как

они там уживаются все вместе? Конечно, друг с другом не ладят. Большевики, оставшиеся в подполье, этим, разумеется, пользуются. А если там еще и Котовский!.. Н-да, не позавидуешь деникинцам!.. Но держаться следует именно их. Во-первых, именно их контрразведка вызывает. Во-вторых, люди посолиднее.

Что-то много получается всяких «во-первых» и «во-вторых»... Но считай хоть до «сотых», первым все равно останется Котовский.

Ведь надо же, до чего живуч! Он, Хаджи-Коли, сам всадил ему пулю в грудь. Уже после побега Котовского с каторги. Удрал ведь и оттуда! Через тысячи верст тайги! Сначала именно в Одессу и пожаловал. Потом уже в Бессарабии объявился.

Кому тогда поручили ловить Котовского? Ему, Хаджи-Коли. Кому же еще!.. И он снова выследил его. Вместе с полицмейстером Славинским они гнались за ним по ячменным полям. Их кони оказались сильнее. Котовский сам вышел к ним, заявив: «Я без оружия». И тогда они выстрелили. Он, Хаджи-Коли, из нагана, Славинский из карабина. Две пули в грудь!

И — жив!

Мало того: он, Хаджи-Коли, сам чуть не попал в руки Котовского, когда в январе 1918 года революционные отряды захватили в Кишиневе вокзал, телеграф, почту... Целую неделю отсиживался он тогда на чердаке. Пока не пришли войска Антанты. Власть Советов в Бессарабии кончилась. Что могли поделать разрозненные рабочие дружины Котовского с полками и дивизиями румынского короля? Правда, под Бендерами дрались котовцы отменно.

Но как он снова очутился в Одессе?

Везуч! Живуч и везуч! Тогда ведь, в 1916-м, его приговорили к смертной казни!

Февральская революция отменила.

Что же теперь? Предстоит новая встреча?

Предположения не обманули Хаджи-Коли. Подполковник в контрразведке сразу подтвердил это: «Да, Котовский. Есть сведения, что именно он. Направлен Москвою для организации подрывной работы на нашей территории. До этого проявил себя в должности командира различных кавалерийских соединений. Храбр. Способен принимать неожиданные решения».

Это Хаджи-Коли знал и без подполковника.

Разговор с другими офицерами контрразведки только подтвердил уверенность в том, что Котовский рядом. Кто, кроме него, мог отважиться на авантюру, подобную визиту к заводчику Ширяеву?

«Представляете, — заикаясь от волнения, лепетал лысенький капитан, — все началось с обыкновенной забастовки. Естественно, господин Ширяев зачинщиков всех выдал полиции, набрал с улицы других людей и — станочки запели свои песенки. И вдруг — письмо! Господину Ширяеву. С требованием освободить арестованных и удовлетворить все требования рабочих. Подпись: Котовский!..

Естественно, господин Ширяев вместе с этим письмом — к нам.

Получаю приказ: выставить вокруг его особняка негласную охрану. Дело естественное. Сидим, из-за кустиков поглядываем. Никаких котовцев не видно. Барин солидный такой в коляске подъезжает, останавливается. Естественно,

подхожу к нему, спрашиваю: «Что вам здесь угодно?» Барин из коляски выходит, на ходу тихо отвечает: «Через двадцать минут здесь будет Котовский. Я приехал предупредить».

Я, естественно, побежал предупредить посты, барин, шубу свою швейцару сбросив, последовал к господину Ширяеву.

И пробыл-то он там не более десяти минут. На прощание шепнул мне: «Будьте внимательны!»

Естественно, я внимание усилил. Минут через десять и верно: на конях скачут. Мы огонь открыли. Они тоже. И что бы вы думали? Свои своих!

Барин тот как раз Котовским и оказался. У господина Ширяева он за десять минут все сейфы опорожнить успел. Тот, едва коляска отъехала, тут же по телефону подполковнику позвонил. Наши на коней и вскачь. А мы по ним — залпом!..»

КОТОВСКИЙ
Григорий Иванович

Участник революционного движения с 1902 года, организатор вооруженных выступлений молдавских крестьян в 1905 и 1915 годах. Участник Октябрьской революции в Молдавии.
Член Коммунистической партии с 1920 года. Комбриг, начдив, комкор. Громил банды Петлюры, Антонова и Тютюнника. Член ЦИК СССР.

Хаджи-Коли молча кивнул: да, это — Котовский. И значит, ловить его на улицах, устраивать засады бесполезно: перехитрит. Надо пробираться в порт, идти поближе к заводам. Там выявить потихоньку, кто с ним связан. Ниточку найти!.. Одесса не Кишинев, здесь Хаджи-Коли никто в лицо не знает. Одеться порванее и идти.

В особняк на Екатерининской площади, где помещалась деникинская контрразведка, он заглядывал лишь изредка. Напасть на след Котовского не удавалось. Зато сведения о нем поступали частенько. Тот же лысенький («естественный», как прозвал его для себя Хаджи-Коли) рассказывал:

«Мсье Котовский вновь объявиться изволил. — Тон у капитана был уже другой, довольный какой-то, — наверное, тем, что теперь оконфузился не он, лысенький. — Богатея нашего господина Остроумова посетил. У того от золота сундуки ломятся. Куда девать? На балы спустить решил. На днях новый бал давал. Музыка! Танцы! Шампанское рекой льется! К полночи, правда, остались лишь избранные. Картежники. В покер на зеленом сукне сразиться.

Вскоре лакей приходит, докладывает: «Прибыл архимандрит киевский Зосима». Господин Остроумов, естественно, отвечает: «Проси». Архимандрит не стар еще оказался. Высок, плечист, борода окладистая, пышная, кудри до плеч. И его сыграть усадили. Сидят, картами по сукну шлепают, естественно, о видах на урожай беседуют. А ставочки-то знай растут. Золотые на столе — горкой, ассигнации — кучкой. Естественно, и о Котовском заговорили. Господин Остроумов и похвастался: к нему-де Котовский никогда не ворвется! А ворвется — тут же ему и крышка! У него, у господина Остроумова, мол, на этот случай особое устройство есть: возле ножки стола, под ковром, кнопочка секретная скрыта. Стоит наступить на нее незаметно — в полиции сигнал гремит.

Его преосвященство похвалили изобретательность хозяина. А когда денежек-то набралось на сукне предостаточно, поднялся архимандрит, откинул полы одеяния своего, а там — маузер!

«Ноги на стол! — командует. — Я — Котовский!»

Вот какая история-с...»

Однажды Хаджи-Коли удалось увидеть Котовского. Да только пойди-ка возьми его! В ту пору как раз власть в Одессе переменилась. Немцев сменили французы. В кайзеровской Германии вспыхнула революция, и бывшие солдаты

кайзера заспешили домой. Петлюровцы немедленно поцапались с деникинцами. Большевики момента не упустили — подняли восстание.

Вот тогда-то Хаджи-Коли и увидел Котовского. Прямо на улице. Во главе своего отряда шел он штурмовать тюрьму. Видел Хаджи-Коли, как выходили из нее «политические»...

Тут уж не до ловли Котовского было — самому бы уцелеть!..

Неизвестно, чем бы то восстание закончилось, если бы не пришли в порт французские военные корабли. Антанта высадила новый десант своих войск.

У Одессы объявился новый губернатор — генерал Гришин-Алмазов. При нем — французский консул Эпно. Для Хаджи-Коли жизнь вошла в свою колею. По-прежнему он ловил Котовского. По-прежнему безуспешно. Правда, контрразведка была им довольна: немало сообщал он фамилий, адресов, подпольных явок, выслеживал большевиков, которые вели революционную агитацию среди французов, греков, румын, распространяли газету «Коммунист» на русском, французском и греческом языках...

Да и Котовский вроде бы «сменил профессию»: богачей больше не трогал, налетал со своими неуловимыми чаще всего на склады с оружием, на эшелоны. И снова оружие исчезало неизвестно куда...

Совсем уже было напал на след отряда Котовского Хаджи-Коли: выследил опасного боевика Смирнова, прозванного среди большевиков Ваней-младшим, сообщил о нем в контрразведку.

Взяли Ваню-младшего.

Рассчитывал Хаджи-Коли, что должны котовцы кинуться отбивать своего товарища. А куда кинуться? В тюрьме Смирнова нет, в полицейском участке нет, в контрразведку не привозили... Хорошо упрятал он Ваню-младшего! На баржу № 4. Французы ее под тюрьму приспособили. Полагал Хаджи-Коли, что котовцы возле тюрьмы объявятся. Или возле полицейского участка. Там их и накроют! А тем временем Ваня-младший кое-чего поведает...

Все получилось не так. Котовцы обманом угнали баржу.

Ваня-младший этого часа не дождался, умер он от пыток. Но ни слова не вымолвил. После этого произошло неслыханное: Котовский напал на здание контрразведки!

Судя по сведениям, собранным позже, не один напал, а вместе с отрядом балтийского матроса Анатолия Железнякова. Морячки для них «добыли» французскую машину с трехцветным флагом. Сами же котовцы оделись в офицерские шинели деникинцев...

Контрразведчики тогда по горло заняты были. Из Екатеринодара от самого генерала Деникина делегация прибыла обсуждать планы совместных действий. В ресторане «Реномэ» — торжественный прием. Вот оттуда-то и исчезли все шинели деникинцев! И гостей, и хозяев! Прямо с вешалки!

Ясное дело, Котовский!

А позор-то какой!!!

Контрразведчики во все концы Одессы кинулись. По всем окраинам облавы начались.

А Котовский с Железняковым в тот же самый час к особняку на Екатерининской площади в самом центре города на машинах подкатывают. Часовой и пикнуть не успел — попал в железные лапы Котовского.

И всё! Спасайся, Хаджи-Коли! Всё, подчистую всё захватили в контрразведке котовцы: списки подлежащих аресту, списки осведомителей и тайных агентов!.. Немало, поди, удивился Григорий Иванович, обнаружив в тех списках фамилию Хаджи-Коли!

Пришлось бывшему приставу затаиться.

Издали слышал он, что Котовский снова арестованных из тюрьмы освободил. Потом из государственного банка весь золотой запас в неизвестном направлении вывез. А там уже и восстание началось. На Пересыпи, на Молдаванке, в Беляевке на водопроводной станции. Понятно, кто во главе восстания: Котовский! Надо же, даже артиллерийские батареи захватил!

Загудели у причалов корабли. Покатились к румынской границе эшелоны. Куда — французы, куда — румыны!

В ночь с 4 на 5 апреля 1919 года Воронцовский маяк не освещал, как обычно, Одесский порт. Наверное, дежурившие на нем офицеры тоже дали тягу. В город входили регулярные части Красной Армии.

Н-да, не успел он тогда вовремя покинуть Одессу... Испугался. Такой страх внутри него поселился — ноги сковал. Забился в незаметную щель Хаджи-Коли, нос боялся высунуть на улицу.

Петлицы по цветам родов войск: пехота; кавалерия; артиллерия; инженерные войска; авиация; пограничные войска.

Нарукавные знаки различия командного состава РККА, введенные в 1919 году: командир отделения; помощник командира взвода; старшина; командир взвода; командир роты; командир батальона; командир полка; командир бригады; начальник дивизии; командующий армией; командующий фронтом.

Размещение петлиц и знаков различия в 1919-м и в 1922 годах.

Иногда все же выходил на базар. Покупал у мальчишек-газетчиков «Известия Одесского Совета рабочих депутатов». Как-то узнал из них, что Котовский целой кавалерийской бригадой командует, дерется отчаянно.

В августе со стороны моря снова загремели орудия. На Большом Фонтане высадился белогвардейский десант.

Судя по всему, войска Котовского попали в крепкое окружение. Деникинцы, петлюровцы, махновцы шли на них со всех сторон.

Нет, он, Хаджи-Коли, твердо знал: Котовский не сдастся! Что-нибудь да придумает. Снова уйдет.

Вскоре узнал: ушел!

Со всеми своими войсками ушел на север. Четыреста километров с боями! От берегов Днестра до Житомира! И соединился-таки с главными силами Красной Армии.

И еще знал Хаджи-Коли: жди теперь Котовского обратно! Не может он не вернуться в Одессу.

Сколько раз Котовский обманывал Хаджи-Коли!.. На этот раз не обманул его ожиданий. Во главе кавалерийской бригады, входящей в состав 41-й дивизии Красной Армии, он шел на Одессу.

Нарукавные клапаны со знаками различия командного состава: главком; командир отдельной кавалерийской бригады или начдив; командир батальона, помощник командира отдельной роты; старшина.

Цвета петлиц на воротниках рубах и шинелей (1922 год): пехота; кавалерия; артиллерия; авиация; бронесилы.

Котовский так рвался вперед со своими конниками, что начдив 41-й не мог удержать его никакими доводами.

— Под Одессой сосредоточено до пятидесяти тысяч белогвардейских войск, — говорил начдив.

— Это не войска, а в-вороний к-корм! — отвечал Котовский. Волнуясь, он всегда немножечко заикался. — Я п-проскочу через них в г-город, н-наведу панику, и в-все будет к-кончено.

Он и впрямь поскакал, пришпоривая коня.

В местечке Потоцкое ему доложили, что кто-то вызывает по телеграфу Одессу. Котовский приказал телеграфисту:

— Отвечай: «Я — Одесса».

Побежала телеграфная лента:

«Принимайте точную оперативную сводку. Красная 41-я дивизия южнее Березовки, 45-я дивизия севернее Березовки и конная армия Котовского в самой Березовке. Прошу выставить сильную охрану со стороны станции Сортировочная, а также организовать оборону Пересыпи. Все. Генерал Шевченко. Кто принял сводку?»

— Стучи, — приказал Котовский. — «Сводку принял Котовский».

Нарукавные знаки различия по родам войск (1920—1922 гг.): пехота; кавалерия; артиллерия; инженерные войска; авиация и воздушный флот; бронечасти; реввоентрибунал.

Телеграф немедленно застучал снова:

«Безобразие! В такое время заниматься шутками возмутительно. Генерал Шевченко».

Котовский едва заметно улыбнулся и снова приказал телеграфисту:

— Отвечай: «Успокойтесь, господин генерал. Поберегите нервы. Вашу сводку принял сам Котовский».

Утром 7 февраля 1920 года штаб-трубач заиграл общее наступление. Низко надвинув фуражку, Котовский вскочил на коня.

И они помчались!

С пиками наперевес. Со сверкающими молниями шашек.

Пронеслись через заставы.

Галопом проскакали по Вознесенской улице.

По другим улицам бежали к порту белогвардейцы. Выбирала якоря французская эскадра.

А котовцы летели и летели. К Днестровскому лиману! К Днестру! Захватить переправы! Не пустить удирающих деникинцев в Румынию!

А они не просто удирали. Огрызались. Отходили с боями.

Но 12 февраля 1920 года котовцы с боем взяли Тернополь. Окружена в плавнях группа генерала Стесселя — десять тысяч человек.

Сдаются.

На городской площади лежат в грудах шашки и винтовки.

Молча, насупившись, стоят деникинцы.

И вдруг один из них вырывается из строя, падает перед Котовским на колени.

— Встать! — приказывает комбриг.

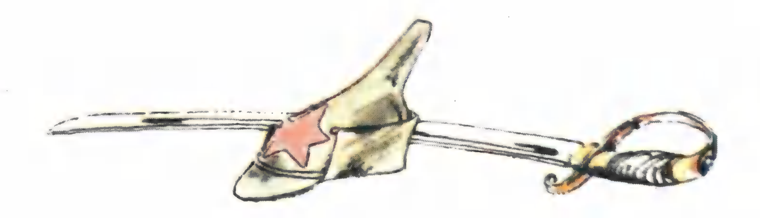
Плачущий, оборванный деникинец с трудом поднимается:

— Я в ваших руках... Можете расстреливать... Вы узнаете меня? Я Хаджи-Коли.

Да, Григорий Иванович узнал полицейского сыщика. Какую-то минуту он разглядывал его молча. Потом ответил:

— У меня к вам нет личной мести. Вы служили царскому правительству и выполняли его волю. Вы будете направлены в тыл вместе со всеми пленными. Если революционный трибунал вас помилует, будете жить. Становитесь в строй.

Он стал в строй, Хаджи-Коли. Полицейский, стрелявший в Котовского. Получивший пять тысяч рублей в награду за его арест. Стал в строй, чтобы навсегда уйти с дороги истории. Кто бы знал сейчас о каком-то Хаджи-Коли, если бы рядом с его ничего не значащей фамилией не оказалось легендарное имя — КОТОВСКИЙ!..

1920
ОТРАЖЕНИЕ ИНТЕРВЕНЦИИ БУРЖУАЗНО-ПОМЕЩИЧЬЕЙ ПОЛЬШИ И РАЗГРОМ БЕЛОГВАРДЕЙСКИХ ВОЙСК ВРАНГЕЛЯ
Десанты и бегство врангелевцев.
Линия Польского и Врангелевского фронтов к началу наступления войск буржуазно-помещичьей Польши 25 апреля 1920 года.
Граница Советской России с Польшей по Рижскому мирному договору 18 марта 1921 года.
Группировка сторон перед ударами Красной Армии: Юго-Западного фронта — 26 мая, Западного фронта — 4 июля.
Линия фронта к моменту наибольшего продвижения польских войск (26 мая) и врангелевских войск (начало октября).
Преследование польских войск.
Районы партизанского движения.
Революционные выступления польского пролетариата.
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
ЛИТВА
ВОСТОЧНАЯ ПРУССИЯ
БЕССАРАБИЯ
НЕМАН
КАУНАС
ВИЛЬНЮС
МОЛОДЕЧНО
ЛИДА
ГРОДНО
БЕЛОСТОК
ОСТРОВ
ПЛОЦК
ВАРШАВА
ДЕМБЛИН (ИВАНГОРОД)
ЛЮБЛИН
ЗАМОСТЬЕ
ТАРНУВ
ПЕРЕМЫШЛЬ
ЛЬВОВ
ВЛАДИМИР
РОВНО
ОСТРОГ
ПИНСК
ЛУНИНЕЦ
БАРАНОВИЧИ
МИНСК
БОРИСОВ
БОБРУЙСК
МОЗЫРЬ
КОРОСТЕНЬ
ЖИТОМИР
БЕРДИЧЕВ
ФАСТОВ
СКВИРА
КИЕВ
ЖМЕРИНКА
КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬСКИЙ
ГАЙСИН
УМАНЬ
КИШИНЕВ
ОДЕССА
НИКОЛАЕВ
ХЕРСОН
ДРИССА
ПОЛОЦК
ВИТЕБСК
ЗАП. ДВИНА
СМОЛЕНСК
ОРША
МОГИЛЕВ
ГОМЕЛЬ
ЧЕРНИГОВ
ДНЕПР
ДНЕСТР
4 А
15 А
3 А
16 А
1 ПА
4 ПА
ПОЛЕССКАЯ ГРУППА
3 ПА
2 ПА
6 ПА
12 А
14 А
1 КА
МОЗЫРСКАЯ ГРУППА
ФАСТОВСКАЯ ГРУППА
1 КОННАЯ АРМИЯ
ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ
ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

МОСКВА
АРЗАМАС
СИМБИРСК
БУГУЛЬМА
ВОЛГА
КАЛУГА
РЯЗАНЬ
САМАРА
СЫЗРАНЬ
ТУЛА
БУЗУЛУК
ПЕНЗА
БРЯНСК
ОРЕЛ
ДОН
ТАМБОВ
ДЕСНА
САРАТОВ
УРАЛЬСК
КУРСК
ВОРОНЕЖ
БАХМАЧ
КАМЫШИН
БЕЛГОРОД
ХАРЬКОВ
ВЕШЕНСКАЯ
ПОЛТАВА
ЦАРИЦЫН
ВОЛГА
Р С Ф С Р
ЛОЗОВАЯ
ЛУГАНСК
ЕКАТЕРИНОСЛАВ
13 А
СИНЕЛЬНИКОВО
ЮЗОВКА
13 А
ДОН
НОВОЧЕРКАССК
РОСТОВ
ТАГАНРОГ
АСТРАХАНЬ
ВРАНГЕЛЬ
МЕЛИТОПОЛЬ
КАХОВКА
ЕЙСК
ГЕНИЧЕСК
ПЕРЕКОП
ЧОНГАР
АЗОВСКОЕ МОРЕ
9 А
СТАВРОПОЛЬ
ЕКАТЕРИНОДАР
СИМФЕРОПОЛЬ
НОВОРОССИЙСК
МАЙКОП
СЕВАСТОПОЛЬ
ПЕТРОВСК
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ

ШЛА К РОСТОВУ ЮНАЯ КРАСНАЯ БРИГАДА

Есть такая станция:
Красная Могила.
Здесь когда-то молодость
На врага ходила.
Шла она в буденовках,
Молодость страны,
Жарко опаленная
Пламенем войны.

Шла к Ростову юная
Красная бригада.
Время было трудное —
Враг повсюду рядом.
День идет сражение,
За́ полночь идет...
Слово «окружение»
Тучею ползет.

Встретили деникинцы,
Подтянули силы.
Из кольца не вырваться:
Сила победила.
По степи завьюженной
Юность распласталась.
Раненых, контуженых
Сто бойцов осталось.

...Называлась станция
Радостно:
Приволье.
Тот рассвет акации
Вспоминают с болью.

Стыло утро раннее,
Голубели дали...
Связанные, раненые,
Здесь они стояли.

Злобою неистовой
Скалились штыки.
Подпоручик взвизгивал:
— Кто большевики?
Отвечайте, сволочи!
Два шага вперед!—

...Ждать напрасно помощи,
Знали: не придет.

Вьюга по обочине
Проносилась мимо.
Раны кровоточили,
Ныли нестерпимо.
Снег мело поземкою.
Сыпались удары...
Слышалось негромкое:
— Кто тут комиссары?!

Связанных, израненных
Два часа пытали.
Били шомполами их,
Плетками хлестали.
Ветра завывание
Доносило снова:
— Кто?
— Кто?
— Кто? —
Молчание.
— Кто?
— Кто?
— Кто? —
Ни слова.

В небо солнце рыжее
Выкатил восход.
И один не выдержал,
Сделал шаг вперед.
Вышел он, избитый весь,
Стиснул кулаки:
— Все мы комиссары здесь!
Все большевики!

...Мимо тихой станции
Красная Могила
Не вагоны катятся —
Годы мчатся мимо.
Радостные, грозные...
Сколько их промчалось!
Юность краснозвездная
Юною осталась.

МОСКВА, КРЕМЛЬ, ЛЕНИНУ.

27 ФЕВРАЛЯ ИНТЕРВЕНТЫ И БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ ВЫШВЫРНУТЫ ИЗ АРХАНГЕЛЬСКА.

13 МАРТА МУРМАНСК ОЧИЩЕН ОТ ИНТЕРВЕНТОВ. СЕВЕРНЫЙ ФРОНТ ЛИКВИДИРУЕТСЯ.

ВПЕРЕД, НА РОСТОВ!

Генерал Деникин собирался к зиме быть в Москве, а его друг генерал Родзянко хвалился к октябрю быть в Петрограде и прогуливаться по Невскому проспекту.

Но белым генералам пришлось отправиться не в ту прогулку, в которую они собирались. Генерал Родзянко отлетел на сто верст назад, на побережье Финского залива, а генерал Деникин повел свою армию в обратный путь с Орла на Курск, потом с Курска на Белгород, а теперь от Белгорода готовится отходить на Ростов. Рухнули надежды белых разбойников!

Твердая рука трудового народа отшвырнула их от красных столиц, разметала их полки и заставила пятиться назад.

...Казачья и кадетская армии отступают на Ростов. Нельзя позволить им отдохнуть, опомниться и собраться с новыми силами.

ВПЕРЕД, НА РОСТОВ, КРАСНЫЕ БОЙЦЫ VIII АРМИИ!

Куйте железо, пока горячо! Республика рабочей и крестьянской свободы ждет от вас новых подвигов. Вы покрыли себя незабываемой славой, отбившись от врага, наседавшего на нас со всех сторон. Теперь ваш долг — разбить и уничтожить врага, разорить гнездо белых разбойников, обеспечить всему народу возможность мирной трудовой жизни.

Да здравствует окончательная победа над деникинской армией!

Вперед, на Ростов!

Политический отдел VIII армии

ПЕСНИ

Был когда-то в Ростове-на-Дону маленький театрик по имени «Кривой Джимми». Актеров в нем было немного, зрители — случайные. Но театрику так или иначе надо было показывать что-то новое, на злобу дня. Наверное, именно поэтому и приютил он двух веселых молодых людей — двадцатилетнего музыканта Дмитрия Покрасса и чуть более умудренного опытом поэта Д'Актиля. Вместе сочиняли все, что им заказывали: ядовитые куплеты или душещипательные романсы. Д Актиль с женой жил в небольшой каморке при театрике. Покрасс был один-одинешенек.

А через Ростов-на-Дону катились волны отступающей деникинской армии. Иногда в театрик заглядывали белогвардейские офицеры, палили из наганов в потолок и требовали у оркестрантов, чтобы те играли им «Боже царя храни!».

В начале января 1920 года офицериков этих словно ветром из города сдуло. В Ростов-на-Дону входила 1-я Конная.

Казалось, весь город на улицы высыпал! Цветов не было, зато радости — полно!

Дмитрий Покрасс целый день с проспекта на проспект перебегал, конями любовался, буденновцами в остроконечных шлемах. Мороза даже не замечал. К вечеру ворвался в каморку Д'Актиля и прямо с порога объявил: «Будем писать песню о буденновцах! Быстренько сочиняйте слова!»

«Быстренько» — это Д'Актиль умел.

Тут еще надо сказать о секретаре Реввоенсовета 1-й Конной армии товарище Орловском. Было у него неизменное правило — всюду и везде выискивать полезное для бойцов, ко всему приглядываться: пригодится или не пригодится? Наверное, поэтому и занесло его в «Кривой Джимми». Встретил он там поэта и композитора, спросил: не хотят ли они что-нибудь сделать для бойцов 1-й Конной?

— А мы уже сделали! — задорно ответил Покрасс. — Песню!

Он тут же сел за рояль и заиграл, запел.

Сергей Орловский слушал его внимательно, потом улыбнулся и попросил:

— Подождите меня до завтра. В полдень зайду.

На следующий день он явился в точно назначенное время, забрал двух друзей и повел их в гостиницу «Палас». Пришли они в большую, но совершенно пустую комнату. Только возле одной из стен, сиротливо прижавшись к ней, стояло пианино. Поэт с композитором не сразу его и заметили. Во все глаза смотрели они на собравшихся в комнате командиров — Ворошилова, Буденного, Пархоменко, Щаденко!.. Все прославленные полководцы сразу!

Поборов волнение, Дмитрий Покрасс сел к инструменту и сыграл «Марш красной кавалерии».

Чувствовалось по всему, что марш командирам понравился. Они попросили сыграть его еще раз, сами стали подпевать. И тогда Покрасс осмелился, попросил:

— Возьмите меня в Первую Конную!

Командиры переглянулись и согласились: так тому и быть!

Композитору выдали шинель, ботинки с обмотками, буденовку, вручили документ, в котором была указана его новая должность: «боец-композитор». В обозе 1-й Конной среди прочего военного инвентаря появилось еще и пианино. На привалах его снимали с телеги, ставили на землю и «боец-композитор» запевал:

**Мы — красные кавалеристы,
И про нас
Былинники речистые
Ведут рассказ
О том, как в ночи ясные,
О том, как в дни ненастные
Мы гордо,
Мы смело в бой идем.
Веди ж, Буденный, нас смелее в бой!
Пусть гром гремит,
Пускай пожар кругом.
Мы — беззаветные герои все,
И вся-то наша жизнь есть борьба!**

И случилось так, что полгода спустя создал марш, подарил его красноармейцам и второй брат — Самуил Покрасс. Только не в Ростове, а в Киеве.

Тогда, летом 1920 года, из Крыма вылез черный барон Врангель. Газета «Правда» публиковала обращение ЦК партии. В нем говорилось:

«В ближайшие дни внимание партии должно быть сосредоточено на Крымском фронте! Мобилизованные товарищи, добровольцы должны направляться на юг... Последний оплот генеральской контрреволюции должен быть уничтожен!»

От Киева до Крыма было рукой подать. В городе формировались красные полки, оснащались оружием. Не забыли и песню. Политуправление Киевского военного округа дало задание создать новую песню поэту Павлу Григорьеву и композитору Самуилу Покрассу. Конечно, не случайно именно им. Григорьев уже не раз сочинял по заданию Политуправления агитстихи, композиции, Самуил Покрасс тоже имел некоторый опыт создания революционных песен.

Вскоре красноармейцы киевского гарнизона уже пели:

Белая армия, черный барон
Снова готовят нам царский трон.
Но от тайги до британских морей
Красная Армия всех сильней!

В ту пору не было еще ни радиокомитетов, ни звукового кино, но песня разлетелась по стране мгновенно. В том же 1920 году ее уже пели в Петрограде, в Москве. Новая песня понравилась Ленину. «...Во время гражданской войны, — вспоминала Надежда Константиновна Крупская, — ее распевали в Кремле красноармейцы и мы с Ильичем очень любили ее слушать».

Врангель был разбит и выброшен из Крыма. Но песня продолжала сражаться. В 1923 году английский лорд Керзон выступил с ультиматумом, направленным против нашей страны. По городам Советской России прокатились волны демонстраций протеста. Петроградцы шли на них с песней «Красная Армия всех сильней». Поэтесса Ольга Берггольц позже вспоминала: «...в тот день каждая песня была вовсе не песней, а просто настоящей правдой — и про британские моря, и про то, что мы готовы идти в бой, — да мы вовсе и не пели песни, мы только выговаривали, выдыхали то, что было на душе...».

Песне этой суждено было улететь и за границы нашей страны. На ее мелодию в панской Польше запели песню «Товарищ Гарнам» — в память о коммунисте, убитом на демонстрации фашистскими молодчиками. В Австрии песня получила имя «Марш венских рабочих», с нею трудовая Вена вышла на антифашистскую демонстрацию 12 февраля 1934 года. Из Австрии марш перелетел в Венгрию, став «Маршем красных резервов». А когда вспыхнула война с фашизмом в Испании, она стала боевым маршем батальона имени Чапаева одной из Интернациональных бригад. С этой песней, переведенной поэтом Арне Поше Оссеном, шел плечом к плечу с нашими бойцами Северного фронта в годы Великой Отечественной войны отряд норвежских патриотов, громя гитлеровских захватчиков. Шел в его рядах Тур Хейердал, будущий путешественник и ученый, тоже пел эту песню.

Вот какая у нее сложилась длинная и славная биография.

МОЛОДЕЖЬ, В РЯДЫ КРАСНОЙ АРМИИ!

Настал последний, решительный бой...

Наши полки перешли в победоносное наступление...

Вы, молодежь, должны спешить на подмогу вашим старшим товарищам, которые уже третий год могучей рукой поражают врагов революции.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ ЗОВЕТ ВАС! ЮНОШИ ПРОЛЕТАРИИ! ТОЛЬКО ПРЕЗРЕННЫЙ ТРУС МОЖЕТ БЫТЬ ГЛУХ К ЭТОМУ ЗОВУ.

Пусть старики сидят на печи — молодым место там, где решаются судьбы рабочего люда России и всего мира.

ВСТАВАЙ НА БОРЬБУ ЗА СВОБОДУ, МОЛОДЕЖЬ ПРИЗЫВА 1901 ГОДА!

НАША КЛЯТВА ПУСТЬ БУДЕТ: НЕ СЛОЖИМ ОРУЖИЯ ДО ПОЛНОЙ ПОБЕДЫ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОГО ДЕЛА!

Политический отдел Реввоенсовета XVI армии.
10 июля 1920 года

ЗНАКИ РАЗЛИЧИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Красноармейский нагрудный знак.

Значок-кокарда на головном уборе. 1918 год.

Значки к головным уборам. 1922 год.

МОСКВА, КРЕМЛЬ, ЛЕНИНУ.

27 МАРТА НАШИ ВОЙСКА ВСТУПИЛИ В НОВОРОССИЙСК. ПОСЛЕДНИЕ БЕЛОГВАРДЕЙЦЫ БЕГУТ НА КОРАБЛЯХ В МОРЕ.

25 АПРЕЛЯ БЕЛОПОЛЬСКИЕ ВОЙСКА ПИЛСУДСКОГО ПЕРЕШЛИ В НАСТУПЛЕНИЕ...

4 ИЮНЯ ПОСЛЕ ДЛИТЕЛЬНЫХ БОЕВ НАШИМИ ЧАСТЯМИ ЗАНЯТ ГОРОД РОВНО. ЗАХВАЧЕНЫ ДВА БРОНЕПОЕЗДА, ДВА ТАНКА, 1500 ЛОШАДЕЙ. ВЗЯТО В ПЛЕН БОЛЕЕ ТЫСЯЧИ ЧЕЛОВЕК.

7 ИЮНЯ. ЧАСТЯМИ 1-Й КОННОЙ АРМИИ ОСВОБОЖДЕНЫ ЖИТОМИР И БЕРДИЧЕВ.

ДЕНИКИН

Вот, читатель наш, взгляни-ка:
Был такой палач Деникин.
Этот белый генерал
Очень много получал:
От буржуев деньги-франки,
Самолеты, пушки, танки!
Встретив красные полки,
Получал он синяки,
Получал по сытой роже,
По спине и ниже тоже.
Получил потом отставку...
И могла у нас страна
Генералу выдать справку:
«Все получено сполна!»

АЛЕКСАНДР ПАРХОМЕНКО

Были у Гриши Пилипенко две мечты: усы отрастить и бандуру достать. Потом, конечно, петь. Слагать думы и петь. Перебирать пальцами звонкие ниточки струн и рассказывать песней о степях бескрайних, дубравах зеленых, реках синих.

Были у Гриши Пилипенко и два огорчения: усы не росли и бандура не попадалась. Был у него только пушок на губе да вместо бандуры — винтовка.

Совсем еще молодым бойцом был Гриша Пилипенко. Едва стрелять научился.

О мечте его вся рота знала. Утешали Гришу товарищи:

— Не журись, Гриц! Вырастут у тебя усы! Как у нашего начдива-четырнадцать товарища Пархоменко вырастут — большие, густые да черные! И бандуру тебе добудем. Сколько бандуристов наших паны на Украине побили — и не сосчитать! Отобьем у них бандуру — играй! О чем петь-то будешь?

— О цветах, о птицах, — говорил Гриша.

— Це гарно. Еще про нас спой, как мы белополяков гоним, про командира нашего.

— Я же его не знаю...

— Так мы расскажем!

И рассказывали. На каждом привале рассказывали.

— Я товарища Пархоменко еще в Новочеркасске встретил, — говорил пулеметчик Степан Терещук. — На бронепоезде он к нам прикатил. Ладно бы на своем, а то на чужом, на анархистском. Слыхал, Гриц, про анархистов? Были такие... Кричали все: «Анархия — мать порядка!», а сами за полный беспорядок стояли. Никакой дисциплины не признавали, никаким приказам не подчинялись. Грабили направо да налево — вот и вся их борьба за свободу.

В восемнадцатом году прикатили они в Луганск на бронепоезде. Принялись шуметь да «эксы» устраивать. Экспроприировать, значит, чужое имущество. Попросту опять же грабить. Узнали про то в Луганском Совете. Пархоменко узнал. И прямо на станцию. Один поехал. Встал перед бронепоездом ихним и говорит:

— Грабежом заниматься не позволим. Если вы действительно за свободу, то немедленно отправляйтесь на фронт. Ежели нет — бронепоезд разоружим.

Пока товарищ Пархоменко говорил, какой-то гад проскользнул под вагонами — хрясь его по ногам! Упал товарищ Пархоменко. Накинулась на него матросня. Револьвер отобрали, связали — и к себе на бронепоезд.

Командир ихний анархистский кричит машинисту:

— Поехали!

Дернулся бронепоезд и пошел.

Лежит товарищ Пархоменко на полу связанный. Веревки в тело впиваются. Анархисты о нем не таясь балакают, спорят, сейчас его сразу «шлепнуть» или

остановиться где-нибудь в поле да там «в расход пустить». Решили на первой же остановке. Командир их, с козлиной, как у дьячка, бородкой, пошел в другой вагон водку хлестать. Возле Пархоменко только несколько матросов остались.

— Ну и герои вы! — говорит Пархоменко. — Свет еще таких храбрецов не видел! Семьдесят пять человек одного меня испугались! Драпанули из Луганска.

— Чего же это мы тебя испугались? — насупился один матрос, белобрысенький.

— Да вот так и испугались, — крутится на боку Пархоменко. Мало того, что веревки проклятые режут, так еще револьвер, что в другом кармане припрятан был, в бедро уперся. — Вас вон сколько! Да пушки еще, карабины, маузеры! А меня одного-единственного связанным держите. Стало быть, боитесь.

Переглянулись караульные. Вроде неловко им стало.

— Да мы что... Мы ничего... — говорят. — Не мы тебя сюда приволокли...

Белобрысенький нож достал, разрезал веревки.

Мигом Пархоменко на ноги вскочил, револьвер из кармана выхватил:

— Руки вверх! Кидай винтовки!

Стукнули четыре винтовки по железному полу. Пархоменко их ногой к стене придвинул и кричит в дверь:

— Эй, вояки липовые, кто сунется в дверь — пристрелю!

Во всем вагоне тихо стало. Кому охота под пулю лезть?

А товарищ Пархоменко говорит:

— Теперь слухайте. Хотя вы меня и побили, зла на вас не держу. Затуманили вам головы дурацкими байками, вы и прете не по тем рельсам. Народ трудовой с врагами революции бьется, а вы ему — нож в спину.

— Мы за свободу... — откликнулся кто-то из глубины вагона.

— За какую свободу? По чужим сундукам шарить? Черноморцы еще называются... Вот броненосец «Потемкин» — тот действительно за свободу шел, а вы?.. Кого командиром-то выбрали? Козла бородатого! Какой он моряк?.. Поди, и моря-то не видывал, где-нибудь на клиросе пел.

Матросы засмеялись. Козлобородый-то и впрямь раньше дьячком был.

— Слышь, браток! — прокричал сквозь смех кто-то. — Хочешь, мы того дьячка шлепнем, тебя командиром поставим? Куда поезду-то двигать?

— В Новочеркасск, — приказал Пархоменко.

Так к нам и прибыл, — усмехнулся в усы Терещук. — Мы как раз бой вели. Теснили нас беляки. А тут, откуда ни возьмись, бронепоезд! Как врежет им во фланг из орудий! Наша и взяла.

Замолчал Терещук, принялся «козью ножку» сворачивать.

Рассказ Стукашев подхватил:

— Товарищ Пархоменко страсть как всяких этих бандюг да анархистов не любит. На моих глазах одного ихнего атамана пристрелил.

— Пленного? — удивился Гриша Пилипенко.

— Где там!.. Прямо в его анархистском расположении.

В прошлом, девятнадцатом году это было, весной. Атаман Григорьев тогда мятеж поднял, город Екатеринослав захватил.

Вот и поручили товарищу Пархоменко уничтожить банды того Григорьева, город отбить.

ПАРХОМЕНКО
Александр Яковлевич

Рабочий. Член Коммунистической партии с 1904 года.
В годы гражданской войны командовал красногвардейским отрядом, бронепоездом, участник обороны Царицына, особоуполномоченный РВС 10-й армии, 1-й Конной армии, начдив.
В 1921 году погиб в бою с махновцами.

Было нас шестьсот штыков. Поменьше, чем у Григорьева. Только Пархоменко на это чихал с каланчи высокой. Отобрал он нас пятерых, сказал: «В разведку пойдем».

Раненько на рассвете подошли мы тогда к Екатеринославу. Сняли патруль — и прямо на главную улицу. Идем вдоль домов, видим, автомобиль показался, к нам катит.

— Прячься! — приказывает Пархоменко.

Шмыгнули мы в какие-то ворота, ждем. Автомобиль приближается. Петя Силантьев в щелочку выглянул и шепчет:

— Да это же сам Максюта, гад! Знаю я его, видел.

Максюта, значит... Имечко нам знакомое. Бандюга похлеще Григорьева. Чисто головорез, убийца.

— Ложись! — снова приказывает товарищ Пархоменко. — Как выстрелю, так и вы бейте.

И на улицу выходит, руку поднимает. Прикинул, видно, Александр Яковлевич, что в такой-то час Максюта может только с пьянки ехать и от удивления непременно прикажет шоферу остановиться.

Так оно и вышло.

Только встал автомобиль — Пархоменко тут же на подножку прыг:

— Руки вверх!

Бандюга аж смехом зашелся.

— Я же Максюта, — говорит. — Командующий Екатеринославским округом!

— Я тоже командующий, — говорит Пархоменко. — Только советский. — И всю обойму в Максюту этого.

— А вы? — не утерпел Гриша.

— Мы тоже. Сначала четырех его попутчиков сняли, а потом уже и вовсе григорьевцев из города вышибли. Как было приказано, так и сделали.

Может быть, и еще что-нибудь рассказали бы, да ротный в избу прибежал:

— Кончай ночевать! Выходи строиться!

Погодка на улице — хуже некуда!.. Дождь, дождь, дождь... Сечет и сечет. По листьям стучит, шуршит травою. Дороги так развезло, что вся артиллерия завязла.

Идет Гриша Пилипенко в строю, поднимет ногу — а с нею пуд чернозема поднимается, пристал к подошве. Тут уж и словцом перекинуться неохота. Разве что проворчит кто:

— Прислал же леший этих белополяков на нашу голову!

— Не леший, а пан Пилсудский, — откликнутся.

И снова молча шагают, землю ногами месят.

Вдруг по рядам шепоток:

— Пархоменко!

— Пархоменко!

Вот тогда-то и увидел его Гриша Пилипенко впервые.

Идет Пархоменко рядом со строем — ладный такой, могучий, широкоплечий! Кожанка на нем узким ремнем прихвачена. Усы вразлет! А главное — веселый!

— Хороша погодка! — говорит. — Специально такую у небесной канцелярии запрашивали. Паны небось чаек попивают, спокойненько сидят Уверены, в такую непогодь мы их атаковать не будем. А мы как раз и атакуем! Туманы подготовку нашу прикроют. Дождики ихних часовых под крыши загонят. А мы тут как тут! — И уж серьезно добавляет: — Задача наша такова: прорвать белопольский фронт в стыке их второй и третьей армий. Километрах в пяти от нас местечко Самгородок будет. Вот там-то и есть этот стык. Оборона там у панов крепкая. Ну да ведь и мы не лыком шиты!

И пошла 1-я бригада 14-й дивизии в бой. Первыми вступили в него броневики. Умудрились грязь преодолеть, забрались на взгорок, вызвали на себя огонь. В трескотне винтовочной и не заметили паны, как выскочила из тумана конница, не успели и пулеметов повернуть, как Пархомено уже на них всею сталью клинков и огнем карабинов навалился. Следом и пехота в окопы ворвалась.

Слыхал после боя Гриша Пилипенко, что около тысячи солдат и офицеров побили они тогда под дождичком.

А там и солнышко выглянуло. Повел начдив Пархоменко дальше свою 14-ю. Радомысль они брали, Ровно, бились под Дубно.

Подо Львовом Гришу Пилипенко ранило. Крепко. Долго его гипсовали, бинтовали да перебинтовывали. В госпитале долетела до Гриши горькая весть: пал смертью храбрых командир его, Александр Яковлевич Пархоменко. 3 января 1921 года. Во время разведки пал. От рук махновцев.

...А еще десять лет спустя в разных городах Донбасса заговорили о бандуристе. О том, что ходит он по шахтерским клубам и поет свои думы. Разные. Но одну повторяет всегда. Вот эту:

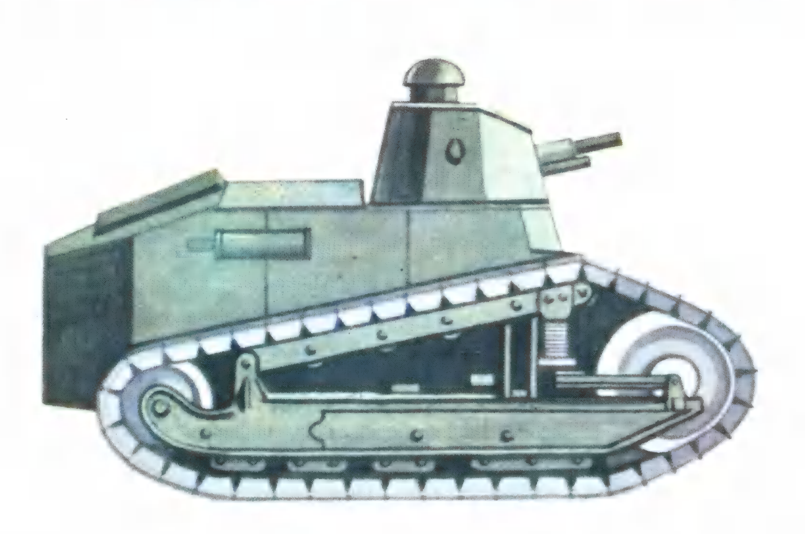
Верба выросла там, где он родился.
Яблоня выросла там, где он погиб.
Вырос дуб над сырою могилой.
Играй, бандура!..
Вспомни командира Александра Пархоменко,
Весь род его трудовой,
Всех знакомых его по сабле и по коню!
Пусть услышат нашу песню косари на дороге.
Веселый услышит — песню подхватит.
Умный услышит — на ус намотает.
Глупый услышит — ума наберется.
Храбрый услышит — саблю наточит...

МОСКВА, КРЕМЛЬ, ЛЕНИНУ.

12 ИЮНЯ КИЕВ ОСВОБОЖДЕН ОТ БЕЛОПОЛЯКОВ...

11 ИЮЛЯ НАШИ ВОЙСКА ЗАПАДНОГО ФРОНТА ИЗГНАЛИ БЕЛОПОЛЯКОВ ИЗ МИНСКА.

Танк «Борец за свободу товарищ Ленин» выпуска 1920 года.

МАХНО

Был такой бандит Махно:
Пил и грабил заодно,
Жег деревни,
Убивал,
Обещал и предавал.
Был в конце концов бандит
Красной Армией разбит,
И бежал он сквозь метель
Аж за тридевять земель!
...Был такой бандит Махно.
Был, да сплыл давным-давно.

К ОРУЖИЮ!

На Юге встала перед нами новая угроза. Загнанный нашими войсками в Крым генерал Врангель снова собрался с силами, вылез из Крыма и рвется в Донецкий бассейн, к нашему углю и железу.

Генеральская сабля уже стучится в двери наших красных фабрик.

Крестьяне Таганрогского, Бердянского и Мелитопольского уездов снова стонут под гнетом помещиков-дворян.

...Генерал Врангель — последний змееныш контрреволюции.

...Он стремится на Украину и заигрывает с бандитами-махновцами, с украинскими кулацкими батьками и атаманами погромных шаек.

Он выбрасывает на берег Азовского моря десант за десантом в надежде поднять восстание среди казачества.

Он хочет перерезать железную дорогу на Кавказ и снова оставить наши фабрики без бакинской нефти.

ОН ХОЧЕТ ОТНЯТЬ У НАС СРАЗУ И УГОЛЬ, И НЕФТЬ, И ЖЕЛЕЗО.

Кровавая рука его уже протягивается к нашей шее.

К ОРУЖИЮ, ТОВАРИЩИ!

В ПОЛКИ, НА ЮЖНЫЙ ФРОНТ!

ЗА НАШУ ЗЕМЛЮ, ЗА НАШИ ФАБРИКИ, ЗА НАШУ ВЛАСТЬ, ЗА НАШУ КРОВЬ!

СМЕРТЬ БАРОНУ ВРАНГЕЛЮ!

Политуправление Реввоенсовета Республики.
1920 год

ЧЕРВОННЫЕ КАЗАКИ

Звенит сигнал атаки.
Летят на беляков
Червонные казаки,
Виталий Примаков!
Клинок — в одной ладони,
Наган — в другой зажат.
И кони, птицы-кони
Летят, летят, летят!

Их путь — из-под Полтавы.
Все время — на врага.
В степях пылали травы
И плавились снега,
Они сквозь тучи дыма,
Наперекор ветрам
Неслись неуловимо,
Неслись неустрашимо,
Неслись неудержимо
По вражеским тылам.

У стен Новочеркасска
Сверкали их клинки.
«„Червонный“ значит „красный“!» —
Дрожали беляки.

Дрожали и бежали,
Обозы побросав,
Орудия теряли
У водных переправ.
Шкуро, спасая шкуру,
Едва от них утек.
Вельможный пан Петлюра
Бежал, не чуя ног.

У Примакова компас —
Клинок его стальной.
Уже не полк, а корпус
Ведет он за собой.
Звенит сигнал атаки.
Победа все видней!
Пилсудского вояки
Бегут, загнав коней!

...Сквозь грозы, через годы
Несется стук подков.
Мы помним те походы,
Товарищ Примаков!
Сражения. Погони.
Победы. Боль утрат...
И кони, птицы-кони
Летят, летят, летят!..

РЕЙД К ГЕНЕРАЛУ УЛАГАЮ

Считал Семен Пиков, что свое он отвоевал. И винтовку уже в промасленную тряпицу завернул, и шашку на стену повесил. И то сказать: весь восемнадцатый год в седле, весь девятнадцатый!.. Два раза клинками мечен, три раза пулями. Да вроде и в станицах-то потише стало. Корнилова турнули, Деникина выгнали — пора бы уже и пахать. Земля от войны устала, плуга просит.

Уже и супруге своей Марье Михайловне сообщил Семен Пиков: «Все! Теперь дома буду».

Так бы оно, наверное, и случилось, да прискакал под вечер Гриша Пантюшкин, дружок закадычный:

— Слышь, Семен. Батько кличет. В Екатеринодар зовет.

— Непременно вас, что ли? — насупилась Марья Михайловна.

— Всех таманцев, — подтвердил Пантюшкин.

— Значит, на Врангеля, — определил Семен.

— На Улагая, — уточнил Гриша. — Врангель-то в Крыму сидит, а Улагай этот десантом выскочил. У станицы Приморско-Ахтарской. Тысяч десять войска. Прямо на Екатеринодар прет.

Семен большими своими ладонями по столу в разные стороны провел, складки разгладил.

— Вот так, жена, — сказал. — Батько Ковтюх зовет. Епифан Иович.

— И в прошлом году звал, — вздохнула Марья Михайловна.

— Верно. Звал. В город Вольск. Тогда мы с ним Царицын отбивали. Прямо по Волге. Только она ледком тоненьким прикрылась — и мы тут как тут! Помнишь? — повернулся к Пантюшкину.

— Как не помнить!.. В одной руке винтовка, в другой доска от забора. На случай, если лед треснет. Я потом доску эту и бросить забыл. Так и бежал с ней на беляков. Потом уж слышу — Кондра кричит: «Брось доску-то, брось!»

— Лихой мужик Кондра, — улыбнулся в усы Семен Пиков. — Сколько раз с ним в разведку ходили!..

— Еще сходим, — согласился Пантюшкин. — Я за тобой поутру заеду. Жди.

Со всех сторон спешили к Екатеринодару таманцы. Кто конный, кто пеший. Все друзья-приятели. Все за командира своего Епифана Ковтюха в огонь и в воду готовы.

Один лишь незнакомый коменданту Екатеринодарского укрепрайона человек прибыл. Поездом. Вошел в кабинет, представился:

— Фурманов Дмитрий Андреевич. Назначен к вам комиссаром.

Ковтюх из-за стола вышел, руку комиссару пожал, сесть пригласил, спросил, как положено при знакомстве:

— Где повоевать довелось?

— На Восточном фронте с Чапаевым. На Туркестанском с Фрунзе. Потом в Семиречье, в городе Верном. Снова в Туркестане.

КОВТЮХ
Епифан Иович

Штабс-капитан первой мировой войны. Член Коммунистической партии с 1918 года. Организатор обороны Екатеринодара. Командующий Таманской армией. Начдив в боях на Волге и на Кавказе.

— А теперь вот на Кубани, — заключил Ковтюх. — Дело нам, Дмитрий Андреевич, предстоит серьезное. Можно сказать, рискованное. Сил у генерала Улагая побольше нашего. Тремя колоннами на город идет. Штаб его в станице Ново-Нижнестеблиевской.

Ковтюх карту развернул, показал карандашом:

— Вот она где. Чуть ближе другая станица — Славянская. Эта в наших руках. Лоб в лоб Улагая нам не одолеть. А вот если вдруг в его тылу оказаться да устроить там хорошенькую панику, не выдержат, побегут! Врангель нам свой десант, мы ему — свой!

Слушая Ковтюха, Фурманов всматривался в карту, видел на ней степи открытые, болота обширные, ленты речек: пошире — Кубань, поуже — Протока. Он уже начинал понимать замысел командира. Главным в нем была неожиданность, внезапность.

— Сколько человек знают о вашем решении? — спросил.

— Вы да я, — улыбнулся Ковтюх.

— А командиры?

— Пока не знают. Им пока другой приказ дан: пароходы снаряжать. Посмотрим?

— Пойдемте, — согласился Фурманов.

ПРИМАКОВ
Виталий Маркович

Революционер с 1912 года. Политкаторжанин. Член Коммунистической партии с 1914 года. Участник штурма Зимнего дворца. В декабре 1917 года создает в Харькове 1-й полк Червонного казачества, выросший впоследствии в бригаду, дивизию, корпус. Награжден тремя орденами Красного Знамени.

На реке стояли три ветхих пароходика: «Илья-пророк», «Благодетель» и «Гайдамак». Неведомо каким чудом уцелели они в двухлетней военной круговерти, но уцелели ведь! Вид у них был далеко не грозный. Даже белые дымки из труб выбрасывали пароходики как-то испуганно, а стоило их машинам загудеть погромче, начинали дрожать всеми палубами.

— К сожалению, тихоходы, — сообщил Ковтюх. — Да и невелики. Чтобы всех бойцов взять, мы к ним еще четыре баржи привяжем.

Фурманов уже не пароходики разглядывал — на реку Кубань смотрел. Неширока она!.. Поставь белые хоть одно орудие — и конец. Да и пулеметами можно весь десант скосить.

Но пароходики между тем грузились. Красноармейцы весело таскали мешки с крупой, ящики со снарядами, вели по сходням коней, вкатили два орудия.

Наконец тронулись.

Семен Пиков с Гришей Пантюшкиным на «Благодетеле» поместились. Тут и с комиссаром познакомились. Фурманов сам подсел к ним, спросил: как, мол, на пароходах воевать не доводилось?

— Не доводилось, — признался Семен — Кубань эту раз пять переходили, так все больше вплавь да с боем.

— Тяжелые бои были? — поинтересовался комиссар.

— Всякие.

— А самый памятный какой?

Семен задумался. Никто ему такого вопроса не задавал никогда. Какой самый памятный бой?

Другие бойцы тоже примолкли, вспоминая.

Гриша Пантюшкин первым откликнулся:

— Самый памятный, поди, Новороссийский. Во бой был! И немцы, и турки, и беляки против нас, а потерь — конь у меня подкову потерял.

— Это как же так? — удивился Фурманов. — Когда было?

— В восемнадцатом, в августе. Тогда мы еще и таманцами-то не были. Так — неорганизованное воинство. Про Ковтюха впервые услышали. Мол, родом из станицы Полтавской. В германскую войну храбростью достиг штабс-капитанского чина. Командир справный, но больно уж дисциплину требует.

— С нами тогда по-другому и нельзя было, — поддержал дружка Семен. — Кто мы тогда были? Табор цыганский! Кто боец, кто беженец — и не разберешь. Беженцев-то не менее десяти тысяч! Вот и воюй с таким хвостом!..

Нас тогда беляки в горы загнали. Ни влево, ни вправо шага не сделать. Вот тут батько Ковтюх и распорядился. Табор наш на колонны разбить. На станции Верхне-Бакинская в эшелоны сели. И прямо к Новороссийску! Приехали. Выгрузились. Построились. Прямо на виду у немцев с турками. У тех аж дух от удивления захватило. Ведь это надо же — противник приехал спокойненько, строится и идет, словно домой пожаловал. Идет и идет! Конца ротам нету! Мы с первой колонной без единого выстрела через весь город прошли.

— А как вторая колонна пошла, — встрял Пантюшкин, — так немцы-то с турками сами на пароходы и драпака задали. Опомнились, когда уже третья колонна из города выходила, пальнули из пушек маленько. И то мимо. Во какие бои бывают!

— А дальше? — заинтересовался комиссар.

— Дальше драться пришлось, — вступил в разговор рослый таманец в белой папахе, непонятно каким чудом державшейся на самом его затылке. Фурманов уже знал его фамилию: Кондра. — Дальше мы с боями до самой Волги шли. Потом тем же манером назад. Геленджик брали, Михайловский перевал, Армавир, Тихорецкую... Две тысячи верст отмахали!

И, словно подводя итог сказанному, Кондра ладонями по коленям хлопнул:

— А теперь, товарищ комиссар, отбой. Поутру неведомо что будет.

Утро встретили уже в станице Славянской. Десант еще людьми пополнился. Ковтюх командиров на совещание созвал.

— Идем к штабу Улагая. К станице Ново-Нижнестеблиевской плывем, — сообщил. — Верст до нее шестьдесят. По территории, занятой противником. Обстановка для нас опасная. Могут встретиться плавучие мины. И конечно, засады. Задача наша тоже не простая: неожиданным ударом захватить улагаевский штаб, отрезать белякам пути отхода к морю. И само собой, ударить так, чтобы ни один из них в Крым не вернулся. Пока плывем, песен не петь, не курить, по возможности не кашлять. Понятно? Тогда все, кроме Кондры, свободны.

...Угадал Пантюшкин! Как в воду глядел, когда говорил Семену Пикову, что придется им еще в разведку идти.

Свели они своих коней на берег, пропустили вперед пароходы, укрылись в небольшой, заросшей кустами балочке.

— Разбирай погоны, пришивай пуговицы! — тихо приказал Кондра.

Из балочки они уже белыми казаками выехали. Все при погонах, на папахах — старые кокарды. Кондра даже войсковым старшиной стал (по-пехотному если, то подполковником).

Раздвинулась перед ними тишина, приняла в свою настороженную неизвестность.

Ночи над Кубанью всегда темные, а в конце лета так и совсем непроглядные. Хоть глаза в резерв выводи, уши выдвигай в переднюю линию!

Кони и те понимают: неслышно ступать надо! Вдоль реки сплошная трясина тянется — так идут не хлюпают, тихонько камышовые заросли раздвигают.

Пантюшкину эти плавни хорошо знакомы. Он по ним не раз, не два еще мальчишкой хаживал — до самого моря Азовского, до городка Ачуева. Потому и поставил его Кондра впереди. Сам следом едет.

Сидит Гриша Пантюшкин в седле, в тишину вслушивается. Вытянулся весь от напряжения... Застыл вдруг. Уздечку легонько на себя потянул, остановил коня. Кондра подъехал. Пантюшкин ему рукой вправо показывает. Верно! Разговор там чуть слышный...

...Когда снова в камыши нырнули, сзади четыре трофейных коня шли. На одном пулемет захваченный.

На пароходиках тоже никто не спал. Теперь уже все командиры, все красноармейцы знали, куда плывут, что делать предстоит.

Плывут, плывут мимо них берега. Темные. Притаившиеся. Чужие. Выглянет луна из-за тучи — камыши вдоль берегов штыками кажутся. Того гляди, полоснут пулеметной очередью!..

Но — тихо... Тихо вокруг.

Дозоры наши, что по берегам посланы, тоже помалкивают. Стало быть, и там все в порядке.

Ковтюх тихонько по палубе ходит, отдает командирам последние распоряжения. Конникам — вдоль реки проскочить, закрыть выход из станицы. Пехоте — не распыляться, кулаком бить, а не пальцами растопыренными. Артиллеристам — обеспечить сосредоточенный огонь, снарядов не жалеть! Чем больше грохоту, тем у белых больше паники.

Станица Ново-Нижнестеблиевская не из маленьких. На семь километров вдоль реки протянулась. Все улагаевские штабы в ней поместились, юнкера Николаевского и Алексеевского училищ, склады. Солдат, офицеров куда как больше, чем таманцев.

Спали врангелевцы. Сладкие утренние сны досматривали, когда ровненько в 5 часов 30 минут Ковтюх команду подал:

— Огонь!

И вздрогнула станица. Покатилось по ее улицам гулкое красноармейское «ура!». Захлопали выстрелы. Полетели в окна гранаты.

Что задумал Ковтюх, то и получилось: паника во вражьем стане! Заметались беляки от забора к забору. Всякий сам по себе. Либо кучками отдельными. Во взводы, в роты не собрать их уже.

Хитро атаковал Ковтюх! Длиннущую станицу где ему охватить всю малыми своими силами. В одном месте ударил — в центре, по штабам. А дальше уж покатилась волна — удержи попробуй!

Всю бы станицу насквозь прошли — броневик помешал. Выскочил невесть откуда и колошматит сразу из двух пулеметов.

Кинулись на землю красноармейцы. Лежат. Головы к колючей осенней траве прижимают.

Ковтюх тут же к залегшим кинулся. Нельзя! Нельзя лежать! Для беляков тогда передышка получится. Соберутся они, организуются, сами ударят. А ведь их больше!..

Выскочил Ковтюх на середину улицы:

— За мной! Ура! Гранаты к бою!

Вскочили. Бегут. Слышат: и позади броневика гранаты ухают. «Фурманов! — догадался Ковтюх. — Огородами прошел. Вовремя!»

Никому в тот день не удалось вырваться из станицы. Только самолет улетел. Стоял он где-то на окраине в поле, увидел, что делается, — и в небо. Полетел к тем полкам улагаевским, что на Екатеринодар шли. Докладывать полетел: так и так, мол, путь отхода на Ачуев отрезан.

В станице между тем пленных строили да трофеи подсчитывали.

Доложили Ковтюху: захвачено полторы тысячи пленных, среди них генералы и офицеры числом до сорока, разгромлено девять штабов.

— Наши потери? — спросил Фурманов.

— Девятнадцать убитых, шестьдесят три раненых.

— Раненых на пароходы, пленных на баржи — и в Славянскую, — распорядился Ковтюх. — Остальным к бою готовиться. Упустили птичку — теперь жди: через день-два главные силы врангелевцев пожалуют, будут к морю пробиваться.

Всем красноармейцам велено было различные укрепления строить: гнезда пулеметные, позиции орудийные, проволоку-«колючку» тянуть. Только разведчикам Кондры разрешено было отсыпаться на сеновале. И формы белоказацкой не снимать.

— Вы мне еще понадобитесь, — пообещал Ковтюх.

Понадобились они вскоре. Сразу, как главные врангелевские силы хлынули. Десять тысяч человек! Красных против них — горстка малая! Восемь часов шел бой. Восемь часов атаковали беляки. Не было у них другой дороги, чтобы к морю, к своим пароходам прорваться, только эта — через Ново-Нижнестеблиевскую. Вот и дрались они с диким отчаянием. Потеснили наш левый фланг, вырвались сразу на две улицы — и пошли, пошли!..

Тогда-то и вызвал Ковтюх разведчиков.

— Пойдете к белякам, — приказал. — Замешаетесь в их ротах и действуйте по обстановке. Поджигайте скирды, гранатами швыряйте погуще. Надо, чтобы колонны их разбежались, строй порушился.

Постарались разведчики! Сразу в разных концах запылали улицы.

Семен Пиков с Пантюшкиным на повозку со взрывчаткой наткнулись. Тут уж Семен вспомнил, что в германскую войну сапером был! Так рвануло, что колесо от повозки к грачиным гнездам на тополь улетело!

И сразу же со всех сторон наше «ура!» покатилось. Наши орудия ударили.

Не многим врангелевцам удалось тогда из станицы вырваться. Да и то не к морю, а к реке. Но там их уже Фурманов встретил. Пулеметным огнем из засад.

Был у черного барона Врангеля десант — и нету.

А наш десант сменила красная бригада. Та, что по пятам врага шла. Она уже и в Ачуев ворвалась.

Епифан Иович Ковтюх за тот десант был награжден орденом Красного Знамени.

К слову сказать, не первым уже.

КОНАРМЕЕЦ, ЧОНГАРЕЦ

Сколько раз так бывало: скачет от эскадрона к эскадрону вестовой, разыскивает Оку Ивановича Городовикова, спросит у кого-нибудь из бойцов и слышит в ответ: «Вон они с Буденным конь о конь едут».

Городовиков с Буденным не только друзьями были, не только земляками — они и полки-то в бой водили одинаково, на свой манер.

Опрометью на врага никогда не кидались, в лобовые атаки шли редко, бойцов своих берегли. Да чаще всего и конников-то у них было поменьше, чем у беляков. А потому, едва донесет разведка, что противник, мол, близко, приказывали лихие наездники своим бойцам спешиваться. И — залечь. Подпустят они врага так, чтобы пулеметчикам бить его удобно было, и тогда уж: «Огонь!». Летит в беляков свинцовый шквал! И сразу же за ним: «Вперед!» — конные полки, специально для этого случая прибереженные, с шашками наголо скачут.

Командиры, разумеется, впереди всех.

В смелости Ока Городовиков Буденному тоже не уступал.

Был один случай — до старости его Ока Иванович вспоминал, сам удивлялся: как такое могло случиться!..

Весною 1919 года это было. Приказ тогда пришел: прорваться в деникинские тылы. Двинулись в поход. Вокруг расстилались знакомые просторы Сальских степей — ширь неоглядная! Совсем неподалеку находился хутор Мокрая Эльмута. У Городовикова из этого хутора целый эскадрон бойцов. Стали они просить:

— Товарищ командир, Ока Иванович! Давайте ударим по хутору, вышибем оттуда беляков! Они ведь там, поди, над нашими стариками измываются.

Городовиков понимал, конечно, что полученный приказ надо выполнять четко, двигаться в заданном направлении безостановочно. А тут хоть и небольшой, все же крюк получался. Но, выслушав бойцов, молча кивнул, поскакал к Буденному.

Тот эльмутовцев тоже понял, сказал Городовикову:

— Возьми эскадрон. Отобьешь хутор — догоняй нас.

Поскакал эскадрон сквозь ночную тьму. К рассвету уже возле Мокрой Эльмуты были. У самого хутора всадника перехватили.

— Куда скачешь? Зачем? — спрашивают.

— За папиросами и водкой господину полковнику.

Рассказал полковничий денщик, что на хуторе имеется около тысячи человек пехоты, пол-эскадрона конницы, восемь пулеметов.

— Что делают?

— Да чего... К завтраку готовятся.

Городовиков на минуту задумался. Многовато противника-то для эскадрона!.. Потом махнул рукой, приказал:

— В атаку с трех сторон пойдем. Рассыплемся. Залетайте в каждый двор по

ГОРОДОВИКОВ
Ока Иванович

Крестьянин. Участник первой мировой войны. Член Коммунистической партии с 1919 года. Командир кавалерийского полка, кавалерийской бригады, кавалерийской дивизии 1-й Конной армии, командир 2-й Конной армии. Герой Советского Союза.

два-три человека и кричите погромче, приказывайте построже: «Здесь большевики! Выходи без оружия! Бегом на плац, живо!» Я их там встречу.

Вихрем понеслись бойцы к родному хутору.

Ока Городовиков вдвоем с коноводом на плацу с коней соскочили. Ждут. Слышат — со всех концов хутора несется: «Выходи без оружия! Бегом на плац, живо!» По улицам белогвардейцы бегут — кто в чем! И босиком с сапогами под мышкой, и в одних шароварах! Все к плацу спешат. Все больше их. Уже несколько сотен набралось. Даже тревожно становится: ну как схлынет с них испуг, сообразят, что большевиков-то на плацу всего двое, командир да коновод!.. Что тогда?

На счастье, разглядел в толпе Ока Иванович одного своего знакомого, еще царю-батюшке вместе служили.

— Урядник Кузнецов! — приказывает. — Построить всех в две шеренги!

Построились. Переминаются с ноги на ногу, ежатся от холода.

А эскадронцев нет и нет. Из дальних домов последних беляков вышибают, выстрелы слышатся.

Кузнецов докладывает:

— Люди построены. В строю девятьсот девяносто пять человек.

Тут как раз и городовиковцы прибывать начали. Трофейные пулеметы тащат. Белогвардейского генерала в одном исподнем привели. Следом — восемнадцать офицеров.

Ну, с пленными все ясно: пешим порядком — в тыл! Там разберутся. Можно бы и Буденного догонять, да подбегает боец, докладывает:

— Товарищ командир, мешки принес!

— Какие мешки?

— Захвачено, — рапортует, — около тысячи подвод с имуществом и пять мешков бумажных денег.

— Тащи сюда стол да зови людей, — говорит Ока Иванович.

Прямо на плацу хуторяне в очередь выстроились. За «колокольчиками». Так в ту пору деникинские деньги называли. Каждый по нескольку пачек «колокольчиков» получил. Кто знает, может и сгодились они беднякам в их небогатом хозяйстве.

Еще был случай, когда уже не о смелости, а о воинской смекалке в 1-й Конной заговорили. О хитрости Оки Ивановича.

Это уже полтора года спустя — в ноябре 1920-го.

Удар за ударом наносила тогда по белогвардейцам Красная Армия. Немного их уже, недобитых, осталось. Сбежались они, последние белые вояки, к барону Врангелю, вместе с ним в Крыму засели — на последнем клочке земли российской, еще не отвоеванной красными бойцами.

6-я кавалерийская дивизия Оки Ивановича Городовикова стояла над мутными водами Сиваша — не то гнилого озера, не то вонючего залива. Мелкого, топкого, илистого.

Сбоку темнел Чонгар — узенький перешеек, ведущий в Крым. Местные жители его «мостом» называли. Только закрыт был этот «мост» перед красными конниками. Лучшие английские и французские инженеры возвели на нем для барона Врангеля непроходимые, непробиваемые укрепления. Натыкали сотни колов с колючей проволокой. Пулеметы попрятали. Так их расположили, что

каждый метр перед укреплениями простреливался несколькими пулеметами сразу, накрывался перекрестным артиллерийским огнем. Не подступишься!..

Но ведь надо!..

Последний враг Республики Советов засел за теми укреплениями. Спокойненько сидит. Считает, что он в Крыму в полной безопасности. Перекопом отгородился, Сивашом, Турецким валом, Чонгаром!..

Молчит Ока Иванович. На Сиваш смотрит. Морозы гнилую воду ледком прикрыли. Велик ли ледок тот? Человека выдержит? А коня?.. Провалится ежели конь — куда? В трясину липкую... Судя по всему, придется по этому ледку идти. Мимо Чонгара. Где лучше это сделать? По берегу проехаться надо...

Долго Ока Иванович по берегу ездил. Потом на небольшую горку поднялся. И сразу под пулеметный огонь попал. Пришлось назад скакать. Но все же успел бинокль к глазам приложить. Промелькнула в стеклах огромная скирда золотой соломы. Подумалось: а что, если?..

Прискакав в ближайший полк, тут же приказал:

— Вон за той высоткой — скирда соломы. Разобрать!

По небольшой балочке потянулись к скирде конники. Одни вверх залезли — солому скидывают, другие подхватывают ее, вяжут пучками — и в расположение полка, к берегу Сиваша. Врангелевцы, конечно, из пулеметов строчат, из винтовок постреливают, но все равно тает и тает скирда...

Тем временем Ока Иванович приказал своей дивизии быть в полной боевой готовности.

Сам на Сиваш поглядывает.

Вот ветер усилился. Белый снежок по ледку несет.

— Кидай солому! — командует Городовиков. — Настилай дорогу!

Взвод за взводом, рота за ротой ринулись к Сивашу с соломой в руках. Над их головами свистела шрапнель, визжали пули, тяжелые снаряды дырявили лед, поднимали грязевые фонтаны. Падали бойцы, проваливались сквозь ледок в гнилую жижу, но другие шли и шли — прокладывали дорогу. Непрочную, конечно, недолговечную, может, всего-то на полчаса, но по ней уже конники 6-й дивизии вели коней, обходили стороной бетонные укрепления с бойницами, оставляли сбоку ряды колючей проволоки. Даже артиллерию по соломе перетащили.

Веками жила у русского народа пословица: сила солому ломит. А тут хрупкая солома оказалась сильнее всех бетонных укреплений! Сильнее не сама по себе, а отвагою красных конников, их единым порывом.

— Да-ешь! — разносилось над Сивашом.

Исчезла в илистой жиже соломенная дорога. Втоптали ее в рыжий кисель конские копыта, вдавили колеса орудий. Но дивизия-то была уже на твердой крымской земле. Чонгарский «мост» был взят.

Проскакали по нему Буденный с Ворошиловым.

— Ну молодцы! — привстал в стременах Климент Ефремович. — Полагаю, что Шестой дивизии за такую победу надо дать еще одно имя, называть ее отныне Чонгарской.

Так она и стала с той поры называться: 6-я Чонгарская кавалерийская дивизия. И бойцы ее стали называть себя чонгарцами. И Ока Иванович Городовиков не раз говорил: «Я — конармеец! Я — чонгарец!»

МОСКВА, КРЕМЛЬ, ЛЕНИНУ.

12 НОЯБРЯ. СВИДЕТЕЛЬСТВУЮ О ВЕЛИЧАЙШЕЙ ДОБЛЕСТИ, ПРОЯВЛЕННОЙ ГЕРОИЧЕСКОЙ ПЕХОТОЙ ПРИ ШТУРМАХ СИВАША И ПЕРЕКОПА. ЧАСТИ ШЛИ ПО УЗКИМ ПРОХОДАМ ПОД УБИЙСТВЕННЫМ ОГНЕМ НА ПРОВОЛОКУ ПРОТИВНИКА... АРМИИ ФРОНТА СВОЙ ДОЛГ ПЕРЕД РЕСПУБЛИКОЙ ВЫПОЛНИЛИ. ПОСЛЕДНЕЕ ГНЕЗДО РОССИЙСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ РАЗОРЕНО, И КРЫМ ВНОВЬ СТАНЕТ СОВЕТСКИМ. ФРУНЗЕ.

ВРАНГЕЛЬ

Барон фон Врангель, крепко битый,
Убрался в Крым, судьбу кляня.
Был Перекоп его защитой —
Стена бетона и огня!
Но мы прорвали оборону
И Перекоп сумели взять.
Осталось черному барону
Лишь в море Черное нырять...

1921

Будет белым помниться,
Как травы шелестят,
Когда несётся конница
Рабочих и крестьян.

ВОЛГА
АСТРАХАНЬ
УРАЛ
ГУРЬЕВ
ЭМБА
ЧЕЛКАР
К И Р Г И З
ОЗ.ЧЕЛКАР-ТЕНГИЗ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
ФОРТ-АЛЕКСАНДРОВСКИЙ
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ
СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ
КАЗАЛИНСК
КАРМАКЧИ
ПЕТРОВСК
ТЕМИР-ХАН-ШУРА
КУНГРАД
ЧИМБАЙ
НУКУС
ЗАЛ.КАРА-БУГАЗ
Т У Р К Е С Т А
КУНЯ-УРГЕНЧ
УРГЕНЧ
ТУРТКУЛЬ
ХИВА
ДЖУНАИД-ХАН
АНГЛИЙСКИЕ И БЕЛОГВАРДЕЙСКИЕ ВОЙСКА
КУРА
БАКУ
КРАСНОВОДСК
АЙДИН
КАЗАНДЖИК
КИЗЫЛ-АРВАТ
БАМИ
БУХАРА
АМУ-ДАРЬЯ
ЧАРДЖУЙ
САКАР-БАЗАР
ПОЛТОРАЦК
МЕРВ
ТЕДЖЕН
КУШКА
Контрреволюционные «правительства».
Ликвидация контрреволюционных мятежей.

С К А Я А С С Р
ТАНСКАЯ ССР
УРДЖАР
БАХТЫ
ОЗ. БАЛХАШ
УЧ-АРАЛ
БЕЛОГВАРДЕЙСКИЕ ВОЙСКА
ЛЕПСИНСК
ФРОНТ ТУРКЕСТАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
КАПАЛ
ИЛИ
ПЕРОВСК
ХОРГОС
ДЖУЛЕК
СЫРДАРЬЯ
КОЛЬДЖАТ
ВЕРНЫЙ (АЛМА-АТА)
ТУРКЕСТАН
ЛУГОВОЕ
ПИШПЕК
ТОКМАК
НАРЫНКОЛ
КАРАКОЛ
АУЛИЕ-АТА
КОЧКОРСКИЙ
ОЗ. ИССЫК-КУЛЬ
АРЫСЬ
ЧИМКЕНТ
НАРЫН
НАРЫН
ТАШКЕНТ
НАМАНГАН
АНДИЖАН
ДЖАЛАЛ-АБАД
КОКАНД
ОШ
ГУЛЬЧА
ХОДЖЕНТ
СКОБЕЛЕВ
КАТТАКУРГАН
КАГАН (НОВ. БУХАРА)
САМАРКАНД
КИТАБ
ДУШАМБЕ
БОЛЬДЖУАН
ГУЗАР
БАЙСУН
КУЛЯБ
КЕРКИ
ШИРАБАД
ТЕРМЕЗ
ХОРОГ
Народное восстание против хивинского хана (1 февраля 1920 года) и эмира Бухарского (в Сахар-Базаре и Бухаре 28 августа 1920 года).
Образование народных советских республик Хорезмской (27 апреля 1920 года) и Бухарской (8 октября 1920 года).
Бухарская операция 28 августа — 2 сентября 1920 года.
1919 · 1922
ОСВОБОЖДЕНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ

КОНИ И АВТОМОБИЛИ

Рано поутру рассаживались они за столы учебных классов. Слушали и записывали лекции, чертили стрелы на картах, изучали пушки и танки. В общежитие возвращались уже поздно вечером. В медном, сверкающем как солнце чайнике заваривали кипяток и старательно дули в жестяные кружки. Пили молча. До тех пор пока кто-нибудь не произносил: «Вот, помню, получил я приказ...».

Рассказчика выслушивали, и тут же все вдруг начинали вспоминать свое совсем недавнее боевое прошлое.

Молодые все были, горячие. Не остывшие еще от жарких схваток с деникинцами, колчаковцами, дроздовцами. Шел 1919 год, орудийными громами гремели фронты гражданской войны. Прямо оттуда и собрали молодых командиров в Москву — учиться в открытой год назад Академии Генерального штаба. Красной Армии нужны были не только отважные командиры, но и умелые, образованные.

Они и учились. Старательно, прилежно. А вечерами все равно уносились туда, где шли сражения, вспоминали товарищей своих боевых, коней своих верных.

Вечера такого не было, чтобы кто-нибудь о коне своем не вспомнил. В ту пору конь у каждого командира был. Дни и ночи жили они неразлучно. Как же тут не вспомнить, не похвастаться скакуном своим резвым?

Помалкивал в таких случаях один Иван Федько. И не то чтобы не доводилось ему в седле скакать, просто была у него другая любовь — автомобили! Может быть, потому, что хотя и родился он в деревне на Полтавщине, да вырос в городе. Рабочим человеком был Федько — столяром-краснодеревщиком.

Впрочем, помалкивал он тоже не всегда. Иной раз вскакивал с табуретки и начинал яростно доказывать необходимость создания автосоединений и автоотрядов в полках и дивизиях.

Тут уж на него наваливались!..

— Какие там авто!.. Им дороги подавай! Мощеные! А конь — тот везде пройдет.

— Один-два перехода — и выдохнутся ваши кони, — возражал Федько. — В машине же — мотор! Железный!

— А бензин? Коню не овес, так сено дать можно. Солому на худой конец.

— Ничего, — не сдавался Федько. — У нас в Крыму как-то бензина и впрямь не было, так мой ординарец Израенко притащил три ведра вина виноградного, за ночь перегнал его в спирт, залил бак — и поехали!

— Ладно, хорошо, — соглашались более спокойные. — Автомобили, конечно, армии нужны. Продукты подвезти, боеприпасы, раненых в лазареты доставить. Но во время боевых действий!.. В бою-то что им делать?

ФЕДЬКО
Иван Федорович

**Прапорщик первой мировой войны.
Член Коммунистической партии с 1917 года.
Организатор 1-го Черноморского революционного полка в Крыму. Начдив и командарм на Южном фронте. Участник подавления Кронштадтского мятежа.**

— В бою, говорите... — хитро прищуривался Федько. — Так и быть, расскажу вам одну историю.

Я тогда Черноморским полком командовал. Немцы с гайдамаками вытеснили нас из Крыма на Кубань. Тяжеленько приходилось. Немцы на Тамани высадились, по станицам — сплошь деникинские офицерские полки. Со всех сторон наседают.

Вошли мы в станицу Песчанокопскую. Надо было разведку организовать. Автоотряд в ту пору у меня уже был, пять грузовых машин «фиат». Каждая с пулеметом. А то и с двумя. Вот и решил я с ними съездить в соседнее село Лежанки.

Пропылили по степи, прибыли. Уже в село въехали, к площади подъезжаем — как поднялась стрельба! С чердаков, из окон, из-за плетней! В селе-то целый полк дроздовцев оказался. Гляжу, они нам все дороги перерезали. Телегами перегородили, столбами поваленными, бочками какими-то. И конечно, из винтовок бьют, из пулеметов, гранаты кидают!..

Что тут делать?

«Давай по кругу!» — скомандовал шоферу.

Сам — к пулемету.

Пошли мои «фиаты» по площади кружить! Дроздовцам и стрелять-то не с руки, в своих же угадаешь! А мы из пулеметов поливаем и поливаем.

Однако сколько же можно кружить? Патроны на исходе. Двух пулеметчиков убили. Мне тоже плечо царапнуло. Пора выходить из окружения.

Пока кружились, приметил я, что створки одних ворот вроде бы приоткрылись и снова захлопнулись. Полюбопытствовал кто? Вряд ли. Из пустого любопытства головой своей рисковать кому охота? Скорее всего сигналил нам: сюда!

Ну, я шоферу и кричу: «Голубые ворота видишь? Давай туда!» Он с полного хода прямо в них! Ударил — створки настежь. Подмяли какую-то изгородь, проскочили огородами — и в степь. Остальные машины — за нами. Все ушли.

— Вам бы для такого случая броневички! — заметил кто-то из слушателей.

— И броневики у нас были. Потом уже. Три английских «остина» у беляков отбили. Железнодорожники с Тихорецкой подлатали их маленько. Только ремонт закончили — тут как тут деникинцы. Скачут лавой! Сабли наголо! Наверное, вчетверо больше, чем нас.

Вот тут-то броневики и сказали свое слово. Автоотряд обошел белую конницу с тыла и так ударил, что те — врассыпную. Только не всем ускакать довелось.

Слушали командиры Ивана Федько, головами качали удивленно. Никто не сомневался, что так оно и было. О Федько много они были наслышаны. Знали, что сражался он и в Крыму, и на Северном Кавказе, к Астрахани через безводные степи с 11-й армией шел, потом снова в Крыму с беляками дрался, командовал 58-й Крымской стрелковой дивизией. Тогда эту дивизию со всех сторон окружили. Все сразу! С востока — деникинцы, с запада — петлюровцы, с юга — англичане с французами, в тылу еще махновцы бесчинствуют! Вывел все-таки Федько свою дивизию из окружения! С огромными обозами беженцев вывел! Соединился с основными частями Красной Армии в Житомире. Орденом Красного Знамени за то награжден был.

Прямо оттуда и приехал в Академию.

Окончить ее сразу не получилось. Вылез из Крыма Врангель. Написал Федько заявление: «Прошу отправить на фронт», повел в бой против черного барона 46-ю дивизию. За героизм, проявленный в тех боях, Ивана Федько вторым орденом Красного Знамени наградили.

Когда ж скинули Врангеля в Черное море, довелось Федько на другое море попасть — Балтийское. Вел он по кронштадтскому льду бригаду красных бойцов против поднявших мятеж заговорщиков. Третий орден Красного Знамени засверкал тогда на его груди.

Шла уже весна 1921 года, выброшены были из Страны Советов все белые генералы, только война еще не закончилась. На Тамбовщине засели в непролазных лесах недобитые белые офицеры. Жег села, порол и расстреливал людей атаман Антонов.

Банда, конечно, не дивизия вражеская с танками и самолетами, но драться с ней не легче. В каждой деревне у бандитов свои сидят, кулачье всякое. И лошадьми обеспечат, и продуктом. В поле банда не выходит. Налетит на какое-нибудь село — и снова на мелкие бандочки рассыплется по лесам. Ищи-свищи!

Вспомнил Федько про свои автоотряды, опять их создавать начал. Сначала всего семь машин собрал, потом к ним еще добавились. Кавалеристы наши с Федько больше не спорили — вместе действовали, рядом. Обойдут машины село, занятое антоновцами, и гонят их пулеметным огнем под сабли конников!

1921

Все меньше оставалось у антоновцев сил. Одна только банда осталась. Последняя. Неуловимая. Уж сколько за ней гонялись! Сколько раз казалось: всё! Накрыли! Ан, нет... Опять в последний момент ускользала. Хорошие были кони у бандитов!

«Да ведь выдохнутся же они когда-нибудь!» — думал Федько, трясясь в своем открытом «паккарде» по заснеженной лесной дороге. Четко виднелись свежие следы копыт.

И догнал ведь!

Только больно уж много оказалось антоновцев. Чуть не тысяча! Не ожидал Федько встретить такие силы. Что делать? Подкрепления ждать? Так ведь опять уйдут!

Взревели моторы. Понеслись на деревню машины. На «паккарде» Федько пулемет для кругового обстрела оборудован — по всем заборам строчит. Конечно, и банда патронов, гранат не жалеет. Вспыхнула одна из машин, замолчал пулемет на другой. Успел увидеть Федько: с колокольни бьет! Засел там антоновский пулеметчик — все село под обстрелом держит.

Проскочил командир на околицу, запер выход бандитам в эту сторону. В другую им тоже не вырваться, там другие наши машины стоят. До полного разгрома банды — рукой подать! Вот только пулемет этот на колокольне...

С околицы его не снимешь, далеко.

Долго разглядывал Федько в бинокль того пулеметчика. Потом подошел к своему «паккарду», вставил в пулемет новую ленту, тронул за плечо шофера: «Вперед!»

Никак не ожидали антоновцы одинокой машины на улице села. За винтовки схватиться не успели. А «паккард» развернулся, прогремела короткая очередь, и пулемет на колокольне замолчал навсегда.

После окончательного разгрома банды кто-то из командиров заметил Федько:

— Ну и ловко вы того пулеметчика!

— Я всякую технику люблю, — ответил командир. — Автомобиль, к примеру. И пулемет тоже.

В годы гражданской войны только четыре командира Красной Армии были награждены четырьмя орденами Красного Знамени каждый: Василий Константинович Блюхер, Ян Фрицевич Фабрициус, Степан Сергеевич Вострецов и Иван Федорович Федько.

МОСКВА, КРЕМЛЬ, ЛЕНИНУ.
18 МАРТА. ПЕТРОГРАД. БЕЛОГВАРДЕЙСКИЙ
КРОНШТАДТСКИЙ МЯТЕЖ ЛИКВИДИРОВАН.

СЕМНАДЦАТЬ ВСЕГО КОМАНДИРУ ПОЛКА

С махновцами — точка!
Удрали паны́.
Дивизии Врангеля биты.
Но нет над землею еще тишины:
Стреляют, лютуют бандиты.
В тамбовских лесах
словно волки снуют,
Врываются в села ночами
И грабят последнее, вешают, жгут...
Как есть палачи палачами.

Который уж месяц бойцы начеку,
Да нету в погонях успеха.
Потом командира не стало в полку...
Услышали: «Новый приехал».

Не то что весь полк — комиссар удивлен!
Ворчат старики, не таятся:
— Фамилия как его?
— Голиков он.
— А лет ему сколько?
— Семнадцать. —
И вправду, нетрудно понять стариков,
В боях повидавших немало:
— Выходит, две тысячи наших штыков
Мальчишке, юнцу под начало?

Был бой.
Пулеметы стучали вокруг,
Скрываясь в лесном полумраке.
И шел командир на зеленых бандюг,
Не кланяясь пулям в атаке.

Гранатою метко в окно угодил.
Снял конного:
бац! — и готово.
Все поняли:
смелый в полку командир!
И тактику знает толково.

Но снова приказ из Тамбова летит:
«Под Ивеньем банда Попова...»
Тревога!
— По коням! —
Полк снова в пути,
Сражается снова и снова.

Сверкали зарницы на гранях клинка.
Мелькали луга, перелески.
Не раз и не два командира полка
Главком вызывал Тухачевский.

А те старики говорили сейчас:
«Умеет наш Голиков драться!
И вовсе не так уж он молод у нас:
Ему уже целых семнадцать!»

• • •

Когда же умолк разговор канонад,
Земля отпылала пожаром,
Он стал командиром всех наших ребят,
Писателем стал он —
Гайдаром.

ЗОЛОТОЕ ОРУЖИЕ

Много героев родилось в огне боев гражданской войны. Рядовых красноармейцев и комиссаров, красных матросов и конников, комбригов и начдивов. Первый наш боевой орден Красного Знамени получили тысячи человек.

8 апреля 1920 года появилась и еще одна почетнейшая награда. Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета издал декрет об учреждении Почетного революционного оружия. В декрете говорилось: «Почетное революционное оружие, как награда исключительная, присуждается за особые боевые отличия, выказанные высшими начальствующими лицами в действующей армии. Почетным революционным оружием является шашка (кортик) с вызолоченным эфесом и наложенным на эфес знаком ордена Красного Знамени».

Впрочем, награда эта появилась даже раньше изданного декрета. 8 августа 1919 года Президиум ВЦИК постановил наградить «боевым золотым оружием» двух красных полководцев: С. С. Каменева и В. И. Шорина.

Сергей Сергеевич Каменев и впрямь был полководцем, в полном смысле этого слова, еще до революции командовал он 30-м Полтавским пехотным полком. В 1917 году не многих бывших офицеров выбирали солдаты своими командирами — Каменева выбрали. Видели, что хотя он и «золотопогонник», а всей душой стоит за свободу, за власть трудящихся, за диктатуру пролетариата.

Одним из первых отозвался Сергей Сергеевич на призыв к бывшим офицерам вступить в молодую Красную Армию. Во время похода белого адмирала Колчака он стал командующим Восточным фронтом.

На тысячу восемьсот километров протянулся этот фронт. Сражались на нем армии Г. Д. Гая, В. И. Шорина, М. Н. Тухачевского, М. В. Фрунзе.

Весной 1919 года колчаковские армии перешли в наступление. Они уже были под Уфой, восемьдесят километров оставалось им до Казани и до Самары, сто — до Симбирска.

Главком Каменев сумел остановить отступающие полки, направил их удары в самые уязвимые стыки белых армий, повел вперед.

В июне Красная Армия вышла на линию, с которой колчаковцы начали наступать в марте. И тогда Каменев был назначел главнокомандующим всеми вооруженными силами Республики.

А в августе ВЦИК принял постановление: «Товарища Каменева Сергея Сергеевича за боевые заслуги и организационные таланты, проявленные им против врагов Республики, а также за опытное и умелое руководство Красной Армией на Восточном фронте наградить боевым Золотым оружием со знаком ордена Красного Знамени».

КАМЕНЕВ
Сергей Сергеевич

Член КПСС с 1930 г. В годы гражданской войны — командующий Восточным фронтом. С июня 1919 г. — главнокомандующий Вооруженными силами Республики, член Реввоенсовета. Командир 1-го ранга.

В тех боях против колчаковцев сражался и Василий Иванович Шорин. Командовал 2-й армией Восточного фронта. Был он старым, опытным воякой. Еще в годы империалистической войны Шорин заслужил почти все ордена, которыми награждались офицеры.

Но первое его донесение с Восточного фронта было нерадостным.

«Доношу, — сообщал он в Москву, — что, прибыв 13 сентярбя 1918 года в район 2-й армии, я застал армию в полном развале. Штаб находился в состоянии тяжелой дезорганизации, от армии оставалось несколько партизанских отрядов, оторванных от штаба, окруженных неприятелем, плохо снабженных и морально разложившихся.

...Дальнейшее движение вперед в пределах указанной вами задачи задерживается вследствие малочисленности сил, еле достаточных для того, чтобы удерживать завоеванные позиции против многочисленного неприятеля».

Но уже в сентябре Шорин из отдельных отрядов сформировал две дивизии. Вскоре из них выросла армия в семнадцать с половиной тысяч человек. И пошла против двадцати пяти тысяч белогвардейцев.

7 ноября того же 1918 года штаб армии телеграфировал В. И. Ленину: «Доблестные войска Второй армии шлют горячие поздравления с великим праздником и преподносят город Ижевск. Сего числа в 19 часов 40 минут г. Ижевск взят штурмом».

13 ноября был взят Воткинск.

В постановлении Президиума ВЦИК о награждении Василия Ивановича Шорина было указано: «...за боевые заслуги, проявленные в боях против сил

ШОРИН
Василий Иванович

В годы гражданской войны — командующий 2-й армией Восточного фронта. Позднее — командующий Юго-Восточным фронтом, Кавказским фронтом, Туркестанским фронтом, помощник главкома Вооруженными силами Республики по Сибири.

ТУХАЧЕВСКИЙ
Михаил Николаевич

Член КПСС с 1918 года. В годы гражданской войны — комиссар обороны Московского района, командующий 1-й армией Восточного фронта, командующий 5-й армией, Кавказским фронтом, Западным фронтом. Маршал Советского Союза.

Колчака, и умелое руководство в качестве командующего 2-й армией Восточного фронта».

Золотое оружие!.. Им были награждены только двадцать человек.

Третьим из награжденных стал Семен Михайлович Буденный, «проявивший во главе своего кавалерийского корпуса особую храбрость, широкую инициативу, энергию и распорядительность на различных частях Южного и Юго-Восточного фронтов, благодаря чему неприятельская кавалерия Мамонтова и Шкуро после непрерывного ряда удачных боев была разбита».

Четвертым из награжденных стал Михаил Николаевич Тухачевский.

В один и тот же день — 5 апреля 1918 года — был он принят в Коммунистическую партию и вступил в ряды Красной Армии.

Труден был его путь в революцию. И не только потому, что Тухачевский был дворянином, офицером царской армии. В феврале 1915 года он попал в плен. Четырежды бежал Михаил Николаевич из лагерей военнопленных. Четырежды его ловили. Пятый побег оказался удачным. Осенью 1917 года Тухачевский вернулся в Россию. Весною следующего года он уже работает в Военном отделе ВЦИК; летом выезжает на Восточный фронт.

В мандате, выданном Михаилу Николаевичу, было сказано, что он направляется для исполнения «работ исключительной важности», а также командования высшими войсковыми соединениями.

Мандат словно предопределил путь молодого большевика. Выполняя «работы исключительной важности», Тухачевский смело, настойчиво, решительно ведет красные полки, громя белогвардейцев, белочехов, белополяков, колчаковцев, деникинцев, командует армиями и фронтами, по льду Финского залива идет в бой против мятежников, засевших в Кронштадте, а на Тамбовщине громит засевшие в лесах шайки бандитов эсера Антонова.

Шашка, украшенная орденом Красного Знамени, отметила его талант, проявленный в боях с армиями Колчака. 29 декабря 1919 года телеграф из Москвы отстучал: «Награждается Почетным золотым оружием командующий 5-й армии тов. Михаил Николаевич Тухачевский за личную храбрость, широкую инициативу, энергию, распорядительность и знание дела, проявленные им при победоносном шествии доблестной Красной Армии на Восток, завершившемся взятием гор. Омска».

В те трудные годы командармы редко получали под свое командование готовые, обученные и боеспособные армии. Чаще всего им приходилось самим создавать эти армии, собирать из отдельных отрядов, из присланного пополнения — необученных крестьян и рабочих.

Одну из таких армий — 9-ю — создал в непрерывных боях и походах Иероним Петрович Уборевич.

УБОРЕВИЧ
Иероним Петрович

Член КПСС с 1917 года. В годы гражданской войны — командующий 5-й, 9-й, 13-й, 14-й армиями, войсками Украины и Крыма, Восточно-Сибирского военного округа, министр и главнокомандующий Народно-революционной армией Дальневосточной республики. Командарм 1-го ранга.

ЕГОРОВ
Александр Ильич

Член КПСС с 1918 года. Участник обороны Царицына, командующий 10-й армией. Командующий Южным фронтом, Юго-Западным фронтом. Маршал Советского Союза.

В годы империалистической войны сын литовского бедняка Пятраса Уборявичюса Иероним, по крохам получивший образование, был прапорщиком. Годы спустя он записал в своей автобиографии: «Не скажу, чтобы я быстро, отчетливо во всем ориентировался, но основное — против войны, против буржуазии, за власть Советов — я осознал и стал действовать активно».

В марте 1917 года он вступает в партию коммунистов.

Осенью того же года Уборевич уже командует красногвардейским полком, дерется с солдатами немецкого кайзера Вильгельма, рвущимся к Одессе.

В одном из боев красногвардейский полк потерпел тяжелое поражение. Израненный, окровавленный его командир попал в плен. И не только в плен. За «вредную» агитацию среди немецких солдат его бросили в тюрьму. Много ночей подпиливал Уборевич решетку окна... Подпилил и бежал.

В августе 1918 года он уже воюет против интервентов на Северной Двине, командует батареей тяжелых орудий. Позже командует дивизией, обороняющей Вологду. А когда летом 1919 года генерал Деникин повел свою стопятидесятитысячную армию на Москву, Уборевич уже там. Снова создает полки, дивизии, армию. И снова громит врага.

Его видели в штабе склонившимся над картой. Но видели и в атакующих цепях, впереди всех. Бойцы не знали, когда он спит. Казалось, Уборевич всегда на ногах, всегда в работе. «Правильный командир», — говорили о нем красноармейцы.

Деникинские армии откатывались к югу, на Екатеринодар. По пятам за ними шла 9-я армия Иеронима Уборевича. О том, как эти армии встретились, писал главком Каменев:

«Отступающий через Екатеринодар противник не успел переправиться через реку Кубань, где и был стремительно атакован Уборевичем. В результате ожесточенного, 12-часового боя белые были взяты в плен в количестве свыше 20 тысяч солдат и 2 тысячи офицеров; кроме того, захвачено 30 аэропланов, 4 бронепоезда, 5,5 миллионов патронов, более 40 орудий, множество пулеметов и прочего военного имущества».

8 апреля 1920 года Президиум ВЦИК наградил Иеронима Петровича Уборевича «высшей боевой наградой — Почетным золотым оружием».

Шестым кавалером высокой награды стал начальник дивизии Семен Константинович Тимошенко. В постановлении Президиума ВЦИК говорилось: «...будучи на польском фронте... он своей исключительной храбростью и героизмом вел вверенные ему части, несмотря на тяжелые условия борьбы, к победе над противником. Всегда находясь в самых опасных местах, тов. Тимошенко, благодаря смелому и быстрому ориентированию в боевой обстановке, личным

примером поднимал дух среди бойцов, чем всегда достигал полного успеха и наголову разбивал противника».

В ноябре 1920 года был добит последний белогвардейский генерал — барон Врангель. Борьба с черным бароном была очень сложной. Воедино слились в ней доблесть красноармейцев и мудрость их командиров. Не случайно многие наши военачальники были отмечены высшей военной наградой — Золотым оружием.

Награждая командующего Южным фронтом Михаила Васильевича Фрунзе, Президиум ВЦИК отмечал: «...с необычайной быстротой оценив правильно обстановку, обрушился на главные силы Врангеля, занимавшие Перекопские и Юшуньские укрепленные позиции, и, лично руководя частями, назначенными для штурма, разбил врага и овладел укрепленными позициями».

«...За то, что, лично участвуя во всех боях Конной армии на Южном фронте, он неустанно воодушевлял войска на подвиги, приведшие к полному разгрому Врангеля», награжден был Почетным золотым оружием и Климент Ефремович Ворошилов.

«За доблестное руководство войсками армии при переправе через Днепр в районе г. Никополя и при разгроме 1-го корпуса противника, чем решил участь Мелитопольской укрепленной позиции», был награжден Почетным революционным оружием и командующий 2-й Конной армией Филипп Кузьмич Миронов.

«За взятие Перекопских и Юшуньских укрепленных позиций, открывших дорогу в Крым, и за энергичное преследование противника, приведшее к быстрому занятию всего полуострова», высокую награду получил и командующий 6-й армией Август Иванович Корк.

Был награжден и командир 3-го конного корпуса Николай Дмитриевич Каширин — «за бои к Северу от Сиваша и за неутомимо быстрое преследование противника, закончившееся взятием г. Керчи и захватом многочисленных трофеев».

За «редкое мужество и умелое руководство в сложной и весьма опасной и чрезвычайно важной операции» при разгроме Врангеля были награждены Золотым оружием начдивы Яков Филиппович Балаханов, Владимир Степанович Нестерович и военком дивизии Василий Гаврилович Винников-Бессмертный.

Но вернемся немного назад.

Когда летом 1918 года армии генерала Краснова пошли на Царицын, командующим нашей 10-й армией, защищавшей волжскую твердыню, стал Александр Ильич Егоров. В самые тяжелые для армии дни принял он ее под свое руководство. Враги рвались к Волге. Их артиллерийские снаряды уже сыпались на город. Наших бойцов косил тиф...

Но в эти дни в ряды Красной Армии по призыву партии встали около пяти тысяч царицынских рабочих, а командарм-10 подготовил сильный удар по

ТИМОШЕНКО
Семен Константинович

Член КПСС с 1919 года. Участник разгрома калединщины. Прошел путь от рядового бойца до комбрига, начдива, командарма, Маршала Советского Союза. Дважды Герой Советского Союза.

КУТЯКОВ
Иван Семенович

Член КПСС с 1917 года. Командир красногвардейского отряда, полка, стрелковой бригады, начальник дивизии. Сподвижник В. И. Чапаева. Участник форсирования Днепра летом 1920 г. Командующий Хорезмской группой войск Туркестанского фронта при ликвидации басмачества. Комкор.

врагу на своем правом фланге. Выполнить его он поручил только что родившейся коннице Буденного, ее двум первым кавалерийским бригадам.

Спустя год, поздравляя Александра Ильича с пятидесятилетием, Семен Михайлович Буденный писал ему: «Именно при Вашем участии начался не золотой, а красный век конницы, конницы вооруженных сил победоносного пролетариата».

А потом были еще фронты и фронты...

17 февраля 1921 года, награждая А. И. Егорова Почетным революционным оружием, в своем постановлении Президиум ВЦИК записал: «Вступив в командование армиями Южного фронта 13 октября 1919 года, в период, когда наши войска под ударами Деникина отходили к Северу и оставили г. Орел, тов. Егоров быстро восстановил боеспособность частей Южного фронта, перешел в решительное наступление, которое привело нас через четыре с половиной месяца к берегам Черного и Азовского морей и сопровождалось разгромом главных сил Деникина, захватом 45 000 пленных, 1000 орудий, 1450 пулеметов, 34 бронепоездов, 11 танков. Затем в начале июня 1920 года тов. Егоров нанес жестокое поражение объединенным силам Польши и Петлюры и, продолжая развивать успех, способствовал удачным действиям Красной Армии в борьбе с Польшей, а в ноябре 1920 г., когда обнаружился замысел наших врагов использовать Петлюру для действий на Украине после заключения перемирия с Польшей, разгромил в течение 12 дней банды Петлюры, захватив 12 000 пленных, 35 орудий, 350 пулеметов и другие трофеи, принудив остальные части интернироваться в Польшу и Румынию».

Гражданская война уже подходила к концу, когда в марте 1921 года подкупленные иностранными капиталистами меньшевики, эсеры и анархисты подняли контрреволюционный мятеж в Кронштадте. В их распоряжении было два линкора, другие боевые корабли, сто сорок орудий береговой обороны, пулеметы, а самое главное — остров Котлин, на котором стоял город. Добраться туда можно было только по льду...

В те дни в Москве проходил X съезд партии большевиков. Узнав о мятеже в Кронштадте, триста делегатов съезда выехали в Петроград, став бойцами 7-й армии. Среди них были К. Е. Ворошилов, П. Е. Дыбенко, Я. Ф. Фабрициус, А. С. Бубнов, В. П. Затонский, И. С. Конев, И. Ф. Федько, И. В. Тюленев. Войсками Северной группы, пошедшей на штурм Кронштадта по льду Финского залива, командовал Евгений Сергеевич Казанский. Начальниками штурмующих колонн были Григорий Давидович Хаханьян и В. Р. Розе. К утру 18 марта мятежники были разгромлены. Советские войска потеряли в этих боях пятьсот двадцать семь человек. Мятежников же было убито свыше тысячи. Более двух тысяч захвачено в плен. Не пожелавшие сдаться удрали по льду в Финляндию.

За умелое руководство штурмом Кронштадта Е. С. Казанский, Г. Д. Хаханьян и В. Р. Розе были награждены Золотым оружием.

Почетной награды был удостоен и герой гражданской войны Григорий Иванович Котовский. Он получил ее «за личное руководство 20 августа 1921 года выдающейся по смелости операцией у деревни Дмитровское (Кобылянка), в результате которой были уничтожены главари крупных шаек, а сами шайки в значительной мере изрублены, рассеяны и совершенно деморализованы. Тов. Котовский, будучи ранен, тем не менее, не оставил руководства вверенны-

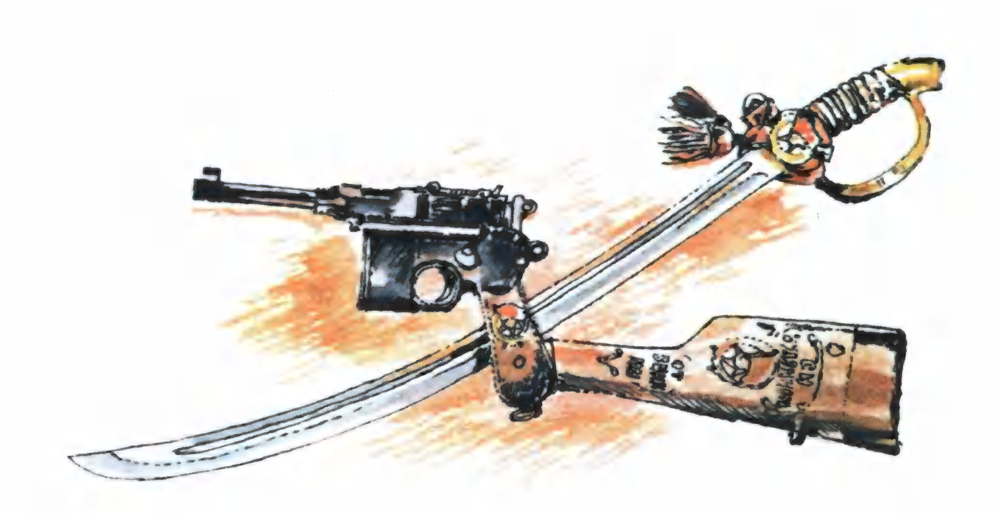
1921

ми ему частями, благодаря чего операция была закончена столь успешно». Этой победой по сути дела была ликвидирована антоновщина, покончено с контрреволюционным бандитизмом, действовавшим в лесах Тамбовщины.

Василий Иванович Чапаев не дожил до учреждения этой высокой награды, он погиб 5 сентября 1919 года под Лбищенском. Но чапаевцы не дрогнули. Боевой друг легендарного комдива Иван Семенович Кутяков «объединил под своим командованием группу из трех бригад и, лично руководя ими, решительными атаками ликвидировал временный успех противника», разгромил белоказачью армию, прогнал врагов от Лбищенска, гнал их до самого Каспия, взяв город Гурьев. За это И. С. Кутяков был также награжден Золотым оружием.

Вскоре после окончания гражданской войны, в 1924 году, была учреждена и еще одна высокая боевая награда: «Почетное огнестрельное оружие с орденом Красного Знамени». Это был пистолет («маузер»), на рукоятке которого крепился орден и серебряная накладка с надписью: «Честному воину Рабоче-Крестьянской Красной Армии от Центрального Исполнительного Комитета».

Такой награды удостоились только два человека, имевшие ранее все другие высокие награды страны: Сергей Сергеевич Каменев и Семен Михайлович Буденный.

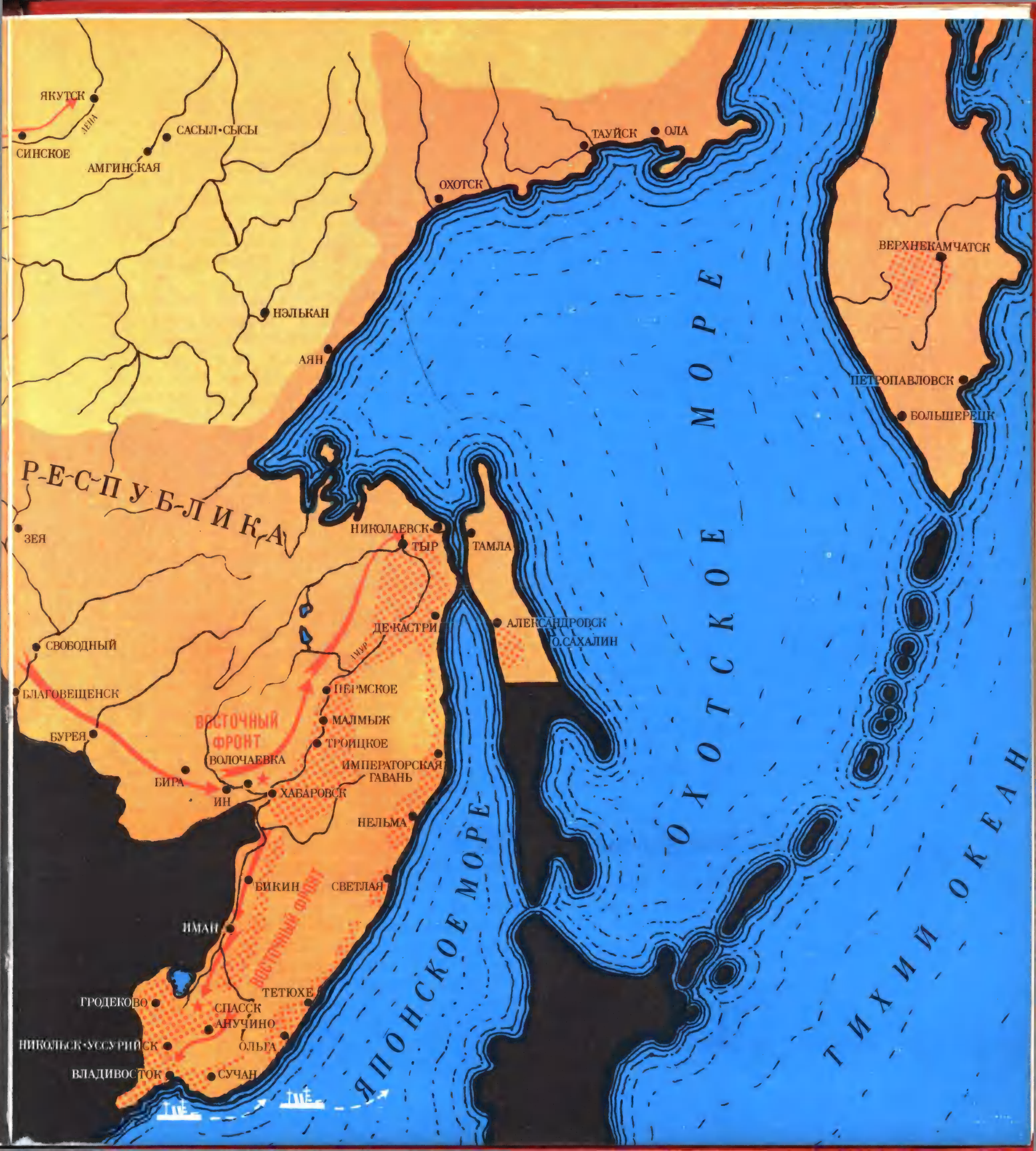

1922

Разгромили атаманов,
Разогнали всех господ
И на Тихом океане
Свой закончили поход.

ЕНИСЕЙ
КРАСНОЯРСК
НИЖНЕУДИНСК
УСТЬ-КУТ
КИРЕНСК
ВИТИМ
БЕРЕЗОВСКОЕ
ОЛЕКМИНСК
БОДАЙБО
ЖИГАЛОВО
оз. БАЙКАЛ
ЛЕНА
ЧЕРЕМХОВО
ИРКУТСК
БАРГУЗИН
ЗАПАДНО ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ ФРОНТ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ
ВЕРХНЕУДИНСК
ВОСТОЧНО ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ ФРОНТ (АМУРСКИЙ)
АМАЗАР
ХИЛОК
ЧИТА
ТРОИЦКОСАВСК
КЯХТА
КАРЫМСКАЯ
СРЕТЕНСК
НЕРЧИНСК
ОЛОВЯННАЯ
АКША
НЕРЧИНСКИЙ ЗАВОД
АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ЗАВОД
БОРЗЯ
ДАУРИЯ
Дальбюро ЦК РКП(б) — руководящий центр борьбы против интервентов и белогвардейцев на Дальнем Востоке.
Действия Народно-революционной армии.
Основные районы партизанского движения.
Части Красной Армии и партизанский отряд Каландаришвили.
Японские интервенты (октябрь 1922 года), «Сакраменто» (США) (ноябрь 1922 года).
1922
РАЗГРОМ
ЯПОНСКИХ ИНТЕРВЕНТОВ И БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

ЯКУТСК
ЛЕНА
СИНСКОЕ
САСЫЛ-СЫСЫ
АМГИНСКАЯ
ТАУЙСК
ОЛА
ОХОТСК
ВЕРХНЕКАМЧАТСК
НЭЛЬКАН
АЯН
ПЕТРОПАВЛОВСК
БОЛЬШЕРЕЦК
ОХОТСКОЕ МОРЕ
Р-Е-С-П-У-Б-Л-И-К-А
ЗЕЯ
НИКОЛАЕВСК
ТЫР
ТАМЛА
ДЕ-КАСТРИ
АЛЕКСАНДРОВСК
О.САХАЛИН
АМУР
СВОБОДНЫЙ
БЛАГОВЕЩЕНСК
ПЕРМСКОЕ
ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ
МАЛМЫЖ
БУРЕЯ
ТРОИЦКОЕ
ВОЛОЧАЕВКА
ИМПЕРАТОРСКАЯ ГАВАНЬ
БИРА
ИН
ХАБАРОВСК
НЕЛЬМА
БИКИН
СВЕТЛАЯ
ИМАН
ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ
ТЕТЮХЕ
ГРОДЕКОВО
СПАССК
АНУЧИНО
НИКОЛЬСК-УССУРИЙСК
ОЛЬГА
ВЛАДИВОСТОК
СУЧАН
ЯПОНСКОЕ МОРЕ
ТИХИЙ ОКЕАН

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Они знали, сколько их шагало в строю: двести сорок.

Ровно столько было в школе младших командиров 2-й Приморской дивизии. Вместе с командирами.

Всех их подняли по тревоге. Приказано было взять имеющийся боезапас и форсированным маршем выступить к селу Монастырщина.

Андрей Лысов нес на плече ствол пулемета «максим» и изредка поглядывал на шагавшего рядом новичка Панкратова. Знал о нем Лысов ровно ничего, одну фамилию. Позавчера лишь прибыл Панкратов в их взвод — не успели еще и поговорить друг с другом. А утром на разводе услышал: «Панкратов! Пойдете вторым номером к курсанту Лысову».

Вторым номером... Значит, доведись с беляками схватиться, вместе им у пулемета лежать, плечо к плечу.

Панкратов шагал молча. Нес на плечах станину пулеметную с тяжелыми литыми колесами.

— Панкратов, — не стерпел Лысов, — тебя хоть как звать-то?

— Зиновием.

— Ишь ты! — удивился Лысов. — Зиной, стало быть! А меня — Андреем. Пулемет-то знаешь?

— Знаю. Пять ден как расстался.

— Где?

— Да как раз тут, под Спасском.

— Ишь ты! — снова удивился Лысов. — Значит, с Уборевичем воевал? А я с Блюхером. Волочаевку слышал?

— Разговорчики! — донесся сбоку голос взводного Ромашина. Взводного побаивались. Был он старше всех, воевал еще на германском фронте и к дисциплине относился с величайшим почтением.

— Тихо надо, — добавил взводный помягче.

Пошли тихо. Только хруст опавших листьев под ногами выдавал их движение. Осень уже основательно покрасила рыжиной сопки. Со дня на день можно было ожидать первого снега.

Но курсанты о снеге не думали. Когда впереди бой, о снеге ли думать? Тут все думки о позиции, которую предстоит занять, о противнике — когда он появится да сколько его?

Знал это генерал Дитерихс.

Никак не хотелось генералу верить, что после разгрома его коллеги генерала Молчанова под Спасском победы белым войскам уже вовек не видать. И японцы не помогут...

Плохим воякой был генерал Дитерихс. Паркетным. Придворным бывшего царя Николая II. Но тут ему пришлось засесть над картой, собрать недобитых своих советников и решать, что делать.

Решили ударить в тыл Народно-революционной армии, расстроить ее войска и к Владивостоку не допустить.

Войско собрали немалое: две тысячи четыреста белоказаков.

Разведка курсантов то войско издалека углядела. Доложила: «Идут. Много».

Разведка белоказаков тоже доложила: «Впереди противник. Мало».

Не знали курсанты, что на деле-то было две тысячи четыреста против двухсот сорока. На каждого по десять.

Лысову с Панкратовым неплохая позиция досталась, на небольшой сопочке.

— Как под Спасском, — определил Панкратов. — Только наоборот. Там к белякам ни слева, ни справа подойти нельзя было. С одной стороны озеро Хасан, с другой — горы Сихотэ-Алиня. А посередке — форты. Семь штук счетом. Окопы. Пять рядов колючей проволоки.

— Под Волочаевкой проволоки этой до восьми рядов было. Даже кусты все опутаны, — отозвался Лысов. — Фортов, правда, не было. Зато бронепоездов у белых хватало, пушек много. А у нас один старенький танк.

— Волочаевка ж зимой была...

— В феврале. Снегу — хоть плыви в нем!

— А танк?

— Карабкался сбоку где-то. Потом стал. То ли подбили, то ли замерз. Морозы-то за сорок градусов трещали! Перли мы на эту проволоку стеной. Руками рвали. Гранатами. Штыками столбы выковыривали...

— То-то Уборевич интендантам потом разгон устроил, — усмехнулся Панкратов. — Сам слышал. Приехал он в наш полк, осмотрел все, а потом командиров спрашивает: «Как могло случиться, что в Волочаевской операции бойцы рвали грудью колючую проволоку, а ножницы преспокойно лежали на складе?»

— Правильно спросил. Мы тогда на проволоку эту друг по дружке лезли. И Блюхер с нами. В снегу по пояс.

— Уборевич тоже с нами в атаку ходил. На форт номер один.

— Трудно под Волочаевкой было, — вздохнул Лысов. — Ох и трудно!.. Сопочка там торчала: Июнь-Карань. Называлась по-летнему, а встречала по-зимнему. Беляки ее водой облили — не вскарабкаешься. Мешками с землей пулеметные точки обложили, тоже облили. А перед сопкой — поле чистое, снежное. Ни деревеньки, ни домика захудалого. Деревня-то Волочаевка за сопкой была, у белых. Им-то можно было и погреться изредка!..

Пошли мы на штурм. Проволоку кое-как преодолели, по ледяным кручам вскарабкались — огненная стена встала! Сколько там у беляков орудий да пулеметов было — не знаю, но косили косой. Стали мы. Назад отхлынули. Лежим в снегу час, лежим два. Мало нам морозу — снежная буря поднялась. Ветер — что тебе сабля! Не режет, а сечет! Согреться нечем. Кухне к нам не подобраться, махорка в снегу отсырела. Хорошо, Колька со мной сеном поделился, я то сено в сапоги напихал.

Лежим. Блюхер рядом. В коротеньком полушубке, на голове заячья шапка-ушанка. От роты к роте ходит, в снегу проваливаясь. «Не робейте, товарищи, — подбадривает. — На войне всегда так, то холодно, то жарко. Важно сделать так, чтобы противнику жарко стало».

И дали им жару! Пока мы лежали, Блюхер артиллерию подтянул, два наших броневика к самой сопке прорвались. Тогда уж и мы пошли!

Панкратов слушал не перебивая. Изредка поглядывал на расстилавшуюся внизу, зажатую с двух сторон сопками долину. Повторил снова:

— Как под Спасском. Только наоборот... Теперь белякам не обойти нас.

Беляки это тоже понимали. Да, видно, понадеялись на силу свою. Решили опрокинуть курсантов с ходу, пустить их в распыл — конной лавой пошли.

Словно перечеркнуло рыжую долину черной полосой. Всю ширину ее заняли скачущие кони. Блеснули клинки.

— Не стрелять! Не стрелять! — бегал пригнувшись вдоль цепи взводный Ромашин. — Подпустим ближе и залпом! Огонь!

Полыхнула цепь пламенем. Ударила громом.

Споткнулись на бегу казачьи кони.

— Огонь!

Рассыпалась лава. Хлынула ручейками в разные стороны.

И словно орудиям простор дала. Заговорили белогвардейские пушки. Вздыбили фонтанами землю.

Некуда спрятаться. Не успели курсанты окопов понаделать, чуть не с ходу в бой вступили.

А беляки то фугасными, то шрапнелью бьют. Одним снарядом полвзвода скосило.

— Колька! — закричал Лысов, рванулся было к повалившемуся дружку бежать, да взводный его командой остановил:

— Огонь!

За стеной дыма порохового, за землей вздыбленной казаки снова в атаку пошли. В пешем строю теперь. То цепью идут, то залягут, то опять вперед — перебежкой...

Лысов прищуренным глазом к прицелу припал, рукоятки сжимает, стволом из стороны в сторону поводит.

Видно, как падают беляки. Да поди знай, чего они падают: то ли убит, то ли залег. У беляков-то винтовки тоже в руках. Стрелять они, бородачи, умеют.

Схватился за голову курсант, что рядом с пулеметом лежал. Хлынула между пальцами кровь...

От снарядов хочется в землю втиснуться, сквозь колючую траву кротом закопаться, да нельзя: опять казачьи цепи идут.

— Зина, ленту!

— Последняя!

— Давай сюда и в тыл двигай, к повозкам. Тащи две коробки.

Заправил Панкратов ленту. Гранату от пояса отцепил, положил рядом с Лысовым, пополз вниз по склону. На полпути догнало его «...а-а-а!». Казаки, верно, в рост пошли. Тут уж ползать некогда. На ноги вскочил Панкратов, кинулся вниз бегом — за патронами. Схватил две коробки — и назад. Бежит, а пулемета не слышит. Неужели патроны кончились? Потом взрывом грохнуло. Осколки над головой просвистели...

Прорвался Панкратов сквозь кусты — понял: опоздал!.. Лежит Лысов на спине, смотрит в небо невидящими глазами. Пулемет тоже на боку лежит, одно колесо крутится...

А казаков не видно. Должно быть, остановил их Лысов последней гранатой.

Кинулся Панкратов к пулемету, поставил его на колеса, вправил ленту, выглянул из-за щитка: вон они, гады! Опять цепью идут. Которая уже это атака?

— Панкратов... — слышит. Оглянулся — Ромашин ползет. Гимнастерка вся от крови бурая...

— Ты, Панкратов, дай очередь... И меняй... позицию... Пристрелялись они к этой... Левее бери... Видишь вон...

Не договорил взводный. Уронил голову на рыжую траву...

Сколько потом атак было, Панкратов не помнил. Кто ему ленты два раза приносил, не успел разглядеть. Только не прорвались беляки. Отхлынули. Побежали к Владивостоку, вместе со своим Дитерихсом на корабли японские грузиться, за моря драпать.

Сколько беляков от тех двух тысяч четырехсот в живых осталось, Панкратов тоже не знал.

Сколько курсантов из боя вышло, знал точно: шестьдесят семь.

Все они до единого были награждены орденом Красного Знамени.

МОСКВА, КРЕМЛЬ, ЛЕНИНУ.

14 ФЕВРАЛЯ ВОЙСКА НАРОДНО-РЕВОЛЮЦИОННОЙ АРМИИ ПРИМОРЬЯ, РАЗГРОМИВ БЕЛОГВАРДЕЙСКИЕ БАНДЫ ПОД ДЕРЕВНЕЙ ВОЛОЧАЕВКОЙ, ВСТУПИЛИ В ХАБАРОВСК.

9 ОКТЯБРЯ ПОСЛЕ ТРЕХДНЕВНЫХ ОЖЕСТОЧЕННЫХ БОЕВ ВЗЯТ СПАССКИЙ УКРЕПЛЕННЫЙ РАЙОН...

15 ОКТЯБРЯ ЧАСТИ НАРОДНО-РЕВОЛЮЦИОННОЙ АРМИИ И ПАРТИЗАНСКИЕ ОТРЯДЫ ВСТУПИЛИ В НИКОЛАЕВСК-УССУРИЙСК.

25 ОКТЯБРЯ ЧАСТИ НАРОДНО-РЕВОЛЮЦИОННОЙ АРМИИ СОВМЕСТНО С ПАРТИЗАНСКИМИ ОТРЯДАМИ ИЗГНАЛИ ПОСЛЕДНИХ БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ ИЗ ПРИМОРЬЯ. НАД ВЛАДИВОСТОКОМ — КРАСНОЕ ЗНАМЯ СТРАНЫ СОВЕТОВ!

1918-
1922

5 ЛЕТ КРАСНОЙ АРМИИ

1918 23.02. 1923

От Петрограда до Владивостока! От Архангельска до Батуми! 23 февраля 1918 года Советская Россия занимала пространство в ОДИН МИЛЛИОН ПЯТЬСОТ ТЫСЯЧ квадратных верст и насчитывала 61 МИЛЛИОН жителей.

23 февраля 1923 года Советская Россия занимает пространство в ВОСЕМНАДЦАТЬ МИЛЛИОНОВ ТРИСТА ДЕВЯНОСТО ВОСЕМЬ ТЫСЯЧ квадратных верст с 131 МИЛЛИОНОМ жителей.

Строясь и закаляясь в непрерывных боях, продолжала свой великий путь Красная Армия. На фронте, растянувшемся на ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ верст, она воевала против всего мира...

ВСЕ СИЛЫ СТАРОГО МИРА были испробованы, чтоб сокрушить первую рабочую и крестьянскую революцию.

И все они разбились о мощь Красной Армии.

Потому что:

КРАСНАЯ АРМИЯ защищала поля, фабрики и заводы трудового народа.

КРАСНАЯ АРМИЯ после каждого поражения только крепче сплачивала свои ряды.

КРАСНАЯ АРМИЯ после каждой победы еще больше напрягала свои силы, чтобы окончательно добить врага.

КРАСНАЯ АРМИЯ СИЛЬНА ТЕМ, ЧТО ВЕРИТ В СВОЮ ПРАВДУ.

КРАСНАЯ АРМИЯ СИЛЬНА ТЕМ, ЧТО ТЕСНО СПАЯНА С КАЖДЫМ РАБОЧИМ У СТАНКА, С КАЖДЫМ КРЕСТЬЯНИНОМ У ПЛУГА.

В дни тяжкой разрухи, когда замирали мастерские и останавливались железные дороги, — кто на субботниках и воскресниках отдавал свой труд для восстановления хозяйства?

КРАСНОАРМЕЕЦ!

В дни голода кто делился последним фунтом хлеба с умирающим братом?

КРАСНОАРМЕЕЦ!

Кто в промежутке между двумя ожесточенными схватками, во время похода запахивал поле бедной крестьянки?

КРАСНОАРМЕЕЦ!

Кто устраивал в деревне избу-читальню, спектакль, митинг?

КРАСНОАРМЕЕЦ!

Кто всегда и везде БЫЛ ПЕРВЫМ?

КРАСНОАРМЕЕЦ!

Имя красноармейца с ненавистью и страхом произносит буржуа.

Имя красноармейца с любовью и восторгом повторяют трудящиеся всего мира.

В течение пяти лет Красная Армия высоко держала знамя пролетарской революции.

И она не опустит его до окончательной победы трудящихся!

(Из листовки Политического управления
Петроградского военного округа)

СОДЕРЖАНИЕ

Дорогие читатели!

Ждем ваших отзывов о содержании и оформлении этой книги. Сообщите, пожалуйста, свой точный адрес и возраст.

Пишите нам по адресу: Ленинград, 191187, наб. Кутузова, 6. Дом детской книги издательства «Детская литература».

Рисунки художников Б. Аникина, А. Аземши, М. Беломлинского, А. Борисенко, А. Голованова, С. Захарьянца.

Оформление и макет В. Итальянцева

На фронтисписе использована фотография «В. И. Ленин с группой командиров обходит фронт войск Всевобуча на Красной площади». Москва, 25 мая 1919 года.

Рецензент Кулышев Ю. С., кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории партии при Ленинградском обкоме КПСС.

ДЛЯ СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Суслов Вольт Николаевич

ШЛА ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Ответственный редактор И. В. Чурова.
Художественные редакторы А. В. Карпов и А. П. Гасников.
Технический редактор Т. С. Тихомирова.
Корректоры В. Г. Арутюнян и И. В. Гармашева.

ИБ 9921

Сдано в набор 07.07.86. Подписано к печати 30.07.87. М-19972. Формат 84×90$^1/_{16}$. Бумага офсетная мелованная № 1. Шрифт школьный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21. Усл. кр.-отт. 128,8. Уч.-изд. л. 22,75. Тираж 50 000 экз. Заказ № 90. Цена 3 р. 50 к. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательства «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 191187, Ленинград, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 193036, Ленинград, 2-я Советская, 7.

С $\frac{4803010102-178}{М101(03)-87}$ 378—87

Россійская Соціалистическая Федер

Смотри, Товарищ!

ВОТ

КРАСНАЯ ЗВѢЗДА

Почему Красная Армія носит
КРАСНУЮ ЗВѢЗДУ?

…еративная Совѣтская Республика.

„Пролетаріи всѣх стран, соединяйтесь!“

Ее носят красно-армейцы
на фуражках.
Она — отличительный знак
красно-армейца.

КРАСНАЯ ЗВѢЗДА — знак Красной Арміи.

3 р. 50 к.
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ВОЛЬТ
СУСЛОВ
ШЛА ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА